Сэмюэл

Беккет

Больше лает, чем кусает

Сэмюэл Беккет

Аннотация
Сэмюэль Беккет. Больше лает, чем кусает
ДАНТЕ И ОМАР
ФИНГАЛ
ДИНЬ-ДОН
ДОЖДЛИВЫЙ ВЕЧЕР
ЛЮБОВЬ И ЗАБВЕНИЕ
ПРОГУЛКА
КАКОЕ НЕСЧАСТЬЕ
BILLET DOUX СМЕРАЛЬДИНЫ
ЖЕЛТАЯ СТЕНА, ЖЕЛТЫЕ ВСПЫШКИ
ДРЯНЬ

Аннотация

Сэмюэл Беккет (1906—1989) — один из самых известных представителей авангардной литературы двадцатого века, лауреат Нобелевской премии 1969 года. По насыщенности слова его сравнивают с Джойсом, а по умению показать тщету и безысходность человеческого существования — с Кафкой.

"Больше лает, чем кусает" — один из ранних романов писателя — представляет собой ряд новелл, в центре которых жизненные перипетии Белаквы Шуа. Персонажи романа — своеобразный паноптикум невероятных в своей нелепости личностей. Беккет как бы препарирует героев, выставляя напоказ непривлекательные, гадкие, но порой забавные стороны их души, делая это с симпатией и ироничной нежностью. Роман пронизан каким-то особым, мрачным юмором. В нем смешные, доведенные до абсурда ситуации, как правило, заканчиваются трагедией...

Беккет был человеком невероятно эрудированным, поэтому его романы полны всяческими аллюзиями, намеками, отсыл-

ками на тексты, о которых читатель может даже не иметь представления.

Сэмюэль Беккет
Больше лает, чем кусает

ДАНТЕ И ОМАР

Утро уходило, а вот Белаква[1] никуда не двигался, крепко увязнув во Второй Песне Дантова "Рая". Второй по счету, но первой из тех, в которых изложены умные речи о Луне и небесных сферах. Застрял Белаква на Луне, да так прочно, что не мог двинуться ни вперед, ни назад. Кое что было вполне ясно: вот Блаженная Беатриче, вот Дант[2]; вот Беатриче поясняет Данту, чем, по ее мнению, являются пятна на Луне. Она обращает внимание Данта на его заблуждение относительно сущности лунных пятен и предлагает свое собственное толкование, и поскольку Беатриче излагает то, что сообщил ей сам Бог, то за полную достоверность сообщаемых ею сведений вполне можно было ручаться. Казалось, все так просто — только следуй за ней шаг за шагом. И

---

[1] Примечания: 1

Белаква — имя главного "антигероя" — позаимствовано из "Божественной Комедии" Данте Алигьери. Этот флорентиец помещен Данте среди лентяев в Чистилище (см. Четвертую Песнь "Чистилища"), так как был невероятно ленив; он занимался изготовлением деталей для музыкальных струнных инструментов, и Данте любил слушать его игру.

[2] Примечания: 2

Дант — так иногда называют Данте Алигьери (1265— 1321), чтобы придать его имени оттенок возвышенности и поэтичности.

в самом деле, сквозь начальную часть, ту, где Беатриче опровергает ошибочное мнение Данта, пробираться вроде бы и не очень тяжко. Беатриче четко излагает свои мысли, не уклоняясь в сторону и не теряя времени на излишние разглагольствования. Но вот дальше, дальше, там где начинаются разъяснения устройства небес и их вращений, все становится весьма запутанным и непонятным. И Белаква запутывался, терялся и никак не мог сложить цельной и ясной картины. Опровержение ошибочных взглядов — тут все понятно, осуждение их — тоже, а далее напирают доказательства, быстрое, без истолкований, перечисление множества всяческих сведений. И вот тут-то Белаква безнадежно застревал, его засасывало в трясину полной непроясненности. Белакве делалось скучно, ему хотелось поскорее перебраться в следующую Песнь, к Пеккарде Донати, которую ее братец Корсо насильно извлекает из монастыря и выдает замуж. Негодяй!

Но Белаква не сдавался, корпел над стихами, вдумывался в языковые загадки текста, которые никак не хотели поддаваться разгадке, но не признавал себя побежденным. Должен же он уяснить себе хотя бы смысл слов! Разобраться в том порядке, в котором они употреблены, понять, отчего

поэт, хоть и заблуждавшийся в отношении пятен на Луне и устройства небес, творил, создавая свои стихи, с таким радостным подъемом. А доплыв в потоке стихов до конца очередного Канто, Белаква мог бы с чувством удовлетворения поднять отяжелевшую от умственных усилий головушку, воздать благодарение Богу за помощь в трудах, и даже отказаться от некоторых своих ошибочных представлений.

Пробило полдень, а Белаква все еще напрягал свой мозг в попытках прорваться в смысл того пассажа, который упорно оставался непроницаемым для его понимания. Но услыхав бой часов, Белаква немедля прекратил свои умственные напряжения. Подсунув ладони под раскрытую перед ним книгу таким образом, что "Божественная Комедия" удобненько улеглась на них как на пюпитре, он осторожно, не закрывая, поднял ее вверх, почти под самый нос, а потом с упругим, громким хлопком сомкнул ее страницы. Некоторое время он держал книгу в воздухе, плотно сдавливая ее ладонями и косясь гневным оком, а потом отложил ее в сторону.

Белаква откинулся на спинку стула. Умственное напряжение стало спадать, и этот пакостный

взбудораженный quodlibet[3] стал тоже утихомириваться. Замер. Белаква отлично знал, что до тех пор, пока его мозг полностью не усмирится, пока не утихнут мозговые страсти, он ничего больше делать не в состоянии. И постепенно возбужденный мозг успокоился. Мозговую бурю сменил штиль. Вот теперь можно рискнуть и попытаться обдумать, что делать дальше. Ведь как обычно бывает — сделаешь одно, а тут, глядишь, уже что-то еще подкатывает, а потом еще, и так без конца. Три пункта дневной программы обозначились туг же и вроде как сами собою: первый — обед; второй — омар; третий — урок итальянского языка. Что ж, для начала более чем достаточно. А о том, что будет происходить дальше, после урока итальянского языка, у него было смутное представление. Хотя можно не сомневаться, что уже где-то и кем-то составлен скучный, мелочнодотошный план на остаток дня и на вечер, но Белаква, конечно, не ведал, какой именно. А зачем, собственно, это знать? Какое это имеет значение? Никакого. В данный момент имеет значение вот что: первое — обед; второе — омар; третье — урок итальянского языка. Более

[3] Примечания: 3

Нечто спорное, подлежащее разрешению в дебатах (термин средневековой схоластики); в переносном смысле — сложная проблема (лат.).

чем достаточно.

Да, обед — при условии наличия такового — дело преотличнейшее. Если обедом дано насладиться — а Белаква страсть как любил наслаждаться обедом,— то обед этот следует готовить в состоянии совершеннейшего умственного и душевного спокойствия. Но если вдруг в момент душевной расслабленности в предвкушении обеда ворвется к нему какой-нибудь никчемный болтун или сплетник, начнет тараторить, выдавать свои грандиозные мысли или выпрашивать чего-нибудь, тогда придется совсем отказаться от еды, ибо пища у него во рту станет горькой или даже хуже того — потеряет какой бы то ни было вкус вообще. В счастливую пору обеда Белаква должен пребывать в полном и ненарушаемом одиночестве, и никто-никто не должен мешать ему готовить еду.

Первым делом нужно проверить, заперта ли дверь на ключ. Так, заперта. И никаких нежданных гостей он не впустит. Белаква разложил старенькую газетку на столе и тщательно разровнял ее. С газетной страницы на него уставилось довольно красивое лицо убийцы по имени МакКейб. Отвернувшись от убийцы, Белаква зажег одну горелку на плите, снял с гвоздя на стене

асбестовый рашпер, который он употреблял в качестве приспособления для поджаривания гренков, и аккуратно поставил его точно над пламенем. Оказалось, следует несколько уменьшить высоту пламени. Гренок нельзя подвергать воздействию слишком большого пламени — он должен созревать медленно. Для превращения кусочка хлеба в гренок его необходимо поджаривать на небольшом, ровном огне. Только тогда он прожарится должным образом и снаружи, и в сердцевине, а вот если пламя окажется слишком большим, то гренок пообуглится сверху и снизу, а внутри останется все таким же мягким, как изначальный кусок хлеба. А Белаква больше всего на свете не любил гадостного чувства и неприятного разочарования, которые возникают в тот момент, когда зубы, проломив сладостно хрустящую корку, погружаются в липкую, влажную сердцевину непрожаренного гренка, отдающую сырым тестом. А ведь поджарить гренок должным образом отнюдь не составляет труда. Так, уменьшаем огонь, поправляем рашпер, и к тому времени, как я нарежу хлеб, думал Белаква, рашпер прогреется до нужной температуры. Буханка хлеба, похожая на бочонок, была извлечена из большой жестяной коробки, в которой когда-то содержалось

печенье, и уложена на физиономию Мак-Кейба. Два неумолимо-безжалостных взмаха ножа, похожего на пилу,— и парочка аккуратно отпиленных кусков хлеба, еще сырых, по уже ожидающих возможности доставить ему удовольствие, улеглась перед Белаквой. Культя буханки, подвергшейся ампутации, вернулась в свою жестяную тюрьму, а крошки лихорадочно-нетерпеливым жестом сметены с газеты на пол — Белакве явно не было дела до существования воробышков, этих охочих до крошек тварей; куски нарезанного хлеба схвачены, унесены но направлению к плите. Все эти подготовительные операции выполнялись в некоторой спешке и как-то бездушно, механически.

Но вот теперь, когда ломтики хлеба готовы к тому, чтобы быть помещенными на сетку рашпера, требуется внимание и истинное умение — именно в этот ответственнейший момент человек обыкновенный, равнодушный к искусству приготовления гренков, совершает ошибки, роковым образом сказывающиеся на их судьбе. Белаква приложил ломти хлеба к щеке и ощутил их губчатую упругость и податливость, их теплоту. Хлеб жил, дышал. Да, но вот скоро, скоро это ласкающее, плюшевое качество исчезнет,

эта белизна и добропорядочное, зажравшееся выражение сойдет с лица этих ломтей — уж он, Белаква, об этом побеспокоится, будьте уверены. Он уменьшил подачу газа еще на самую малую малость и — плюх — уложил один пухлый, рыхлый ломоть на зардевшуюся от жара поверхность рашпера. Движение было быстрым, но выверенным и расчетливым. Теперь рашпер с уложенным на нем ломтем хлеба стал напоминать японский флаг. Затем на первый ломоть опустился и второй — места на рашпере не хватало на размещение сразу обоих кусков хлеба рядышком, и если уж невозможно поджаривать оба гренка одновременно, то почему бы второму не взгромоздиться на первый и не подогреваться потихоньку? Когда первый кандидат в гренки дошел до нужной кондиции — то есть почернел и внутри, и снаружи,— он поменялся местами со своим сотоварищем и теперь возлежал сверху, почерневший и дымящийся, доведенный до предела, дальше которого ходу не было, и терпеливо ждал, пока тоже самое не сотворится с тем, что пребывал под ним.

Земледельцу просто, он все наследовал от матери Евы. А пятна на Луне — это Каин со своей вязанкой колючего хвороста, лишенный всего

нехитрого имущества, проклят, изгнан с лица Земли, беглец и бродяга. Лупа являет тот лик падшего и отмеченного вечным клеймом убийцы, лик бледен, иссечен, отмечен стигмой первого проявления Божьей милости и жалости, не позволившей отщепенцу умереть или быть убиенну вскорости после свершения злодеяния. Все смешалось в головушке землепашца, но это уже не имеет никакого значения. То, что принимала мать его, принимал и он.[4]

И вот Белаква, стоя на коленях перед огнем, пристально вглядывается в то, что делается на рашпере, держит под жестким контролем каждую фазу доведения гренков до нужной кондиции. Да, на это требовалась уйма времени, но если уж стоит чем-нибудь заниматься, то следует все

---

[4] Примечания: 4

Земледельцу просто... — "земледелец" — это Каин, а "мать" — это Ева; в том пассаже из Данге, который никак не может одолеть Беккетов Белаква (Песнь Вторая, строка 49 и далее, где излагаются рассуждения по поводу пятен, видимых на Луне, и всего небесного устройства: "Но что, скажите, означают пятна/ На этом теле, вид которых нам/ О Каине дает твердить превратно?"), речь идет об итальянском средневековом представлении, согласно которому в пятнах на Луне видели Каинову фигуру с вязанкой хвороста (англичане в пятнах видят просто "Человека"). Теперь читаем Библию, Книгу Бытия: "И еще родила [Ева] брата его [Каина] Авеля. И был Авель пастырь овец, а Каин был земледелец...". А после убийства Авеля Бог говорит Каину: "Ты будешь изгнанником и скитальцем на земле..." А Каин отвечает: "Вот Ты теперь сгоняешь меня с лица земли... И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его" (Бытие, 4: 2-15). Теперь становятся более понятными аллюзии этого абзаца. Ева

гордилась своим перворожденным сыном и возлагала на него — увы, не оправдавшиеся — надежды. Следует отметить также и то, что этот и другие подобные пассажи в тексте не вводятся обычным "подумал такой-то", они спонтанно возникают в сознании Белаквы и далеко не всегда поддаются расшифровке.

делать как должно. В этой сентенции сокрыта великая правда, да-с. Задолго до того, как процесс приготовления гренков подошел к завершению, комната переполнилась дымом и едким запахом горелого хлеба. Осуществив все, что было в человеческих силах, с соблюдением величайшего тщания и всех тонкостей гренкоприготовительного искусства, Белаква выключил газ и водрузил рашпер на гвоздик, что оказалось актом разрушительным, ибо на обоях тут же вздулся обожженный пузырь. Чистейшей воды хулиганская выходка. Ну и подумаешь, ему-то что. Этим гадким обоям, пожалуй, уже годков пятьдесят будет. Совсем выгорели и выцвели от старости. Как бледные, лиловосиние губки старушки. Как ни старайся, но сделать их хуже, чем они есть, все равно не удастся.

А теперь мажем гренки мягким сырком, пока их поры еще раскрыты от жара, немножко соли и перчику. И никакого, упаси Боже, сливочного масла! Просто намазываем немножко горчички, для остроты и усиления вкуса, ну и еще немножко соли и перчику. Теперь в самый раз. Сливочное масло на горячие гренки — величайшая ошибка. От масла гренок становится мягким, словно мокрым. Гренок с маслом — это для всяких там

старичков, у которых в челюстях одни только вставные зубы и остались, а своих уже и нету. А для такого крепкого бутончика, как Белаква, смазанные маслом гренки совсем ни к чему. Столько усилий пошло на их приготовление, и с каким вожделением предвкушал Белаква их поедание, которое наполнит его восторгом и трепетным победным чувством! Пожирать эти гренки будет так же приятно, как, скажем, сбить с ног какого-нибудь недоумка, впервые нацепившего коньки и выбравшегося на лед! Он будет вонзать в гренки свои крепкие зубы, ломать клыками, откусывать, растирать задними зубами в кашицу! Чувствовать сладкую боль, наносимую всеми этими обжи-тающими специями языку и нёбу! Из глаз слезы брызг! Кусок откушен, раздушен, проглочен, умер в желудке... Да-с.

Но Белаква пока не был готов приступать к трапезе. Еще предстоит столько всего сделать! Да, он возжег огонь на жертвеннике, воскурил фимиам, но пока еще не подготовил жертвы должным образом. А поглощать их умственно — это все равно, что ставить телегу перед лошадью.

Белаква ловким, хлопающим движением водрузил один гренок на другой, словно грохнул в литавры, и они тут же благодаря цементу рас-

плавившегося мягкого сыра плотно сцепились. Затем Белаква завернул гренки в обрывок старой газеты. Пускай ждут своего часа. И стал Белаква собираться в путь.

Теперь исключительно важно не встретить никого из знакомых. Чтоб не приставали со всякими разговорами и расспросами. Страшно подумать, что вот сейчас, когда он полностью изготовился ко вкушению своего обеда, его могут остановить и подвергнуть насильственной беседе... О, это была бы катастрофа! Все его существо настроилось на восприятие превеликой радости, ожидающей его. Если его свободный полет к тому месту, где он сможет насладиться едой, будет прерван, он швырнет свои гренки в сточную канаву и не доставит им удовольствия стать его обедом. Развернется и отправится назад домой. Вот так-то. Бывали дни, когда это страстное влечение к поглощению обеда, проистекавшее не столько от позыва голода, исходящего из желудка, сколько, как вы, конечно, прекрасно понимаете и без моей подсказки, от позыва, исходящего из головы, достигало столь безумной силы, что он готов был без колебаний ударить, измочалить кого бы то ни было, кто по неосторожности или по злому умыслу осмелился бы стать на его пути,

попытался бы задержать его, надеясь найти в нем слушателя своих никому не нужных и скучных излияний. Белаква грубым напором своего плеча тут же смел бы наглеца в сторону! Да, горе тому, кто попытался бы, случайно или намеренно, воспрепятствовать настроившемуся на обед Белакве достичь вожделенной цели!

Белаква, словно следуя нити Ариадны, низко склонил голову и суетливо ковылял сквозь лабиринт улиц, хорошо знакомый ему и безо всяких спасительных нитей. В одном месте он неожиданно, не замедляя ход, шмыгнул в маленькую семейную лавочку. Там его внезапному появлению отнюдь не удивились — почти каждый день он заскакивал туда с улицы именно таким образом.

Кусок сыру уже был для него приготовлен. Отчлененный еще утром от внушительных размеров головки, он терпеливо дожидался Белакву. Сыр горгонзола. Белаква знавал одного человека по имени Анджело. Этот Анджело родился в Ницце, но юные годы провел в Горгонзоле. Белаква, ныряя в магазинчик, знал наверняка, где именно, в каком месте лежит ожидающий его кусок сыра. Каждый день сыр располагался в одном и том же уголке и спокойненько дожидался, что-

бы его востребовали. Да, владельцы этой лавки — люди весьма добропорядочные, любезные и услужливые.

Белаква придирчиво осмотрел отрезанный для него кусок сыру. Перевернул его, чтобы взглянуть на тот бок, что поначалу располагался снизу. Этот нижний бок, теперь очутившийся сверху, оказался на вид еще хуже, чем тот, прежний верхний. Ага, лучшую сторону, значит, выставили вверх напоказ, хотели ввести его в заблуждение. Но можно ли строго судить лавочников за такие мелкие уловки? Белаква потер сыр пальцем. Сыр был влажным, вспотевшим. Так, это уже что-то. Белаква наклонился и понюхал сыр. Легкий запах гниения. Но Белакву никак не устраивал просто легкий запах, он не какой-нибудь там завалящий гурман, ему нужен совершенно явственно ощущаемый смрад разложения. Его удовлетворит отменно позеленевший, вонючий кусок горгонзолы живьем, так сказать, и именно такой кусок он во что бы то ни стало получит.

Белаква швырнул в лавочника свирепый взгляд.

— Это еще что такое? — прошипел он сквозь зубы.

Лавочник нервно поежился.

— Я спрашиваю, что это такое,— требовательно и злобно бросил Белаква. Когда он был во гневе, то ни перед кем не испытывал страха.— Вы что, ничего получше не могли найти?

— Во всем Дублине,— принялся заверять лавочник Белакву,— сколько б вы не искали, не сыскать вам более подгнившего сырку.

Белаква был вне себя от гнева. Нахал, да как он смеет? Белаква был готов броситься на лавочника с кулаками.

— Вы это что себе позволяете? — возопил он,— Я такого не потерплю, слышите? Так дело не пойдет, понятно?

Белаква даже зубами заскрежетал.

А лавочник, вместо того, чтобы, так сказать, метафорически умыть руки, наподобие того, как это сделал когда-то Пилат, расставил умоляющим жестом эти свои руки в стороны. Получился крест. Белаква неожиданно прекратил скрежетание зубовное, развернул сверток с заветными гренками и быстрым движением засунул охаянный кусок сыра меж двумя обугленными, черными, холодными деревяшками, которые еще совсем недавно были хлебом. Потом проковылял к двери, остановился и, резко поворотившись к лавочнику, выпалил:

— Так вы меня поняли, а?

— Сударь,— проговорил лавочник тоном не вопросительным, однако, и не так чтобы неохотно-соглашающимся. По такому тембру голоса совершенно невозможно было бы определить, что у человека на уме. Лавочник, используя такой ловкий тон в своем неопределенном ответе, проявил исключительную изобретательность.

— А я вам говорю, что так дело не пойдет,— воскликнул Белаква запальчиво,— совсем, говорю вам, не пойдет! Если вы и в будущем мне ничего лучшего не будете предлагать,— при этих словах Белаква резко поднял вверх руку, сжимавшую пакет с гренками и сыром,— мне придется искать сыр в каком-нибудь другом месте! Вот так-то! Запомните мои слова хорошенько!

— Сударь,— безынтонационно произнес лавочник.

Как только Белаква выскочил вон из лавки, лавочник, осторожно подойдя к двери и выглянув наружу, посмотрел вслед ковыляющему прочь возмущенному покупателю. Белаква хромал на обе ноги, которые почти постоянно причиняли ему боль. Даже ночью боль или вообще не хотела угомониться, или просто немного стихала. Обычно ножная пытка начиналась с мозолей и

пальцев, находящихся, по строгому медицинскому определению, в состоянии "молоткообразного искривления", потом боль распространялась все дальше, и вскоре судороги охватывали полностью обе ноги. И тогда Белаква в отчаянной попытке облегчить боль либо начинал тереть краями ступней о поперечину спинки кровати, либо же — что помогало лучше — скрючивался и принимался руками растирать ступни, лодыжки и икры. Проявляя должное терпение и применяя умелое растирание, боль можно было несколько угомонить, однако это отягощало и без того сложную проблему погружения в сон и получения достаточного ночного отдыха.

Лавочник, не спуская глаз с удаляющейся фигуры, не отводя их в сторону и не закрывая их, смачно высморкался в свой передник. Будучи человеком добросердечным и отзывчивым, он испытывал сочувствие и жалость к этому странному покупателю, который всегда выглядел болезненным, удрученным и подавленным. Но при этом, не забывайте, лавочник был мелким торговцем и обладал чувством собственного достоинства, столь свойственным мелким торговцам, и своим собственным пониманием того, что почем. И он стал прикидывать, сколько де-

нег набегало за неделю от продажи сыра этому покупателю — и получалось совсем мало. Ну нет, за такие деньги он не будет заискивать, не будет раболепствовать ни перед кем, ни за что. У него есть своя гордость.

Ковыляя по улочкам, ведущим окольными путями — во избежание случайной встречи с кем-нибудь из знакомых,— к той скромной и дешевой закусочной, в которой он обычно вкушал свой обед и в которой его приход не являлся неприятной неожиданностью — в том смысле, что его гротескный, нелепый вид не вызывал ни язвительных замечаний, ни смеха,— Белаква мало-помалу овладевал своим гневом. Желчь улеглась. Теперь, когда обед можно было считать уже почти fait accompli[5] (вряд ли кто-нибудь из болванов, таких же, как и он сам, страдающих словесным недержанием и испытывающих непреодолимое желание сообщить всем и вся свою очередную великую мысль, мучающихся от зуда навязывания себя другим для ведения никому не нужных бесед, забредал в этот захудалый район города), можно было вернуться в мыслях к более пристальному рассмотрению двух других

---

[5] Примечания: 5
Свершившийся факт (фр).

пунктов повестки дня: к омару и уроку итальянского языка.

Итак, на урок он должен явиться без четверти три, ну самое позднее — без пяти три. Закусочная закрывается на перерыв в половине третьего, зато открывается после перерыва рыбная лавка, та, что по соседству. Предположим, что его тетка — эта старая, вшивая сука — утром оставила в той рыбной лавке свои строгие и подробные распоряжения касательно до того, что именно ей нужно, сообщила, когда придут забирать заказанное, потребовала, чтобы ее племянничка, который должен объявиться в лавке сразу по открытии ее после перерыва, не заставляли ждать ни минутки. И если она все это сделала, то у него будет достаточно времени на все, даже если он досидит в закусочной до самого момента ее закрытия. Benissimo[6]. А сколько, собственно, у него имеется денежек? Так, этого хватит на две пинты бочкового пива — то есть больше чем на литр! — и еще на бутылку крепкого черного пива. Бутылочное пиво, между прочим, в той закусочной отличного качества. И после всех расходов у него останется какая-то мелочь, которой должно

[6] Примечания: 6
Превосходно (итал.).

хватить на газетку и на трамвай. А трамваем придется воспользоваться в том случае, если подведут ноги и не захотят идти дальше, ссылаясь на усталость, или если времени у него останется в обрез. Хотя вроде бы он должен поспеть со всем и как раз уложиться по времени — если, конечно, в рыбной лавке все будет готово к его приходу и ему тут же выдадут, что следует. Но на этих лавочников, черт бы их всех побрал, разве можно полагаться? Кстати, а вот упражнения к уроку он так и не сделал. Ладно, ничего, сойдет. Его преподавательница, профессоресса, signorina Адриана Оттоленги, ну просто очаровательная женщина. И к тому же еще и замечательная. Даже трудно представить, чтоб на свете существовала более умная и более знающая женщина, чем его маленькая Оттоленги. Она совсем не такая, как другие женщины! Белаква мысленно водрузил ее на пьедестал почитания. Она возвышается над всеми другими женщинами. На много голов... В прошлый раз она сказала, что они будут читать "Il Cinque Maggio"[7]. Но, будем надеяться, что если он

[7] Примечания: 7

"Пятое Мая" (итал). "Il Cinque Maggio" — ода Алессандро Мандзони, написанная на смерть Наполеона и воплотившая романтическое понимание поэтом истории и места личности в ней; фигура Наполеона дана как титаническая на широкой исторической перспективе.

попросит ее перенести чтение "Cinque Maggio" на какой-нибудь другой раз, да еще сделает это по-итальянски, она согласится. По пути он составит блестящую фразу по-итальянски, и она просто не сможет ему отказать. А Мандзони[8] просто баба, старая карга. И Наполеон тоже, между прочим, в некотором смысле старая баба. Napoleone di mezza calzetta, fa I'amore a Giacominetta[9]. А почему он, собственно, считает Мандзони старухой? И почему он так несправедлив к Наполеону? И Пеллико баба.[10] Все они глупые бабы, эти воители за права... Надо будет попросить signorin'y профессорессу растолковать ему, откуда у него взялось такое представление, что в девятнадцатом веке Италия была страной старых дев, иссохших куриц, стремившись кудахтать, да

---

[8] Примечания: 8

Алессандро Мандзони (1785—1873) был крупнейшим писателем итальянской романтической школы, выступал и как поэт, и как публицист, и как прозаик, являлся сторонником политического объединения Италии.

[9] Примечания: 9

Наполеон в коротких штанишках занимается любовью с Джикоминеттой (фр). Napoleone di mezza calzetta, fa l'amore a Giacominetta — скорее всего, это одна из тех рифмованных, ничего не означающих присказок, придумывать которые так любят итальянцы (что-нибудь вроде: "Голый, в штанишках, Наполеон/ Кувыркается с девицей он"), аллюзия на оду, пришедшая в голову Белакве.

[10] Примечания: 10

Сильвио Пеллико (1789—1854), итальянский писатель, карбонарий.

Одна из его трагедий — "Франческа да Римини" — построена на эпизоде из Дантовой "Божественной Комедии", и, очевидно, именно поэтому его имя всплывает в сознании Белаквы.

так сладостно, что и Пиндар[11] перед ними бы спасовал. И Кардуччи[12] тоже баба. Да, кстати, надо будет спросить и про пятна на Луне. Даже если госпожа профессоресса не сможет все растолковать сразу, на месте, то, без сомнения, при следующей их встрече она будет готова все ему подробно разъяснить. Так, теперь вроде бы все обдумано, в голове все приведено в порядок. Вот только омар остается фактором, не поддающимся упорядочиванию. Нужно просто надеяться на лучшее, вот и все. Но при этом быть готовым и к худшему. От этой мысли Белакве стало весело. К тому же оказалось, что он уже добрался до закусочной, и своим обычным шмыгом Белаква юркнул вовнутрь.

Белаква в прекрасном расположении духа приближался к дому, в котором проходили его занятия. С обедом все устроилось наилучшим образом. Полный успех! Этот обед останется в его памяти как высочайший образец, на который

---

[11] Примечания: 11

Пиндар (ок. 518—438 до Р.Х.) — древнегреческий поэт-лирик, автор исключительно возвышенной поэзии.

[12] Примечания: 12

Джозуэ Кардуччи (1835—1907) — крупнейший итальянский поэт второй половины XIX века, профессор истории литературы, лауреат Нобелевской премии (1906).

можно равняться и в будущем. Хотя вряд ли когда-либо удастся превзойти его. Поразительно, но даже тот сыр, который поначалу показался похожим на обмылок, оказался удивительно острым и пикантным. Из чего приходится заключить, что он, Белаква, в течение стольких лет пребывал в заблуждении, полагая, что острота сыра зависит от степени его зелености. Значит верно ведь говорят: век живи, век учись... Да, какой роскошный получился обед! Можно сказать, и зубы его, и нёбо, и язык все вместе побывали в раю! Как замечательно летели в разные стороны осколки разгрызаемых гренков! Словно брызги поедаемого стекла! Как гренки не сопротивлялись, он их одолел! Во рту все горело и болело. Особую остроту поглощаемой пище добавило сообщение, сделанное тихим, трагичным голосом, исходившим от Оливера, прислужника в закусочной, который, стоя за прилавком, своими удачно и так вовремя сказанными фразами, существенно улучшил вкусовые качества Белаквова обеда. Слова Оливера неспешно летели над прилавком и сообщали Белакве, что прошение Мак-Кейба — да, да, того самого убийцы — о помиловании, поддержанное и подписанное половиной населения страны, было отклонено и что соответственно осужденный

будет повешен на рассвете в Маунтджое[13], и ничего его уже не спасет. Палач Эллис уже в пути. Белаква, вгрызаясь в свой гренковый сэндвич и круговыми движениями побалтывая в бокале замечательное черное пивко, размышлял: что, интересно, чувствует сейчас Мак-Кейб, сидя в тюремной камере и ожидая смерти...

Все оборачивалось как нельзя лучше — и омар был готов к его приходу и instanter[14] вручен ему с приятной улыбочкой. Да, бывают же в этом мире удивительные проявления вежливости и доброжелательности! Светла улыбка и мило слово ободрения, исходящие от простого труженика, и глядишь — мир светлеет и наполняется радостью. А ведь улыбнуться — это так просто! Требуется лишь некое целенаправленное усилие мышц лица.

— С-в-шэнна свеж,— весело сказал лавочник, подавая Белакве омара.

— Что? Простите, я не совсем понял, что вы сказали.

— Я г-рю, с-в-шэнна свежомарчик,— пояснил лавочник,— Утренний.

---

[13] Примечания: 13
Маунтджой — тюрьма в Дублине.

[14] Примечания: 14
Мгновенно (лат.).

Белакве доводилось слышать, как домохозяйки, вопрошая пополудни или поближе к вечеру в рыбных лавках о времени забиения той или иной большой рыбины, получали ответ: "утреннее", и поэтому Белаква по аналогии решил, что "утренний" означает не время доставки омара, а время убиения этого животного.

Signorina Адриана Оттоленги ожидала Белакву в небольшой комнате, дверь которой выходила в просторную прихожую, столь внушительно выглядевшую, что Белаква мысленно называл ее "вестибюлем". Оттоленги обычно проводила свои уроки в этой комнате, отчего она и получила негласное название "итальянской". Из "вестибюля" можно было попасть и во "французскую" комнату. А где же "немецкая" комната? Этого Белаква не знал. Да и на кой черт ему это знать?

Белаква прицепил на вешалке в прихожей свое пальто и шляпу, положил на столик своего омара, завернутого в плотную коричневую бумагу, и живенько нырнул в "итальянскую" комнату.

По прошествии приблизительно получаса, посвященного всякого рода упражнениям, госпожа Оттоленги похвально отозвалась о той все растущей уверенности в понимании итальянского языка, которую Белаква постепенно обретал.

— Вы делаете быстрые успехи,— добавила она своим надорванным голосом.

В госпоже Оттоленги кое-что сохранилось со времен ее молодости, но не более того, сколько могло бы сохраниться в женщине ее возраста и аристократического происхождения, которая в какой-то момент, в уже достаточно давнем прошлом, вдруг обнаружила, что ей невыносимо скучно и утомительно быть молодой, красивой и целомудренно-чистой.

Белаква, пытаясь скрыть то великое удовольствие, которое доставила ему похвала, открыл Дантову "Комедию" на том месте, где идет речь о пятнах на Луне и прочих заумных материях.

— Да,— просипела госпожа Оттоленги,— я знаю этот пассаж. Он знаменит своей темнотою. Дразнящий, можно сказать, отрывок. Побуждающий к разгадыванию того, что в нем сокрыто. Но вот так, сразу, я не возьмусь его толковать. Дома я непременно посмотрю его еще раз, внимательно почитаю комментарии и потом вам все расскажу.

Ну разве не мило с ее стороны! Она придет домой, откроет свой огромный фолиант подробно комментированного Данте, прочитает умные разъяснения и все ему расскажет! Какая замеча-

тельная женщина!

— Знаете, мне пришло в голову,— сказала Оттоленги,— уж и не знаю в какой связи, что вы действительно достигли солидных успехов в итальянском и могли бы обратиться к тем местам Дан-тового "Ада", где чувствуется сострадание к обреченным. Когда-то, в давние времена, этому вопросу уделялось исключительно много внимания.

Когда госпожа Оттоленги употребляла глагол в прошедшем времени, ее голос приобретал очень печальное звучание.

Белаква придал своему лицу глубокомысленное выражение.

— А мне в этой связи почему-то вспомнилась строка с удивительно тонкой игрой слов: "qui vive lapieta quando e ben morta..."[15]

На эту игру слов госпожа Оттоленги никак не откликнулась.

— Что, разве это не великолепная фраза? — выпалил Белаква на одном дыхании.

Госпожа Оттоленги снова не изволила ничего ответить.

— А все-таки,— настаивал Белаква, уже ощущая

---

[15] Примечания: 15

"и здесь жив к добру тот, в ком оно мертво..." (итал.) Данте. "Божественная комедия". "Ад". Песнь Двадцатая. Пер. М.Л.Лозинского.

себя дураком,— интересно, как можно было бы перевести эту строку, чтобы сохранить все, что в ней заложено?

И на этот призыв госпожа Оттоленги никак не откликнулась. Лишь после продолжительной паузы она пробормотала:

— А вы считаете, что это непременно следует перевести?

Из прихожей донесся шум каких-то борений. Шум быстро стих. И тут же раздался дробный стук в дверь, словно протарахтели бубном. Явно стучали костяшками пальцев. Дверь резко распахнулась — и пред очи Белаквы и Оттоленги явилась мадемуазель Глэн, учительница французского языка. На руках она держала, плотно прижимая к телу, свою кошку. Глаза учительницы готовы были выскочить из орбит и висеть на стебельках, как у краба. И вообще она пребывала в состоянии крайнего возбуждения.

— Ах, извините,— воскликнула учительница задыхающимся голосом,— извините за врывание сюда и мешание, но... но, что там есть в пакете?

— В пакете? — удивилась Оттоленги,— В каком пакете?

Французским шагом Глэн вошла в комнату поглубже.

— Ну, как это называется? Сверток, бумага,— Она в смущении зарылась лицом в кошку.— Там, в вестибюль, на столике...

— Это мое,— сдержанно проговорил Белаква, и причем по-французски.— Это рыба.

Он не знал, как сказать по-французски "омар". И "рыба" вполне сойдет. Если рыба подходит для Иисуса Христа, Сына Божьего, Спасителя[16], то, конечно же, она подойдет и для мадемуазель Глэн.

— Понятно,— проговорила мадемуазель Глэн с явным, хотя и не выраженным словами, облегчением.— Я поймаля кошку как раз в нюжный момент.— Мадемуазель Глэн произвела легкое похлопывание по кошке.— А то она, проказница, могля порвать все в кусь-очки.

Белакву охватило некоторое беспокойство.

— Так кошка добралась все-таки до свертка? —

---

[16] Примечания: 16

Если рыба подходит для Иисуса Христа... — в раннем христианстве греческое слово "ichthys" — "рыба" расшифровывалось как аббревиатура греческой христианской формулы: "Иисус Христос, Божий Сын, Спаситель" (по первым буквам); рыба также являлась символом веры, чистоты, девы Марии, крещения, причастия; в раннехристианской литературе Иисус Христос иногда называется "Рыбой"; существуют изображения Христа в катакомбном искусстве раннехристианских времен в виде рыбы; именно рыбу (и хлеб) Иисус умножает, чтобы утолить голод пришедших слушать его; реакция Белаквы скорее всего не столько благочестивая или, наоборот, богохульная, а ассоциативная, случайно возникшая.

спросил он, не делая в этот раз никакой попытки переходить на французский.

— Нет, нет, нет! — воскликнула француженка,— Я поймали кошку как раз во время! Но я не знала,— добавила она со стародевическим подхихикиванием, столь типичным для синего чулка,— что в том пакет может быть, поэтому я решился подойти к вам и спросить.

Пошлая сука, всюду сующая свой нос!

Представительницу старинного рода Оттоленги это небольшое происшествие слегка позабавило.

— Puisqu'il n'y a pas de mal...[17] — сказала она очень усталым голосом, но с весьма элегантным выговором.

— Heureusement[18].

И судя по интонации, с которой Глэн это произнесла, сразу становилось ясным, что она вполне искреннее считает heureusement, что все обошлось и ничего ужасного не произошло.

Наказав кошку легкими шлепками, Глэн повернулась и направилась к двери. Седина в волосах, которую только теперь, глядя вслед удаляющейся

---

[17] Примечания: 17
Поскольку ничего плохого... (фр).

[18] Примечания: 18
К счастью (фр).

Глэн, заметил Белаква, резанула по его глазам своим стародевичеством. Благочестивая, девственная педантка, синий чулок, переживающая в душе так и не состоявшийся скандальчик.

— Так на чем мы остановились? — спросил Белаква.

Однако неаполитанское терпение отнюдь не безгранично. Более того, оно легко исчерпывается.

— А на чем вообще мы останавливаемся в этой жизни? — вскричала представительница рода Оттоленги.— Где, а?

Белаква приближался к дому, в котором жила его тетя. А какую пору года мы выберем? Ну, давайте остановимся на зиме — это позволит приблизить сумерки, а за ними и темноту, и вывести на небо луну. При подходе к дому Белаква увидел на скрещении улиц упавшую на мостовую лошадь и человека, сидящего у нее на голове. "Наверное, так зачем-то нужно",— подумал Белаква. Но все-таки зачем и почему он так сидит? Мимо Белаквы пронесся человек на велосипеде. Он держал под мышкой длинную палку, что напоминало рыцаря с копьем на турнире. Велосипедный рыцарь бился на копьях с лучиками желтого света, который испускали огоньки, там и

сям засветившиеся ввечеру. Казалось, он вот-вот бросится со своим копьем на уличные столбы, как Дон Кихот на мельницу. Укатил. В подворотне Белаква узрел бедно одетую парочку. Женщина прислонилась спиной к решетке ворот, низко наклонив голову. Мужчина стоял прямо перед ней, очень близко, с безвольно опущенными руками. "На чем вообще мы останавливаемся в этой жизни?" — вспомнил Белаква слова Оттоленги. Он все ближе подходил к дому тетки, сжимая в руках заветный сверток. Почему нельзя допустить существование благочестия и благорасположения даже в аду? Почему нельзя сочетать милосердие и милобожие? Немножко милосердия перед лицом жертвенности. Белаква думал об Ионе, и о тыкве, которая выросла по повелению Божия над его головой для защиты от солнца, и о сострадании, проявленном заботливым Богом по отношению к Ниневии, столице кровожадной Ассирии.[19] И о бедном убийце Мак-Кейбе, которому на рассвете накинут удавку на шею. Что он, любопытно было

---

[19] Примечания: 19

Белаква думал об Ионе... — Книга Пророка Ионы: 4:6. "И произрастил Господь Бог растение, и оно поднялось над Ионою, чтобы над головою его была тень и чтобы избавить его от огорчения его; Иона весьма обрадовался этому растению..." (11) "Мне ли [сказал Господь Бог] не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек, неумеющих отличить правой руки от левой, и множество скота?"

бы знать, поделывает сейчас, в эту минуту? Что чувствует? Что ему в этой жизни осталось? Всего лишь еще один, последний ужин, всего лишь еще одна, последняя ночь. Сумеет ли он ими насладиться?..

Белаква нашел свою тетушку в саду — она занималась теми цветами, которые тихо умирают своей смертью в указанную нами пору года (в Ирландии, знаете ли, и зимой бывает достаточно тепло). Она обняла явившегося племянничка, и вдвоем они спустились в земное чрево — сошли в кухню, расположенную в подвале. Тетушка приняла из рук племянника сверток, быстрым движением положила его на стол, развернула. Обнаружился омар.

— Меня уверяли, что он свежий,— сообщил тетушке Белаква.

И тут он заметил, что морское бесполое чудище слегка пошевелилось. Да, совершенно точно, оно чуток передвинулось! Белаква невольно вскрикнул, а рука его сама по себе взметнулась вверх, прикрывая рот:

— Боже мой, да он живой!

Тетя бросила быстрый взгляд на омара, лежащего на столе. Тот изволил совершить еще одно движение, судорожно дернулся, являя тем самым

бесспорное наличие в нем жизни. Белаква и тетка склонились над омаром, беззащитным, трепещущим распятием, распростертым на клеенке. Тот встрепенулся еще раз. Белаква почувствовал, как к горлу подступает тошнота.

— Боже мой,— прохныкал он,— он живой, что мы теперь делать-то будем?

Тетушка нехорошо рассмеялась. А что еще ей оставалось делать? Она прытко поскакала к себе в кладовку на поиски передника, а Белаква остался стоять у стола с вытаращенными на омара глазами. Через мгновение тетка возвратилась к столу, с деловым и решительным видом закатала рукава.

— Ну что ж, будем надеяться, что этот омар еще живой. Чем живее, тем лучше.

— Значит, все это время...— пробормотал Белаква. И через мгновение, рассмотрев, какое ужасное приспособление тетка держит в руках, он вскричал: — А что ты собираешься делать?

— Как что? Сварить эту тварь,— спокойно пояснила тетка.— А зачем еще мне могла бы понадобиться кастрюля?

— Но он же еще не дохлый! — возмутился Белаква.— Разве можно живого — и в кипяток?

Тетка метнула в племянничка вопросительно-

подозрительный взгляд: а не повредился ли он несколько в уме?

— Не говори глупости,— резким тоном урезонила Белакву тетка,— Омаров всегда варят живьем. Так положено. Омаров готовят именно так.

Тетка ловким движением подхватила омара со стола и перевернула его на спину.

— Эти твари все равно ничего не чувствуют,— пояснила она.

Совсем недавно этот красавец омар по глупости своей забрался в подлую ловушку, установленную жестоким человеком. Потом его вытащили из воды, но еще много часов он потихоньку как-то дышал. Потом он пережил нападение кошки француженки и его, Белаквы, идиотское сдавливание и стискивание в пакете. А все для чего? Теперь вот ему придется отправиться в кипяток. Потому что так "надо". Ввысь вознеси мое дыханье.[20]

Белаква в упор посмотрел на старый пергамент, в который превратилась кожа на лице тетки. В неярком свете кухни пергамент выглядел мертвенно-серым.

— Ты вот бухтишь, сам заводишься и меня заво-

---

[20] Примечания: 20

Ввысь вознеси мое дыханье — цитата из "Оды к соловью" Джона Китса.

дишь,— сердилась тетка,— а потом и за ужином сидишь набыченный.

Она подняла омара со стола. Вода закипала. Омару оставалось жить не более тридцати секунд.

"Ну что ж, по крайней мере, это быстрая смерть",— подумал Белаква. Боже, спаси нас всех и помилуй.

Отнюдь не быстрая.

ФИНГАЛ

Девушка, с которой встречался Белаква — последняя в ряду других,— была хорошенькой, заводной и весьма остроумной. По степени значимости и проявленности эти качества располагались именно в такой последовательности. Потом, правда, несколько позже тех событий, о которых повествуется в этой главе, после того как с Белаквой в самый неподходящий момент случился приснопамятный приступ беспричинного смеха, всякое ухаживание и встречи пришлось на некоторое время прекратить.

Так вот, в то время, когда ухаживание еще имело место, Белаква и его девушка отправились за город — Белаква вел Винни к Холму Фелтрим. Пройдя некоторое расстояние по дороге, связывающей Дублин с Мэлэнайдом, но не доходя до Замковых Лесов, они свернули с дороги на восток. Вскоре они увидели холм, который издалека вполне можно было принять за огромную кучу горных отбросов. На вершине виднелись развалины мельницы. Мягко поднимающиеся склоны густо поросли ежевикой и утесником.

Холм благодаря полуразваленным останкам высокой мельницы приметной вехой торчал среди равнинных пространств, его окружавших, и был виден издалека. Его еще называли Волчьим.

Они взобрались на вершину, но спустя совсем немного времени Белаква почувствовал, что ему становится грустно, он ощутил себя одиноким, неприкаянным. А вот Винни, если судить по ее виду и поведению, пребывала в отличном настроении. Она наслаждалась теплым солнцем и открывающимися с вершины прекрасными видами.

— Посмотри, ну разве Дублинские горы не очаровательны? — пропела она.— Гляди, они подернуты дымкой, в них столько мечтательности!

А Белаква как раз в это время смотрел совсем в другую сторону — его взгляд бродил по устью реки.

— А ветер-то восточный,— проговорил он.

Винни продолжала восторгаться то одним, то другим: смотри туда, вон там, видишь, гряда гор на острове Лэмбей? Правда, напоминают замок? Гляди, отсюда кажется, что те холмы вырастают прямо из леса; смотри, а лес уже совсем стал каким-то коричневым; гляди, знаешь, как то место называется? Око Ирландии, но оно похоже не на

глаз, а на акулу; а вон там, гляди, на севере, такие дурацкие низенькие холмы. Ты не знаешь, как они называются?

— Та местность называется Нол,— буркнул Белаква, повернув в указанном направлении голову.— Как это можно не знать, что такое Нол?

Последнюю фразу Белаква произнес возмущенным тоном; подобным тоном, например, много попутешествовавшая старая дева восклицает: "Как, вы были в Венэцыи и не катались в гондоле" (ставя ударение на первый слог в "гондоле" и насилуя произношение слова "Венеция"); или: "Как, вы ходили по Елисейским Полям в Париже и не заходили в магазинчик мадам де Варэн?"

— Северной части Дублина я не знаю вовсе,— сказала Винни.— Там все такое плоское и скучное, и все дороги ведут в Дрогеду.

— Это район Фингал скучен? — вскричал Белаква.— Винни, ты меня просто поражаешь.

Некоторое время они в молчании осматривали Фингал: побережье, изъеденное ручьями и болотами; мозаику маленьких земельных участков; полосы леса, деревья которого издалека больше походили на упрямо вздыбленные стебли высокой, сорной травы; линию холмов, слишком низких, чтобы собою замкнуть видимое про-

странство — и взгляд шагал дальше, к линии горизонта.

— Волшебная страна,— вздохнул Белаква,— вроде как Сона и Луара[21].

— Это мне ничего не говорит,— фыркнула Винни.

— Конечно, не говорит,— еще раз вздохнул Белаква,— bons vins et Lamartine[22], земля, где возделывают виноград, из которого производят шампанское, земля, взрастившая людей серьезных, не какой-нибудь там детский сад Виклоу[23].

Раз проехался по всяким заграницам, а уже воображает, что все видел и все знает, наверное, подумала Винни.

— Как ты надоел со всеми этими своими печальными и серьезными личностями! — воскликнула Винни,— Ты так всю жизнь и будешь про них талдычить?

— Ну, если тебе не интересно со мной, могу

---

[21] Примечания: 21

Сона и Луара — департамент во Франции.

[22] Примечания: 22

Прекрасные вина и Ламартин (фр.). Альфонс де Ламартин (1790—1869) — французский поэт-романтик.

[23] Примечания: 23

Виклоу — восточное графство в ирландской провинции Ленстер и центральный город графства.

предложить Альфонса[24],— отпарировал Белаква.

А Винни немедля ответила, что с Альфонсом он может общаться сам. Потянуло колючим, неприятным холодком назревающей ссоры.

— А что это у тебя на физиономии? — вдруг сердито спросила Винни.

— Импетиго.

— Что-что?

— Импетиго, кожная сыпь.

Белаква еще ночью почувствовал, что на лице начинается страшный зуд, а значит, к утру оно украсится сыпью, которая вскорости начнет шелушиться.

— А ты с такой штукой на ро... на лице еще и целоваться лезешь!

— Я просто забыл, извини. Я был слишком... ну, чувства, знаешь, и все такое.

Винни, достав свой платочек, поплевала на него и тщательно обтерла губы.

Белаква смиренно и униженно улегся на земле у ее ног, надеясь, что она тут же вскочит и уйдет, оставив его одного. Но она не вскочила и не ушла, а просто спросила:

---

[24] Примечания: 24

...могу предложить Альфонса — иными словами, Белаква предлагает Винни общество поэтических произведений Альфонса Ламартина.

— А от чего это бывает? И вообще, что это такое?

— Что-то вроде раздражения кожи. От грязи,— пояснил Белаква.— У детей трущоб такое встречается сплошь и рядом.

За этими словами последовало длительное, неловкое молчание.

— Не сковыривай, миленький,— неожиданно сказала Винни,— от этого только хуже будет.

Эти слова оказались для Белаквы как глоток чистой холодной воды для узника, изнывающего от жажды в каменной темнице. Ведь такое проявление доброжелательности с ее стороны наверняка что-нибудь да значило! Чтобы скрыть свое смущение, Белаква отвернулся и снова стал рассматривать панораму Фингала.

— Я часто прихожу сюда, на этот холм,— поведал Белаква, продолжая смотреть на Фингал,— и с каждым разом все больше и больше воспринимаю его как некую тихую заводь, своего рода убежище от суеты, место, куда можно являться запросто, не вырядившись, а так сказать, в домашнем халате, с сигарой в зубах... ("Ну, понесло его,— подумала Винни,— опять зафонтанировал словами".) Место, куда можно бежать, если исстрадался душой, особенно если страдания

причинены женщиной.

— Это все твои придумки,— фыркнула Винни.— Я вижу только небольшое поле да несколько коров на нем. Вот и все. Чтобы удалиться в глушь и пахать свое поле нужно сначала быть Цинцинна-том[25].

Настроение у Белаквы и Винни кардинально и противоположно поменялось — теперь она впала в меланхолию, а он ощутил прилив душевной бодрости.

— Винни, Винни,— тихо проговорил он, делая слабую и нерешительную попытку воспользоваться моментом ее душевного расслабления (а почему бы в самом деле не воспользоваться моментом, ведь она так или иначе сидела рядом с ним на траве).— Сейчас ты очень похожа на

---

[25] Примечания: 25

Луций Квинкций Цинциннат, согласно римскому историку Титу Ливию (Книга 111.26—28), жил в V веке до Р.Х. и был известен своими полеводческими и организационными талантами, однако, предпочитал заниматься сельским хозяйством на своем маленьком участке за Тибром недалеко от Рима. В 458 году, во время тяжелой войны, Римский Сенат решил назначить Цинцинната диктатором (в древнеримском, конечно, смысле — т.е. официальным лицом, обладающим всей полнотой власти; диктаторов во времена Республики назначали не более чем на полгода). Послы застали новоназначенного диктатора, копающегося в земле на своем участке. Отерши пыль и пот и одевшись в тогу, принесенную ему женой, Цинциннат выслушал послов, а затем тут же отправился в Рим, принял командование войсками, разбил врагов и на 16-й день, сложив диктаторские полномочия, снова вернулся на свое поле; очевидно, Винни имеет в виду, что Белаква отнюдь не обладает достоинствами, сравнимыми с Цинциннатовыми,

чтобы удаляться от мирской суеты и копаться в земле; далее в этой главе есть эпизод, в котором Белаква испытывает зависть к человеку, ковыряющему борозды поля вилами.

древнюю римлянку.

— Ага, Белаква меня все еще любит,— сказала Винни так, словно Белаквы рядом не было, и прозвучало это непонятно как — то ли в шутку, то ли всерьез.

— Тебе так идет, когда ты дуешься, ну, надуй снова губки,— стал просить Белаква,— будь истинной римлянкой, а за это я поведу тебя через устье, на ту сторону реки.

— Ну, а дальше что?

Дальше? Винни, подумай хорошенько, прежде чем соглашаться.

— Ага, я вижу ты задумалась. Может быть, и контрактик составим[26], и заверим у нотариуса?

Белаква обычно был, как воск в ее руках, она крутила им, как хотела, но теперь, когда их настроения пришли в некое равновесное противостояние, Белаква, испытав прилив каких-то неясных, но приятных чувств, вдруг сделался неподатливым. Она долго смотрела в сторону того небольшого участка земли, который вызвал их разногласия, а он телепатическими сигналами пытался заставить ее сохранять молчание, сидеть вот так, как она сидит, с суровым выра-

---

[26] Примечания: 26

...контрактик составим...— подразумевается брачный контракт.

жением на лице, молчаливая puella[27] в мире без четких границ. Но Винни заговорила (найдется ли кто-нибудь, наконец, кто заткнет им, этим женщинам, рог раз и навсегда?) и сказала, что там, вдали, она ничего особенного не видит, кроме серых фигурок крестьян, надрывающихся в поле, как крепостные, и высоких заборов вокруг усадеб тех, кто когда-то стоял близко к высшей власти. А когда дела заворачивались туго и становилось совсем худо, чем они все оказывались? Никчемными болванами, прахом... Вот если закрыть глаза, тогда в том мире, под веками, действительно можно увидеть кое-что интересное... И Белаква решил, что он больше не будет говорить о Фингале, не будет больше пытаться дать ей понять, чем для него является Фингал, он навсегда спрячет Фингал в тайниках своей души. Так будет лучше.

— Посмотри вон туда,— Белаква ткнул пальцем в пространство.— Там, за рекой, большое красное здание с башнями.

Винни несколько раз моргнула, фокусируя взгляд.

После пристального и весьма продолжитель-

---

[27] Примечания: 27
Девушка (лат.).

ного всматривания, она решила наконец, что разглядела то, что он хотел, чтобы она увидела.

— Это там, совсем далеко, с круглыми башнями? — спросила она.

— Да, да. Знаешь, что это за дом? Моя душа живет именно там.

"Ну и ну,— подумала Винни, неужто ты собираешься раскрыть мне свою душу и выложить все карты на стол?"

— Нет, я не знаю, что это за здание. Похоже на хлебный завод.

— Это сумасшедший дом в Портрейне,— пояснил Белаква.

— Неужто? Я знаю одного врача, который там работает.

Раз уж так вышло, что там, в Портрейне, работает знакомый врач и там же лежит душа, то решено было туда отправиться.

Они шли дальней дорогой, обходя устье реки, наслаждаясь воображаемыми стаями лебедей и лысух; они карабкались по дюнам, прошли мимо Башни Мартелло и в итоге вышли к Портрейну с юга и со стороны моря, а не со стороны железнодорожного моста. Благодаря такому обходному маневру им удалось оставить в стороне ужасающе уродливую часовню в Донабейте. Портрейн

был утыкан башнями, как Дун Лаогхейр[28] шпилями: две башни Мартелло, рыжие башни лечебницы для умалишенных, водонапорная башня и вымощенная площадка вокруг башни.

Не заметив предупреждения, запрещающего посторонним "проход по подведомственной территории", прицепленного на доске неподалеку от домика береговой охраны, Белаква и Винни, подвергая себя риску судебного преследования, стали взбираться на холм, на котором стоял этот домик. Они двигались по заросшей травой кромке вспаханного поля. В одном месте, где трава была особенно густой, они наткнулись на спрятанный в ней велосипед. Белаква испытывал слабость к велосипедам. Подумать только — в таком неожиданном месте обнаружить велосипед! Владелец укрытой в траве машины находился неподалеку в поле, вилами разрыхляя почву в бороздах.

— Мы доберемся этим путем до башни?! — выкрикнул Белаква.

Человек в поле повернул голову.

— Ото такочки до башни попадем?! — снова заорал Белаква.

---

[28] Примечания: 28

Дун Лаогхейр — легендарная крепость — резиденция королей Тары на побережье Ирландии,— построенная в V в. королем Лаогхейром; ныне порт в графстве Дублин.

Человек в поле разогнулся и показал рукой, в каком направлении надо идти.

— Топайте вот так и попадете куда надо,— пояснил он нормальным голосом.

— А там через стену перелезть?! — снова прокричал Белаква, хотя никакой необходимости кричать не было. В поле стояла такая тишина, что и безо всякого крика можно было бы вести беседу и на более значительном расстоянии. Но Белакве очень хотелось, чтобы его поняли сразу— ему была крайне неприятна мысль, что, может быть, придется объяснять все снова и снова, и он не только безо всякой нужды поднимал голос до крика, но еще и выговаривал слова так, чтобы они прозвучали по-деревенски. Этот нелепый говор вызвал удивление и раздражение Винни.

— Послушай, не корчь из сэбэ дэревэньського прыдурка,— бросила Винни сердито.— Ты что, сам не видишь, куда нужно идти? Дойдем до той стены, а там перелезем через нее.

То ли человеку с вилами понравилось по какой-то причине упоминание о стене, то ли он обрадовался возможности прервать на некоторое время работу, но так или иначе он отбросил вилы и, тяжело и неуклюже ступая, направился к тому месту, где стояли Белаква и Винни. В его внешнем

виде не было ничего примечательного. Подойдя совсем близко, он сказал, что им надо сначала идти прямо, вот туда, потом, да, перелезть через стену, и они сразу увидят башню, что на вершине холма, там, где заканчивается поле, или они могут вернуться, дойти до дороги, а потом идти по дороге, пока не дойдут до Валов. Каких еще Валов? Может быть, этот деревенщина просто чокнутый? Один из тех сумасшедших, которых отпускают из больницы на некоторое время, потому что они ведут себя смирно? Белаква спросил, а стара ли башня, хотя для того, чтобы определить, что она относительно недавней постройки, совсем не требовалось консультации доктора Петри[29]. Человек, дававший пояснения, сообщил, что башню построили в год Великого Голода[30], кажется, для того, чтобы размещать там беженцев из наиболее пострадавших районов. Ну, по крайней мере, так говорят, ну, так рассказывала одна дама, имя

---

[29] Примечания: 29

...доктора Петри — сэр Вильям Мэттью Флиндерс Петри (1853—1942), английский археолог; вел раскопки в Египте.

[30] Примечания: 30

Великий Голод 1845—1849 гг. в Ирландии был вызван в основном болезнью картофеля, приведший к гибели урожая этой сельскохозяйственной культуры; картофель составлял основу пропитания ирландцев; Британия практически ничем Ирландии не помогала, более того, ирландским беженцам был запрещен въезд в Британию, и сотни тысяч ирландцев вынуждены были эмигрировать в США.

которой он предпочитает не упоминать, чтобы не задеть чести ее мужа.

— Ну что, Винни, полезем через стену или вернемся и поднимемся к башне со стороны реки? — спросил Белаква.

— А от-тель, с холма-то, вид на залив Лэмбей очень даже хороший,— сообщил человек, дававший пояснения.

Винни ратовала за то, чтобы карабкаться через стену, полагая, что так будет значительно ближе, особенно учитывая то, что они уже так далеко забрались. Человек, дававший пояснения, пытался помочь в разрешении возникшего затруднения. А в голове у Белаквы постоянно крутились мысли о той прекрасной машине, что спрятана в траве, и ему никак не хотелось уходить от нее. Но надо же в конце концов на что-то решаться!

А мне бы хотелось посмотреть эти Валы,— промямлил Белаква.

Может быть, это какая-нибудь древность!

— Ну подумай сам: мы уже почти добрались до башни, осталось идти совсем немного, а если возвращаться к твоим Валам, то придется сначала лезть вниз, а потом карабкаться вверх!

И они — Белаква и человек, пришедший с поля и дававший пояснения,— согласились, что это

было бы действительно неразумно и что для разрешения загвоздки в таких делах как раз-то и нужна женщина, ведь только женщина в такой ситуации может все трезво обдумать и дать толковый совет. И совсем неожиданно между Белаквой и человеком с поля возникла некая невидимая связь.

Первое впечатление от башни было хорошим, однако по мере того как взгляд полз вверх, останавливаясь на запертой двери, росло ощущение ее похоронного предназначения, тлена, запустения. Ничего возвышенного. Наверное, так и в браке — все начинается хорошо, а потом превращается в постылую обыденщину, заканчивающуюся смертью.

Пробыв на вершине холма совсем недолго, Белаква опять стал ощущать себя одинокой и несчастной тварью, загнанным животным. Они сидели на траве, лицом к морю. Где-то далеко внизу и позади них располагалась лечебница для умалишенных.

— Прекрасный вид,— сказала Винни,— Кажется, что залив Лэмбей совсем рядом. С такой высокой точки я его никогда не видела.

Отсюда Белаква хорошо видел человека в иоле, продолжавшего ковырять землю вилами, и ему

вдруг очень захотелось быть там, внизу, рядом с ним, чем-то помогать, ковыряться в глинистой земле. Белаква начал самому себе объяснять, почему вдруг у него возникло такое желание, но тут же прервал затеянное и стал бездумно глядеть на неяркую желтую полосу на склоне холма — то были заросли можжевеловых кустов и крестовника, растущие бок о бок.

— Смотри,— сказала Винни,— какие замечательные развалины, вон там, налево, все заросло плющом.

Руины церкви, два небольших поля, за ними — еще одна башня, квадратная, одинокая.

— Вот это все как раз и дает мне sursum corda[31],— вздохнул Белаква.

— Ну, в таком случае, не лучше ли нам двигаться дальше,— мгновенно предложила Винни.

— Дурацкая эта башня! — воскликнул Белаква. После того как ему рассказали, для чего она предназначалась, у него возникла к ней неприязнь,— Торчит здесь, перед больницей, а они, как дураки, уселись тут же...— Но так и осталось

---

[31] Примечания: 31

Воспрянь сердцем (лат.); в римско-католической службе (и в англиканской) — антифон (ектенья), призывает верующих соединяться в восславлении Господа; в переносном значении — нечто, что побуждает к душевному подъему, возвышает сознание, улучшает настроение.

непонятным, имел ли он в виду их самих или кого-нибудь еще.— Смотри, какие умилительные амбразуры в стене...

Из дверей больницы потекли под теплые лучи солнца умалишенные. Тех, кто вел себя смирно, оставили заниматься какими-то своими делами, а остальных группками, как стадо животных, выпасали надзиратели. По свистку стадо останавливалось или продолжало движение.

— Умилительны, как умилителен и цвет кирпича старой мельницы в Фелтриме,— продолжал говорить Белаква, словно бы сам с собою.

Но что же их, в конце-то концов, заставит замолчать?

— Они розового оттенка,— продолжал Белаква,— такого же, каким и я сам был когда-то, маленький, толстенький, перекормленный мальчик... я сидел на полу с молотком и с такой штукой для вырезания фестонов и всего такого прочего и кромсал края красного коврика...

— Что тебя постоянно грызет? — спросила Винни.

Да, он позволил загнать себя в угол, да, его истоптали, как тряпку, но мысль о том, что его тварность может оказывать существенное вли-

яние на его разум, он отвергал. Нет, sequitur[32], подобного он не приемлет.

— Наверное, я просто старею, устал от жизни,— сказал Белаква.— Тяжко осознавать, что пребывающее вне меня восполняет то, что во мне. Жан-Жак[33] на своем ложе из колючек размышлял о том же.

— Лишь кажется, что восполняет,— произрекла Винни с умным видом, хотя сама толком и не знала, что, собственно, она хотела этим выразить, но прозвучало это, по ее мнению, хорошо и к месту.

— А в общем-то,— сказал Белаква,— мне бы очень хотелось снова вернуться в лоно, устроиться там поудобнее и пребывать там веки вечные.

— Точнее, некую краткую вечность, и проникнуть туда только одной своей частью,— ввернула

---

[32] Примечания: 32
Следует (лат.).

[33] Примечания: 33
Жан-Жак — имеется в виду Жан-Жак Руссо (1712— 1778), французский философ, много размышлявший о месте человека в мире; проповедовал возвращение в некое первобытное состояние без книг, без достижений науки и искусства; был вечно гоним за свою неуживчивость и свои идеи; умер в нищете; его идеи использовались как крайними консерваторами, так и революционными демократами; вот цитата из Руссо, которая, как можно надеяться, поможет лучше понять настроения Белаквы: "Все, что вне меня,— отныне чуждо мне. У меня нет в этом мире ни близких, ни мне подобных, ни братьев. Я на земле, как на чужой планете, куда свалился с той, на которой прежде жил. Если я что различаю вокруг себя — то лишь скорбные и раздирающие сердце предметы, и на все, что касается и окружает меня, не могу кинуть взгляда

без того, чтобы не найти там какого-нибудь повода к презрительному негодованию или удручающей боли". И Белакву (который в следующей главе назван "солипсистом", т.е. человеком считающим, что весь мир является порождением его собственной фантазии) мучит осознание того, что он оказывается внутренне не самодостаточным и внешние обстоятельства продолжают оказывать на него влияние; особую известность Руссо принесла его "Исповедь"; видимо, Белаква полагал, что для умерщвления плоти Руссо укладывался на "тернистое" ложе.

Винни,— и работать, двигаться взад-вперед, взад-вперед как можно дольше.

Черт бы побрал эту женскую педантичность и желание выявлять недоговоренности!

— Да ладно тебе,— буркнул Белаква — ты прекрасно понимаешь, *что* я имею в виду. Вернуться в материнскую утробу, превратиться в еще не родившегося младенца, чтоб не бриться, ни о чем не беспокоиться, не испытывать ни жары, ни холода. И чтоб не страдать...— Белаква замялся, подыскивая слова, которые наиболее полно выразили бы его самое сокровенное желание,— и чтоб не страдать от чрезмерного потения ночью.

Внизу, под холмом, на игровой площадке несколько пациентов лечебницы для умалишенных, из тех, что поспокойнее, не из буйных, гоняли мяч. Другие, по одному или в группках, слонялись безо всякого дела, наслаждаясь теплым солнцем. Над стеной, что окружала двор лечебницы, появилась голова одного из них, потом руки, которые улеглись на стену, а затем на руки улеглась щека. Еще один — очевидно, очень нерешительный и совсем кроткий — вскарабкался до середины склона, нырнул в какую-то ложбинку, через несколько мгновений оттуда вынырнул и отправился назад. Еще один, стоявший

к Белакве и к Винни спиной, ковырял пальцем стену, отделяющую двор лечебницы от полей вокруг. Одна из группок душевнобольных кругами ходила по игровой площадке. А по другую сторону, если глядеть с холма, открывался вид на однообразные низенькие жилища рабочих, выстроившиеся рядами, во двориках играли и плакали дети. Удали лечебницу, и что останется в Портрейне? Одни руины.

Винни заявила, что как на ее взгляд, все эти сумасшедшие кажутся совершенно нормальными. Белаква ответил, что и ему так кажется, но все же он считает, что вон та голова, торчащая над стеной, очень красноречиво свидетельствует о ненормальности, а пейзажи интересуют его лишь с той точки зрения, что дают ему повод впасть в мрачное настроение и сделать вытянутое лицо.

Они вдруг заметили, что владелец велосипеда, до тех пор копавшийся в поле, бежит по направлению к ним с вилами в руках. Он перемахнул через стену, не замедляя ход пронесся сквозь желтоватую полосу зарослей можжевельника и помчался вверх по склону. Белаква неуклюже и нерешительно стал подниматься на ноги. А что если это один из сумасшедших? Какой-нибудь там маньяк? А как известно, силища у них неимо-

верная! И десять человек с таким не сладят! Разве управиться с ним одному Белакве?! Он со своими вилами оставит от Белаквы мокрое место, а потом совершит насилие над Винни. Но бежавший, хотя и приблизился к Винни и Белакве на расстояние, позволившее им слышать его тяжелое дыхание, стал сворачивать в сторону и вскоре скрылся за гребнем холма. Несколько мгновений спустя они увидели его снова, но уже внизу холма, сбежав с которого и набрав дополнительную скорость, он понесся к воротам в стене, окружавшей лечебницу, влетел в них и еще через пару мгновений скрылся за углом здания больницы. Белаква бросил быстрый взгляд на Винни, которая смотрела в ту сторону, где скрылся, словно бы, так сказать, сквозь землю провалился, этот человек с вилами, а потом перевел взгляд на то место в поле, где тот еще несколько минут назад ковырял вилами землю. Белаква внезапно и явственно осознал, что наблюдая за человеком с вилами, он испытывал нечто вроде зависти к его занятию — вот так бы и ему спокойно копаться в поле! Путешествующий взгляд Белаквы уколола вспышка света, отраженного от никеля велосипеда.

И тут вдруг Винни принялась махать руками и кричать, явно кого-то окликая. Белаква, повернув

голову в сторону, в которую были обращены эти призывы, увидел человека, быстрой, энергичной и уверенной походкой направляющегося к ним со стороны лечебницы.

— Доктор Шолто,— представила его Винни.

Доктор Шолто выглядел моложе Белаквы по меньшей мере на несколько лет. Он был бледен, черноволос и обладал внушительным челом. Очень рад знакомству... как бы это получше выразить — такая приятная неожиданность, несомненно, большая честь познакомиться с другом госпожи Коутс, знакомство с любым из ее друзей почетно; а не согласились бы они сделать ему одно небольшое одолженьице? Как насчет того, чтобы перенести заседание в другое место? Что означало: может быть, пойдем куда-нибудь и чего-нибудь выпьем? Но Белаква, у которого совсем другое было на уме, вздохнул, выражая этим свое огорчение по поводу невозможности присоединиться, и произнес небольшую импровизированную речь, в которой витиевато сообщил, что у него есть одно неотложное дело, связанное с церковью, которое следует в срочном порядке разрешить, но он будет счастлив принять предложение, так сказать, от лица госпожи Коутс, которую, надо думать, длительное путеше-

ствие из Малахайда весьма утомило, и она будет, конечно же, рада воспользоваться любезным предложением и с удовольствием...

— Как, неужто вы шли пешком сюда из Малахайда? — воскликнул, вклиниваясь в монолог Белаквы, доктор Шолто.

...присоединится к доктору Шолто, а он, Белаква, вынужден принести свои извинения, у него имеются некоторые дела, которые не терпят отсрочки, но, может быть, они могли бы встретиться все вместе у ворот лечебницы, ну, скажем, через часик? Может ли такое предложение быть принято? Доктор Шолто вежливо его принял. Винни, казалось, что-то очень напряженно и тщательно обдумывала, но ничего не сказала. Не произнесла ни слова.

— Я спущусь по дороге вот зуда, к Валам,— весело сообщил Белаква,— а потом вернусь по ней кружным путем с другой стороны. Au revoir[34].

Винни и доктор Шолто некоторое время смотрели Белакве вслед и молчали, но когда Белаква решился наконец оглянуться, на холме их уже не было. Белаква тут же свернул в сторону и направился туда, где в траве лежал велосипед. Подняв

---

[34] Примечания: 34
До свидания (фр).

его, Белаква обнаружил, что это отличная и легкая машина, с красными шинами и крашеными спицами. Белаква быстро покатил подпрыгивающий на бороздах велосипед, удерживая его рядом с собой рукой и направляясь к дороге. Добравшись туда, Белаква вскочил на велосипед и стремительно покатил вниз по склону холма. У подножия холма дорога повернула, и вскорости они — Белаква и велосипед — прикатили к ступенькам, ведущим через забор, который огораживал поле с церковью посередине. Велосипед действительно оказался отличной машиной, и ехать на нем было одно удовольствие. Справа от себя Белаква видел волны, бьющиеся и пенящиеся средь прибрежных камней; вдалеке виднелись яркими белыми пятнышками домики в Раше, и печаль слетела с Белаквы, как рубашка, сорванная ветром. Белаква остановился, слез с велосипеда, отнес его в поле и уложил в траву. Дальше Белаква отправился пешком. Он, даже не поглядев в сторону церкви, шагал по полям, перелезал через заборы и канавы, карабкался на холм и вскоре оказался перед деревянной дверью той самой похоронной башни, рядом с которой Винни и он сидели некоторое время назад. На первый взгляд казалось, что дверь заперта на

замок, но это его не остановило — он сильно пнул дверь ногой, она распахнулась, и Белаква вошел вовнутрь.

А тем временем доктор Шолто, удалившись с госпожой Винифред Коутс в святая святых питейного заведения, которое оказалось весьма удачно выбранным, прекрасно проводил время в ее компании. Благодаря общению с ней его настроение, и так отменное, неуклонно улучшалось. Вот так и получилось, что все они встретились в Портрейне: Винни, Белаква, душа Белаквы и доктор Шолто, и разделились на пары ко всеобщему удовлетворению. Именно в таких маленьких благодеяниях и проявляется, надо думать, добросердечие и человеколюбие Первопричины[35]. Но Винни постоянно посматривала на часы, и к точно назначенному времени она со своим приятелем доктором Шолто явилась к центральным воротам лечебницы.

— Опять он опаздывает,— проворчала Винни,— как обычно.

По отношению к Белакве Шолто ничего, кроме тайной ненависти и злобного неприятия, не испытывал.

---

[35] Примечания: 35
Первопричина всего сущего — т.е. Бог.

— Ну, конечно,— фыркнул Шолто,— дурью мается. Уселся где-нибудь на камень, штанами его полирует[36], глазеет на окрестности.

Неподалеку, тяжелой глыбой прислонившись к стене, стоял весьма пожилой человек с закатанными рукавами и в домашних тапочках. Винни этот человек почему-то запомнился, именно таким, каким она его тогда увидела: большое лицо лиловатого оттенка, седые или, точнее, почти полностью белые усы. Не видел ли он, обратилась Винни к грузному старику с беспокойством в голосе, где-нибудь здесь поблизости человека, бледного, довольно полного, в черной кожаной куртке?

— Нет, не видал,— вежливо ответил усатый старик.

— Ну что ж,— воскликнула Винни, усаживаясь на невысокую в том месте стену и обращаясь к Шолто,— подождем, а? Он наверняка где-то

---

[36] Примечания: 36

Уселся где-нибудь на камень, штанами его полирует... — в тексте присутствует масса идиоматических выражений, которые не только не имеют соответствий в русском языке, но и представляют дополнительные сложности для перевода тем, что Беккет обыгрывает их образность; в данном случае Беккет играет с идиоматическим выражением, смысл которого можно было бы передать русской фразой "дурью мается", но дело в том, что это выражение иллюстрирует вполне реальную ситуацию, подобных которой очень много, и поэтому переводчик не будет их комментировать, за исключением особо важных случаев.

поблизости.

Места уединения и убежища, в которых много и скрытно страдалось, говаривал Белаква. Последнее пристанище — канава.

— Ты оставайся здесь,— буркнул Шолто, в душе которого бушевала злость и безумная ненависть к Белакве,— а я пойду взгляну, может быть, он в церкви.

Старик стал выказывать знаки быстро растущей заинтересованности.

— Что, кто-то сбежал? — спросил он с затаенной надеждой в голосе.

— Нет, нет,— заверила его Винни,— мы просто ищем одного знакомого.

Но старик уже готов был продолжать беседу — шлюз открылся.

— Знаете, я родился тут, в Лэмбейе, работал здесь с детских лет...

Ясно было, что старик собирается пересказывать нескончаемую историю своей жизни и поведать о том, чем особенным он в своей жизни отличился.

— В таком случае,— перебила его Винни,— раз вы всю жизнь прожили здесь, может быть, вы можете мне сказать, что это за руины? Вон там и воп там?

— Вот то вот, что поближе, церковь,— взялся пояснять старик, показывая на полуразрушенное здание, в котором мгновением раньше скрылся Шолто,— а вон то, что подальше — так то башня.

— Да, это понятно, что башня, но что это была за башня?

— Ну, насколько знаю, так то вроде как была башня какой-то там важной дамы.

Вот так новость.

А старик, вспомнив еще что-то, уже спешил добавить:

— А еще до того... Так, может, слышали про Датчанина Быстроногого?[37] Он там держал...— старик вдруг осекся, словно передумал говорить, но слова напирали, и он уже не смог их остановить: — Он держал там пупочку...

— Пупочку? Какую пупочку? — удивилась Винни.

— Ну как какую? Известно какую,— старик хихикнул,— Стеллой звали.

Винни обвела взглядом серое поле, раскинувшееся перед нею. Ни Шолто, ни Белаквы, лишь красновато-коричневая масса каменной стены,

---

[37] Примечания: 37

...про Датчанина Быстроного — похоже, в голове старика все перепуталось, и события тысячелетней давности, времен рейдов датчан на Ирландию, он накладывает на события, ему современные.

человечья глыба, пупочка и звездочка[38]. Странно, однако, этот старик изъясняется. Пупочка. Надо же!

— Вы имеете в виду, что этот ваш Датчанин жил в этой башне с какой-то женщиной? — высказала предположение Винни.

— Не жил, просто держал ее там,— пояснил старик. Когда-то давно он вычитал эту историю в газете и при пересказе всегда держался того, что запомнил,— Ну, и заявлялся сюда с самого Дублина.

Маленький, толстенький Престо[39] раненько утром отправлялся из Дублина, свеженький как огурчик, даже не позавтракав, и пешком топал к этой башне!

Вдалеке, возле ступенек через стену, появился Шолто. Судя по жестам, которые он делал, ясно было, что в церкви Белакву он не обнаружил. Похоже, ругала себя Винни, она все испортила!

Когда Шолто подошел совсем близко, Винни

---

[38] Примечания: 38

...Стеллой звали — Беккет обыгрывает имя "Стелла", которое, собственно (слово позаимствовано из латыни), значит "звезда".

[39] Примечания: 39

Престо — музыкальный термин, который используется для обозначения игры в очень быстром темпе и музыкальное произведение, сыгранное в таком темпе; вспомним, что только что помянут некий "Быстрый" Датчанин, который переиначивается в "Престо".

воскликнула:

— Бог его знает, куда он мог подеваться!

— Куда бы он ни подевался, ты же не будешь из-за него торчать тут целый вечер! Давай я отвезу тебя в Дублин,— предложил Шолто,— мне так или иначе нужно съездить в город.

— Я не могу бросить его здесь одного! — чуть ли не со слезами в голосе проговорила Винни.

— Но его же нигде нет! — сердился Шолто.— Если бы он околачивался где-нибудь поблизости, то давно бы уже был здесь! Черт бы его побрал!

Старик, который, как оказалось, знал Шолто, втесался в беседу и предложил свои услуги: он останется на месте и будет высматривать того человека, которого они ждут.

— Спасибо за предложение, это было бы хорошо, конечно,— раздраженно буркнул Шолто,— но ведь и вам не интересно торчать здесь вечно.

Со стороны Донбейта, из-за угла стены выкатил на велосипеде молодой человек, жестом поприветствовал стоявших у стены и стал сворачивать на дорогу, ведущую к лечебнице.

Том, подожди! — крикнул ему вслед Шолто.

Том остановился и слез с велосипеда. Шолто, дав короткое и весьма сатирическое описание внешности Белаквы, спросил:

— Нечто такое, что соответствовало бы моему описанию, тебе по дороге случайно не попадалось?

— Отчего ж нет, очень даже попадалось.— Тому явно было приятно, что он может помочь,— Было такое, катило на велосипеде, мчалось, да так шустро, что тебе огонь по сухой траве!

— На ВЕЛОСИПЕДЕ? — вскричала Винни.— Как на велосипеде? Но у него нет никакого велосипеда!

— Том, выведи из гаража машину,— попросил Шолто,— выезжай сюда. Поедем все вместе, и будешь глядеть в оба.

— Но это не мог быть он! — сердилась Винни, раздраженная сразу по нескольким причинам,— Я ж тебе говорю, нет у него никакого велосипеда!

— Кто бы то ни был,— Шолто, чувствуя себя теперь хозяином положения, говорил уверенным и властным голосом,— на машине мы его догоним еще до того, как он доберется до шоссе.

Однако Шолто недооценил скорость, с которой мог передвигаться Белаква, а точнее, не угадал направления его движения, и еще до того, как они отъехали от больницы, Белаква уже благополучно сидел в пивной Тэйлора в Свордсе, но то, как он заливал в себя кружку за кружкой, весьма

Тэйлора настораживало.

ДИНЬ-ДОН

Белаква, которого я знавал как раз в те времена, когда тот находился в последней фазе своего солипсизма, иначе говоря, веровал лишь в свое собственное существование и считал мир порождением своей собственной фантазии, вносил оживление в свою жизнь постоянными перемещениями с места на место (потом он, правда, поменял взгляды, пошел, так сказать, в ногу со всеми и стал находить кой-какие радости в мире вокруг себя, в том мире, который не зависел от его фантазий). Он толком не знал, откуда в нем взялась убежденность, что перемещение с места на место оживляет существование, но, по крайней мере, в том, что эта убежденность проистекала не просто из его предпочтения одного места другому, он был уверен. Его тешила мысль, что он может ускользать от того состояния, которое он называл "налетом Фурий", простым передвижением в пространстве. Что же касается того, куда именно идти, то это не имело особого значения, так как после того как он прибывал на место назначения, все окружающее переставало для него

существовать. Уже сам по себе акт вскакивания с места и отправления куда-то — при этом не имело никакого значения, с какой точки начиналось движение и куда оно вело,— оказывал на Белакву благотворное воздействие. Уверяю вас, что все было именно так, как я рассказываю. Белаква кручинился лишь по поводу того, что он не располагал достаточными средствами, чтобы потакать своей прихоти, так сказать, по-крупному, на больших пространствах суши и моря. Как замечательно было бы перемещаться, куда хочешь, носиться туда-сюда по водам и по тверди. Но Белаква не мог себе позволить отправляться в дальние странствия, ибо был беден. Однако в малом масштабе он исправно делал все, что ему было доступно. От уютного местечка у камина до окна, из одной комнаты в другую, даже из одного района города в другой — на все эти перемещения, эти акты движения у него вполне хватало энергии, и, несомненно, таковые перемещения оказывали на него, как правило, благотворное воздействие. Но то было в давние времена, в дни моей юности, когда я еще учился — занятия были мукой мученической, а переменки и каникулы некоторым облегчением.

Будучи человеком по природе своей греховно

ленивым, можно сказать, погрязшим в праздности, предпочитающим пребывать в том состоянии, которое он называл "налетом Фурий" и которое определенно доставляло ему извращенное удовольствие, Белаква бывал временами охватываем желанием поразмыслить над тем, а не является ли способ излечивания от этого состояния еще более неприятным делом, чем собственно то, от чего нужно было излечиваться. Так или иначе, но, очевидно, он склонялся к мысли, что не является, уже хотя бы потому, что он продолжал прибегать к нему, и так на протяжении многих лет. Из этого он делал вывод, что в избранном способе лечения от хандры все же имелось нечто излечивающее, и он воздавал благодарность за то малое облегчение, которое он получал.

Самой простой формой этого двигательного упражнения являлась прогулка-"бумеранг" — "туда и назад", а точнее, "бумеранг" был на протяжении многих лет единственной формой прогулки, которую он себе позволял. Это Белаквово прогулочное ухищрение делает совершенно ясным, что ему и в самом деле было все равно, в какую именно точку пространства направляться, ибо покидая одно место, он вскорости туда

же и возвращался — "вскорости", конечно, если не считать времени, затрачиваемого на редкие остановки в пути для того, чтобы "освежиться и подкрепиться". Причем эти вылазки были столь же духовно насыщенны, как если бы он проводил это время за границей, в городах, пользующихся самой большой славой и известностью.

Я знаю обо всем этом просто потому, что он сам мне рассказывал. Некоторое время мы были с ним вроде как Пилад и Орест[40]. Все было благочинно и пристойно, и наши отношения, пока они продолжались, были весьма доверительными. Мне не раз случалось присутствовать при его неожиданных вскакиваниях и стремительных убеганиях куда-то, часто без объяснений и прощаний — Белакву швыряла в путь какая-то неведомая сила, которой он не мог противиться. Имел я возможность наблюдать его и в то время, когда он двигался но своей короткой прогулоч-

---

[40] Примечания: 40

Пилад — в древнегреческой мифологии сын Строфия, царя Фокиды, в доме которого воспитывался Орест, малолетний сын Агамемнона, убитого матерью Ореста Клитемнестрой и ее любовником (Ореста спасла его сестра Электра). Между Орестом и Пиладом возникла дружба; позже Пилад поддерживал Ореста во многих жизненных испытаниях, обильно выпадавших на долю Ореста (в частности, и в момент свершения Орестом мести над убийцами отца); Пилад женился на сестре Ореста Электре; имя Пилада в сочетании с именем Ореста стало символом верной и преданной дружбы.

ной траектории. Не раз видел я его в тот момент, когда он возвращался с прогулки, преображенный и изменившийся. Что находилось почти в полной противоположности с одной фразой из "Подражания"[41]: "В радости выходишь и в печали возвращаешься".

Мне и всем тем, кому Белаква раскрывал тайну своих прогулочных маневров, он неустанно твердил, что все эти его перемещения никоим образом нельзя приравнивать к таким весьма распространенным и требующим применения грубой физической силы трудовым актам, как, например, копание канавы или другим подобным физическим упражнениям, к которым прибегают, чтобы избавиться от хандры, используя их в качестве некоего лечебного средства, эффектив-

---

[41] Примечания: 41

"Подражания" — имеется в виду книга Фомы Кемпийского, обычно в русской традиции называемая "О Подражании Христу"; Фома Кемпийский (Томас Хамеркен, или Хемеркен) родился около 1380 года в г. Кемпене, недалеко от Дюссельдорфа (отсюда прозвище), и умер в 1471 году; большую часть жизни провел в монастыре, занимаясь перепиской книг, составлением проповедей и трактатов по монастырской жизни; книга "О Подражании Христу" традиционно приписывается Фоме, однако полной уверенности в его авторстве нет; книга "О Подражании Христу" для западных христиан и до сих пор является самым читаемым, после Библии, произведением классической религиозно-благочестивой литературы; на русский язык переводилась дважды: в конце прошлого века К.П.Победоносцевым и в начале 90-х годов века нынешнего А.Н.Панасьевым; фраза, приведенная в тексте Беккета, является аллюзией на главу XX Книги Первой "Подражания...".

ность которых находится в прямой зависимости от степени физического напряжения и усталости. По отношению к такому терапевтическому трудовому средству Белаква испытывал величайшее презрение. Он утверждал, что во время своих прогулок он ничуть не устает — наоборот, говорил он, они придают ему сил. Белаква жил, по его словам, в бетховенской фермате[42], хотя и не удосуживался разъяснить, какой именно смысл он вкладывает в это несколько туманное выражение. Страстно желая во что бы то ни стало объяснить, что именно он имеет в виду, Белаква очень часто затемнял смысл сказанного им еще больше. Уже само по себе такое желание растолковать свои собственные слова свидетельствовало, как мне кажется, прежде всего о потере им уверенности в себе, об отсутствии самодостаточности, которую он неустанно себе приписывал. Налицо был некий упадок духа, крах того, что мы называем internus homo, своим внутренним "я", и все это выдавало его как карикатурную пародию на свою собственную тень. Но

[42] Примечания: 42

Фермата — музыкальный термин, в нотном письме знак над нотой или паузой, указывающий на необходимость некоторого продления, затяжки звука или паузы при исполнении; у Беккета, очевидно, употреблено в смысле паузы между перемещениями Белаквы.

в итоге ему удавалось выкарабкиваться из самых дурацких заявлений и нелепых ситуаций, которые он объяснял тем, что был пьян, или тем, что просто не умеет связно и толково высказываться, добавляя при этом, что он вполне доволен таким положением и не собирается ничего в себе менять, или давал еще Бог весть какие пояснения. В конце концов общаться с ним стало просто невозможно, и я прервал с ним какие-либо отношения. В нем не было никакой СЕРЬЕЗНОСТИ.

Однажды, когда из Белаквы прямо-таки фонтанировали откровения, он дал мне довольно подробное описание одной из этих бетховенских фермат, этих пауз, в которых он пребывал. Он проявлял явную склонность к оксюморонам[43]. Равно как и излишнее пристрастие к джину с тоником.

Далеко не последним привлекательным моментом в этой чистой, незамутненной фазе Белаквова существования, в этой, как он выражался, "грессии", имея в виду "трансгрессию" — отклонение от нормы, в этом движении в никуда была способность воспринимать, с согласия

---

[43] Примечания: 43

Оксюморон — стилистический оборот, в котором сочетаются семантически контрастные слова, создающие неожиданное смысловое единство, например "живой труп".

или безо всякого на то согласия личности, находящейся в этой фазе, слабые веяния, едва заметные сигналы внешнего мира во всей их цельности. Будучи лишенным устремленности к чему бы то ни было.

этому движению в никуда не приходилось избегать непредвиденных ситуаций, сворачивать в сторону при столкновении с встающими на пути приятными неожиданностями водевильного характера, которые время от времени так или иначе возникают сами собой, словно бы из ниоткуда. Такая восприимчивость составляла весьма высокую привлекательность этого бесцельного скитания, которое начиналось ниоткуда и вело в никуда. Отнюдь не малое очарование заключалось и в той живости, с которой приветствовалось всякое осквернение и развращение. Хотя, может быть, и исчезающе малое.

Выбравшись на поверхность из подземного общественного туалета, расположенного в земной утробе на улице Колледж, Белаква, почему-то смутно считая, что перед спуском под землю он бродил, созерцая закат, до тех пор, пока все краски, кроме черной, сошли с неба, все тюльпаны, вся ржавчина, вся зелень на меди оказались стерты резинкой ночи, присел на корточки, опираясь

спиной о постамент памятника Томми Муру[44], и сделал он это не потому, что влил в себя слишком много, а просто потому, что не было никаких оснований двигаться дальше в каком-нибудь определенном направлении. Но и засиживаться там он бы не посмел. Разве не бежал он ото всяких там раздумий, высиживания мыслей? Так что сидеть вот так вот, в высиживающей позе ему ни к чему... и чего ждать? Всего не переждешь. Давай, двигай, прыгай, отправляйся, тра-ля-ля. Призыв к движению стал ощущаться как приказ, вызов в суд. Но при попытке двинуться, Белаква обнаружил, что он не в состоянии это сделать, застрял, как Буриданов осел[45], ни вперед ни назад, ни вправо ни влево. Вот почему он застрял на одном месте, Белаква никак не мог понять. А

---

[44] Примечания: 44

Томас Мур (1779—1852)— ирландский поэт-романтик; его переводили В.Жуковский, И.Козлов, М.Лермонтов, А.Фет, В.Брюсов, К.Бальмонт и множество других русских поэтов и переводчиков. Перевод стихотворения Мура "Those Evening Bells", сделанный И.Козловым в начале XIX века и названный "Вечерний Звон", стал непреходящей классикой, а переложение его А.Алябьевым на музыку превратило его чуть ли не в народную русскую песню.

[45] Примечания: 45

...как Буриданов осел — Жан Буридан (ок. 1300-ок. 1358) — французский философ-схоласт; известен как автор (хотя возможно авторство приписывается ему незаслуженно) притчи об осле, который, будучи поставленным между двумя яслями, полными сена, на равном от них расстоянии, умрет от голода, не зная, в какую сторону ему направиться для утоления голода; притча иллюстрирует философское положение,

утверждающее, что воля человека не в состоянии выбрать между двумя одинаково мощными мотивациями поведения и тем самым обречена на бездействие.

для вглядываний в глубины собственной души момент был совсем неподходящий. Странно, он прошествовал по северной набережной, потом по мосту, потом по улице Вестморлэнд вроде бы без каких-либо серьезных затруднений — или почти без затруднений, а вот теперь почему-то ему приходится околачиваться здесь, у памятника этому толстошеему барду, да еще упираться спиной в пьедестал и ждать какого-то знака, знамения...

А знаков, в виде вывесок, вокруг него было полно. Вот, например, нечто здоровенное, зеленого цвета со вспыхивающими на нем белыми буквами. Реклама мясного бульона "Боврил". Цвета Ирландии. Но толку от него? Вера, Надежда и что там еще? Ах, да Любовь. Эдем — мимо; каждая неудача осмеяна; все в жизни проистекает из Ego Maximus, все под его сенью, под сенью этого маленького "я". И куда ж этому "я" деваться? Вот и гоняет кругами, не выскочить за невидимые сферы — и все это в тишине и молчании. Да, это "я" с места его сейчас не сковырнет, может только в голову всяких дурацких мыслей насовать. А разве он бежал не от мыслей, среди которых он пребывал, мыслей других людей?! Ах, сколько бы он дал, чтоб снова быть в пути! Прочь, прочь от мыслей!

Белаква отвернулся от проповеднического табло, и от вывесок, и от прочих бесполезных знаков, и тут же его внимание было привлечено к инвалидной коляске, которую быстро катили под аркадой Набережного Вала по направлению к улице Дэйм. Коляска то появлялась в промежутках меж колон, то на мгновение исчезала за их столбами. В коляске располагался слепой паралитик, который весь день сидел почти на самом углу улицы Флит, а в плохую погоду укрывался под аркадой. А теперь этого самого паралитика катили домой. Обычно его увозили раньше, а нынче запоздали с вывозом, и у паралитика, наверное, от этого на лицо легла печать горечи. Возможно, когда его довезут домой, он выскажет толкателю кресла все, что он думает про эту ненужную задержку. Этот толкатель, человек нанятый или просто себе бедный родственник, появлялся каждый вечер, незадолго до темноты, снимал с параличного христарадника картонки, висящие на груди и спине и привязанные за шею, с надписью, извещающей прохожих о бедах, постигших паралитика, заботливо укрывал его тряпьем, служащим пледом, подтыкал со всех сторон и катил домой, на ужин. Он, толкатель кресла, знал, что в его же интересах исправно

исполнять все свои обязанности, ибо нищенствующий паралитик обладал недюжинной властью в районе Кумби, где он обитал. В обязанности толкателя входило брить паралитика по утрам, а затем катить его либо на угол, либо под аркаду, в зависимости от погоды. И так изо дня в день.

Очевидно, Белаква воспринял появление паралитика в инвалидной коляске как знамение, как путеводную звезду, возгоревшуюся над горизонтом, ибо он нашел в себе силы вскочить и быстрым шагом двинуться в направлении, противоположном тому, куда катили кресло. А Белаква катился по улице Пиерс — да будет вам известно, улица Пиерс длинная и прямая,— мимо большого здания Гленкуллен, что весь в граните, мимо места трагедии, отреставрированного и расширенного, мимо угольных лавок, мимо двух питейных заведений Керви, мимо продавцов мороженого и жареной рыбы, мимо молочных магазинов, гаражей и монументальной скульптуры и мимо всей южной части Колледжа. Perpetuis futuris temporibus duraturum[46]. Что ж, будем надеяться, что это так.

Прохаживаться по этой улице было весьма

---

[46] Примечания: 46
То, что сохранится навеки (лат).

приятно, хотя на ней никаких груш и не росло — здесь всегда было достаточно убогости и ветхости и шлялось много честных голодранцев и пауперов. А на проезжей части целый день толклось великое множество автобусов — красных, голубых и серебристых. Как раз тогда, когда Белаква подходил к железнодорожному виадуку, под один из этих автобусов попала девочка. Девочка бежала из магазина, где она купила молока и хлеба, и в великой спешке поскорее попасть со своим молочным и хлебным сокровищем на Маркову улицу, где она жила, безоглядно бросилась через дорогу. Молочко расплескалось по дороге, а буханка хлебушка, которая ничуть не пострадала, уютно устроилась у бровки, словно бы ее там пристроили чьи-то заботливые руки. Людей, стоявших в очереди в кассу кинотеатра Пэлэс Синэма, раздирали противоположные желания — с одной стороны, им хотелось сохранить свое место в очереди[47], а с другой — не менее страстно им хотелось посмотреть, что же там такое происходит на дороге. Они становились на

---

[47] Примечания: 47

...сохранить свое место в очереди — наша отечественная система стояния в очереди совершенно уникальна и в западном мире распространения не имеет; там нельзя сказать "я буду за вами", а потом уйти, прийти через час и не потерять своего места в очереди — выходя из нее, вы тут же теряете в ней свое место.

цыпочки, вытягивали шеи, крутили головами, спрашивали у прохожих, кого там задавило, но мест своих в очереди не покидали. Только одна девица, весьма беспутного вида и закутанная в черное одеяло, выскочила из хвоста очереди, который загибался крючком, как жало скорпиона, пробежала несколько шагов и лихо подхватила осиротевшую буханку. Засунув ее под одеяло, выполнявшее роль накидки, она скользнула в соседнюю улицу, и никто ее не остановил и не потребовал возвращения буханки. Совершив небольшой обход, девица вернулась к очереди, но место свое она, конечно, потеряла. Правда, к хвосту очереди за время, затраченное девицей на подхватывание буханки и на обходной маневр, успело пристроиться всего пару человек, и она стала в самый конец, потеряв по сравнению со своей предыдущей позицией всего лишь метр-два.

Белаква, свернув в Ломбардову улицу, на которой проживало много сантехников и ассенизаторов, зашел в пивную. Здесь его знали — знали в том смысле, что его гротескный вид давно уже не приковывал к себе взгляды и не вызывал хихиканья забредавших туда молодых священнослужителей, а также еще в том смысле,

что ему тут же подавали то, что он обычно пил даже и без заказа. Хотя далеко не всегда такую привилегию можно было рассматривать как преимущество. К нему относились весьма терпимо, и даже грубые завсегдатаи, которые были представлены в основном портовыми грузчиками, железнодорожниками и всякими бездельными шутниками, его не цепляли. В то заведение не заходили, чувствуя, что им там не место, представители богемы и влюбленные парочки, там не велись жаркие споры. Ничего такого в пивной не происходило. Эстеты и немощные телом искали себе другие пристанища.

Все это вместе взятое превращало этот паб в удобное для Белаквы прибежище, и он всякий раз, когда ему случалось оказываться в том районе, непременно наносил визит в эту пивную, если, конечно, у него в кармане имелось достаточно денег на выпивку.

Когда я спросил у Белаквы, не вступает ли в противоречие пребывание в пивной с его стремлением постоянно находиться в движении — ведь он, например, мучительно переживал даже краткую вынужденную остановку у памятника на Колледжевой улице, происшедшую после подъема на поверхность из подземного обще-

ственного туалета,— он ответил, что не вступает. "Разве не имеет права моя решимость постоянно находиться в движении время от времени ослабевать?" — риторически вопросил Белаква. Я высказал предположение, что, очевидно, имеет. "Ну, если хочешь, я совершаю свой налет и тут же удаляюсь. Заскочил и выскочил, а время пребывания там не в счет. Разве это, скажи на милость, отменяет мою решимость?" — вскричал он. Я поспешил заверить его, что он имеет полное право поступать так, как ему заблагорассудится, ведь, в конце концов, он сам себе определил такую схему поведения, и налет, как он сам изволил высказаться, на пивную не терял своей сути от того, что совершался именно тем способом, который был для него наиболее приемлемым. "Приемлемым? — воскликнул он,— Насколько приемлемым?"

Обратите внимание на двойной ответ— как две лунки, на некотором расстоянии одна от другой, в борозде...

...Сидя в этом гнезде пьяного разгула, Белаква попивал пивко, свой обычный напиток, а острое удовольствие, получаемое от разглядывания пивной и созерцания всего, в ней происходящего, по непонятной причине начало почему-то угасать. А ведь в пабе было на что посмотреть и чем вос-

хититься: бутылки удивительных конфигураций и размеров, являющие собою результат сотен лет настойчивых поисков все более совершенных форм; табуреты абсолютно особой конструкции; стойка бара; всякие могучие винты и заклепки; фаланга пивных насосов с ручками, сверкающая хромом, как доспехи. Все в этом питейном царстве было устроено так хитро и мудро, чтобы создавать наилучшие отношения между пиво-отпускателями и пиво-получателями. Пиво нацеживалось в бокалы, с легкими хлопками открывались бутылки, и то и другое опорожнялось мгновенно; в бочонки с превеликой ловкостью всаживались краны, цедилось из них пиво; усталые пролетарии отдыхали на своих натруженных задницах, упираясь локтями в столы и подпирая ладонями отяжелевшие головы; постоянно грохотала касса и, обратите внимание, никогда не жаловалась на свой тяжкий труд; священники сновали от посетителя к посетителю, что-то нашептывая каждому на ухо,— вот каким зрелищем и действом обычно услаждался Белаква, позволяя себе при этом считать, что вся эта замечательная машинерия лишь прелюдия к вкушению пищи. В пабе играла могучая симфония спроса и предложения, причины и следствия, которая вращается

вокруг центрального "до" стойки и сияющего полировкой дерева; музыка пивной лилась, сочетая в очаровательной гармонии ругательства, богохульства, звон бьющейся посуды и все сливая в равновесном звучании усталости и опьянения. Белаква говаривал, что пивная самого низкого пошиба являлась тем единственным местом, где он мог "стать на якорь и хотя бы на время пришвартоваться" и где он мог бы — при условии, конечно, если бы ему дано было провести всю свою жизнь в подобном местечке,— напрочь избавиться от своих навязчивых, нелепых идей и депрессивных состояний.

Однако, так как пивная закрывалась в десять часов вечера, а постоянное в ней пребывание и исполнение предписания "покинуть помещение" следовало считать вещами полностью взаимоисключающими, да и в любом случае у Белаквы не имелось ни денежных, ни психических ресурсов, необходимых для постоянного пребывания в питейном заведении, пусть даже и в самом захудалом и дешевом, в вечно-статическом состоянии, он делал неизбежный вывод о необходимости довольствоваться спорадическим потаканием своей прихоти захаживания в пивные и пребывания там в течение некоторого,

весьма, увы, ограниченного времени и благодарить судьбу за то, что ему хотя бы время от времени дается такая благодать.

Но в тот вечер обычного чудодейственного воздействия пивной на Белакву почему-то не произошло, и в результате он стал испытывать уныние и подавленность, каковые он испытывал, сидя в своем большом кресле, охваченный страстным желанием двигаться, перемещаться, куда-нибудь отправиться, но при этом удерживаемый на одном месте неведомой силой, не позволяющей встать. Почему такая же хандра стала охватывать его и в пабе, он понять не мог. То ли превращение ребенка в кровавое месиво под колесами автобуса произвело на него значительно более страшное впечатление, чем это показалось поначалу, то ли в нем что-то изменилось (это второе предположение он выдвинул с убийственно спокойным самодовольством) и он подошел к какому-то новому жизненному рубежу,— но вот которую из этих двух вероятностей принять как более соответствующую истине, он не знал. А наверняка он знал лишь то, что все, обычно дающее ему душевное отдохновение и развлечение, потеряло способность оказывать на него свое благотворное воздействие. Мало-по-

малу он вообще сделался, можно сказать, чуть ли не равнодушен к окружающим его радостям паба, а все его душевные терзания охватили его с прежней силой. Подумать только, ему понадобились такие усилия, чтобы покинуть насиженное местечко рядом с Томми Муром, он так спешил поскорее добраться в пивную, и что же— вот сидит он здесь, словно неожиданно разбитый параличом. и душевно страдает, и спрашивается, все это где? Невероятно, но в пивной! Ни на что он уже не годен, разве только на то, чтобы тупо глядеть в бокал со своим скисающим пивом.

Спроси его кто-нибудь некоторое время спустя, что заставило его поднять голову и поглядеть вокруг, толком он бы не смог ответить. Но так или иначе, ощутив непонятный, но могучий внутренний толчок, побудивший его оторвать взгляд от бокала с умирающим черным пивом, Белаква прошелся глазами по пивной и тут же был вознагражден зрелищем женщины без шляпки, медленно, через всю пивную, направляющейся явно в его сторону. Надо полагать, он ощутил ее появление в пивной с того самого момента, когда она только входила вовнутрь. И уже это само по себе исключительно любопытно. Поначалу ему показалось, что она предлагает что-то купить у

нее, но что именно Белаква не видел, хотя и был уверен, что не запонки, не шнурки, не спички, не лаванду, не что-нибудь из того, что обычно пытаются навязать посетителям в пабах. Ничего особо удивительного не было и в том, что в пивную зашла женщина, ибо достаточно много женщин посещало пабы, забредая туда, чтобы утолить жажду и немножко развеять печали, и делали они это так же запросто, как и мужчины. Более того, видеть женщин в пивных было всегда приятно, их заговаривание с мужчинами имело очень дружественный и благородный характер, и Белаква всегда с удовольствием вспоминал о таких встречах.

Никакой видимой причины, которая могла бы побудить Белакву увидеть в приближающейся фигуре таинственной торговки нечто непотребное или неуместное вроде бы не было, как не было никаких оснований отклеить зад от табурета и покинуть пивную еще до ее закрытия. Не наблюдалось и никаких знамений, провещающих необходимость поскорее убираться из паба. Тем не менее позыв уйти оттуда был очень силен, и Белаква приготовился ему поддаться. По мере того как женщина приближалась, получая больше отказов, чем монеток, несмотря на все ее усилия

распродать свой товар (что именно она предлагала, Белакве никак не удавалось определить), ему становилось все очевиднее, что чутье на нечто примечательное его не подвело, и женщина эта, по крайней мере в том, что касается внешности, вполне заслуживала внимания.

Насколько Белаква мог расслышать, говор у нее был простонародный, но в ней присутствовало нечто такое, что позволяло назвать ее "аристократкой из народа". Одежда ее явно видала виды, однако, при этом удивительным образом сохраняла некоторую респектабельность. Белаква испытал странный укол в душу, когда заметил маленький воротничок из искусственного меха, обвивающий ее шею, столь любимый представительницами трущоб, желающими создать видимость хоть какой-то состоятельности. Белаква во время своего беглого осмотра этой женщины обнаружил лишь одну деталь в ее одеянии, которая произвела на него действительно прискорбное впечатление — ее ботинки по своей несуразной величине и общей нелепости значительно больше подошли бы какой-нибудь там суфражистке или чиновнику, занимающемуся вопросами социального обеспечения. Белаква решил, что ботинки были либо

ей подарены, либо куплены на какой-нибудь дешевой распродаже. Женщина была среднего роста и плотного сложения. Нет, пожалуй, она все-таки старше среднего возраста. Лицо ее, которое Белаква предпочел бы называть "ликом", излучало некий особый свет. В какой-то момент женщина подняла голову и явила Белакве свой лик. И он понял, что не ошибся — светозарное лицо женщины преисполнено было спокойствия и безмятежности, serenissime[48], на нем не обнаруживалось никаких следов страданий, и уже одно это делало лицо весьма примечательным. И все же, подобно тем некоторым лицам, на которых лежала тайная печать страданий и которые ему доводилось видеть и в жизни, и на портретах — как, например, лицо женщины на том портрете в Национальной Галерее, что на улице Меррион, выполненном Мастером Усталых Глаз,— лицо женщины, зашедшей в паб, неким таинственным, непроявленным образом свидетельствовало о долгом пути невзгод, и глядя в него, невозможно было избавиться от быстро крепнущего ощущения, что всматриваешься в лик скорби. Так бывает, когда смотришь в ноч-

---

[48] Примечания: 48
Наиспокойнейшее (итал).

ное небо, кажущееся поначалу пустым, а потом вдруг, при более пристальном всматривании оно являет далекую звезду в том месте, куда устремлен взгляд. Черты лица женщины складывались так, что получалось отсутствующее выражение, непроницаемое, невозмутимое, хоть и по-прежнему излучающее невидимый свет. Читателя просят принять во внимание то обстоятельство, что многое из приводимого здесь является попыткой воспроизвести Белаквов витиеватый способ изъясняться, и что именно скрывается за некоторыми из его узорчатых выражений, можно лишь догадываться. "Если высказываешь нечто,— говаривал Белаква,— и при этом высказывание свое каким-нибудь образом не подкручиваешь, не украшаешь, не раздвигаешь или, наоборот, не сжимаешь, то и не получишь яркого свечения своих слов; чем меньше словесных выкрутасов, тем слабее горит лампочка, которая должна высветить мысль". Однако вряд ли стоит докапываться до того, какой именно смысл встраивал Белаква в свои громоздкие, заставленные всяким хламом словесные конструкции, соответствует ли сообщаемое им истине или нет и все такое прочее...

Наконец женщина, оказавшаяся совсем рядом

с Белаквой, обратилась и к нему:

— Купи местечко в Раю, два пенса за одно, десять за четыре!

— Нет, спасибо, не надо,— пробормотал Белаква. Слова вырвались у него сами собой еще до того, как он уяснил себе смысл сказанного ею.

— Самые лучшие места,— снова заговорила женщина своим каким-то выбеленным голосом.— Все уже продала, а для тебя самое лучшее осталось. Ну чего ты, всего-то два пенсика за хорошее местечко на небе, каких-то десять пенсиков за четыре!

Предлагаемое женщиной оказалось для Белаквы полной неожиданностью. К тому же от такого способа выпрашивать деньги отдавало пошловатой театральностью. Белаква пребывал в полном смущении и в состоянии большой взволнованности. Его даже прошиб пот, который начал катиться по спине, скапливаясь на пояснице над ремешком, плотно прижимающим брюки к телу.

— А они у вас с собой, билеты? — пробормотал Белаква.

— А небо-то крутится и крутится,— молвила женщина, вращая рукой,— крутится, и крутится, и крутится, и крутится...

— Да, крутится,— промямлил Белаква,— кру-

тится постоянно.

— Крутица! — воскликнула женщина, совсем сбиваясь на просторечный лад и проговаривая слова все быстрее и быстрее, словно крутила ими, как и рукой.— Крутица, и крутица, и крутица!

Белаква не знал, куда ему деваться, прятал глаза. Будучи лишенным способности краснеть, Белаква мог выводить свои взбудораженные чувства только через обильное потоотделение. Черт бы его подрал, этот пот! Никогда раньше с ним не случалось ничего подобного. Он чувствовал себя словно бы полностью обезоруженным, сбитым с коня, несчастным. Ему казалось, что все эти портовые грузчики, железнодорожные рабочие и — что самое страшное! — шутники и острословы уставились на него. Белаква поджал хвост. А эта сучья ведьма держала его в своей власти, вращая по нудным Птолемеевым[49] орбитам.

— Нет, не нужно,— слабо отбивался Белаква,— спасибо, не сегодня, как-нибудь в другой раз, спасибо...

— Говорю тебе, все уже распродалось,— настаивала женщина,— улетело, унеслось, а тебе я отдам четыречки за десять, а?

---

[49] Примечания: 49

Птолемей Клавдий (ок.90—ок. 160) — древнегреческий географ и астроном из Александрии.

— А кто вас, собственно, уполномочивал продавать места в Раю...— начал Белаква голосом ученого-схоласта.

— Подумай, четыре места! Хватит и для тваво дружка,— приговаривала женщина,— и для мамки твоей, и для папки тваво, и для девчонки твоей, как раз четыре! И все за десять пенсов, а?

Голос женщины умолк, однако лицо ее продолжало взывать к Белакве.

— А откудава я знаю,— пронзительным фальцетом пропищал Белаква, пытаясь подделаться под простецкий говор,— что вы не надуете меня?

— А небо-то крутица и крутица...

— Чтоб тебя... Ладно,— проскрипел Белаква,— я возьму два. Сколько это будет стоить?

— Четыре пенсика.

Белаква дал женщине монетку в шесть пенсов.

— Боже тя благослови! — возгласила женщина тем же странным, словно выбеленным от всякой эмоции голосом, каким она обратилась к Белакве вначале, и двинулась прочь.

— Эй, подождите! — крикнул ей вслед Белаква.— А два пенса сдачи? Вы ж запрашивали четыре, а я дал вам целых шесть!

Проговорил он это своим нормальным голосом, уже не пытаясь подражать говору низов.

— Тебе что, жалко,— бросила женщина, останавливаясь,— Одно место для тебя, одно для мамки, одно для папки, одно для дружка тваво, одно для подружки. Вот аккурат в шесть и выйдет, не жмоться.

Белаква почувствовал, что в пререкания вступать будет выше его сил. И он отвернулся.

— Господи Иисусе,— произнесла женщина ясно и четко,— и Блаженна Мать Его, да сохранят тебя и помилуют.

— Аминь,— бросил Белаква в свое умершее черное пиво.

Женщина отошла от Белаквы, лик ее светился, и сияние это освещало ей дорогу домой.

А Белаква еще некоторое время оставался в пивной. Он сидел и слушал нестройную музыку паба. А потом он тоже ушел, но пошел не в сторону улицы Таунсенд, где жила та женщина, а совсем в другую сторону — он направлялся к улице Железнодорожной, что за рекой.

ДОЖДЛИВЫЙ ВЕЧЕР

Внимайте, созерцайте, пришла пора праздненств и благорасположения. В магазинах полно народу покупающего, а на улицах толпится народ празднующий. Объявлена награда за наилучшим образом украшенную витрину. Штаны Хайема снова спущены.

Кое-кто считает, что общественные туалеты следует позакрывать за ненадобностью. А вот Белаква так не считал. Выбравшись из жаркой утробы подземного общественного удобства, Белаква, исполненный вибрирующего телесного блаженства, поднял голову и в очередной раз насладился зрелищем отменно сработанной шеи статуи поэта Мура, шеи столь ладной, что к ней нельзя было бы ничего прибавить, равно как нельзя было бы и ничего отнять, чтоб там ни говорили критики. Над бушующим морем праздничных огней ярко и весело сияла реклама мясного бульона "Боврил", словно пародируя Звезду Вифлеемскую и последовательно проходя сквозь свои семь цветовых фаз.

Лимонного цвета вспышки, кисленькие, как

желтушная вера, благовествуют, открывают игру огней; сменяются безнадежно зеленой россыпью, как гнилушки на старом пне; рассыпаются на цветовые осколки. Все затухает, свет выключается на мгновение, словно бы из почтения к убиенным. Потом вяло разливается жижа красного, того оттенка, что употребляется в геральдике; светится кармин соблазна и искушения, поднимает юбки зеленому, утверждается исполнение пророчества, световая реклама окрашивает Габриэля вишневым. Длинные юбки зеленого с перестуком гремучей змеи все же опускаются, темнота прикрывает срам, цветовой цикл завершается. *Da capo*[50].

"Бульон "Боврил" и Саломея,— думал Белаква,— и Томми Мур с такой головой да на таких плечах. Сомнение, Отчаяние и Попрошайничество[51] — может быть, прицепить кресло на колесиках к одному из сиих трех, к тому, что побольше?" А по другую сторону улицы, под аркадой слепой паралитик уже занял свое обычное место, драные

---

[50] Примечания: 50
Сначала, снова (лат.).

[51] Примечания: 51
Сомнение, Отчаяние и Попрошайничество — ср.: "А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше", 1-е Послание Апостола Павла Коринфянам, гл. 13, стих 13. Световая реклама почему-то вызывает у Белаквы-Беккета библейские ассоциации.

одеяла, прикрывавшие его, тщательно подоткнуты. Он шумно пожирал свой ужин с неряшливой поспешностью неотесанного пролетария. Скоро уже должен был появиться его креслотолкатель и укатить его домой. Однако наблюдать, как этот паралитик прибывает на свое место и покидает его, редко кому приходилось. Глядишь — он на месте, а через мгновение его уже нет. Появился ниоткуда, проторчал на одном месте целый день и исчез в никуда. Когда занимаешься попрошайничеством, нужно, чтобы видели твои приходы и уходы — это первая заповедь Христианского попрошайничества. В чужих краях устроиться на попрошайничество должным образом никак не получается. Wanderjahre[52] — это сон и забвение, горделивая мертвая точка. После таких странствий возвращаешься и столбишь себе место в каком-нибудь тихом уголке, помаленьку накапливаешь кой-какие деньжата, и тебя уже ищут не по улицам, а на твоем обычном месте, в пристанище, в обители, хоть и арендуемой.

Белаква хотел знамения, и "Боврил" послал ему такое знамение.

---

[52] Примечания: 52

Годы странствий (нем.) — аллюзия на роман И.В.Гёте "Годы странствий Вильгельма Мейстера", в котором осмысливаются проблемы художественного творчества, взаимоотношения человека и общества.

Куда же теперь направить свои стопы? В какое питейное заведение? Сначала туда, где подают хорошее, крепкое черное пиво, которое дает отличную пену; затем в такое местечко, где собираются всякие поэты и политики, среди которых в одиночестве пребывает дублинская рыбачка с платком на голове, которую можно уподобить туче, обронившей благодатный дождь на пустынь стихослагателей и вершителей судеб, ну и наконец в такое местечко, где ни он никого не знает, ни его никто не знает. В какую-нибудь дешевую забегаловку, облюбованную оплаточенными рыбачками, где подают хотя и дешевое, но вполне сносное пиво, где можно усесться на высоком табурете и где никто не будет обращать на тебя никакого внимания, и будешь сам по себе, и будет стоять перед тобой высокий бокал с пивом, а ты будешь прикидываться, что поглощен чтением заметки в "Сумеречном Вестнике" о делах в Москве. Все очень пикантно.

Белаква тут же припомнил два заведения, которые вполне отвечали заявленным требованиям; одно из них располагалось в Рядах Меррион и

служило прибежищем шоферам[53], которым после работы не хотелось сидеть дома, а Белаква старался держаться от таких подальше, подобно тому, как некоторые мужики стараются держаться подальше от баб, этих куриц. Шоферы, как известно, народ грубый, как наждак, грязный, чуть ли не завшивленный. К тому же путь от Мура к Меррион[54] неблизкий и опасный, усеянный в этот час поэтами, крестьянами и политиками. А другое подходящее заведеньице располагалось на Линкольн Плейс, туда можно было потихоньку добраться по улице Пиерс — уж в тех краях никто его не остановит. Такая длинная, ровненькая улица Пиерс — она позволяла умственно расслабиться, так что в голове было легко и вроде как звучала простенькая кантилена[55]; тротуары там населены людьми умиротворенными и погруженными в свою усталость, а проезжая

---

[53] Примечания: 53

...прибежищем шоферам — в тексте использовано слово, которое при полном развороте значения означает следующее: кучер наемного прогулочного экипажа, прежде всего ирландского кабриолета; ирландский кабриолет представлял собой двухколесный легкий экипаж на двух человек.

[54] Примечания: 54

Напомним, что Белаква пока находится рядом со статуей поэта Томаса Мура.

[55] Примечания: 55

Кантилена — напевная, плавная мелодия.

часть начисто лишена всякой человечности, дегуманизирована, наполнена грохотом и снованием автобусов. Трамваи, эти гадкие монстры, с металлическими стонами метались по улице и исступленно размахивали своими дугами. По сравнению с ними автобусы казались весьма милыми созданиями — тихо подшептывают шины, утробно урчат моторы, празднично поблескивают стекла. Нет, ничего в них не было страшного. Потом нужно пройти мимо Квинз, того места, где когда-то произошла трагедия. В такой час весь тот район просто очарователен; особый шарм есть в том, чтобы пройти между старым театром и очередью, в которой вечно выстраиваются бедняки и вообще представители нижних классов, желая купить в кассе кинотеатра самые дешевые билеты. А там в кантилену пути вплетутся воспоминания о Флоренции, о Пьяцце делла Синьория, и о Первом Трамвае, и о Празднике Св. Ионна, когда зажигают смоляные факелы и выставляют их на башнях, а дети, еще полные воспоминаний о фейерверке, зажигавшемся в вечерней тесноте над Кашиной, открывают клетки для цикад, разжиревших от длительного заточения, долго не ложатся спать, участвуя в празднестве вместе с молодыми родителями... А потом воображаемая

неспешная прогулка проведет его по мрачной и зловещей Уфицци, к парапетам вдоль реки Арно и дальше, и дальше, и все дальше... А воспоминания и воображаемая прогулка эта, доставлявшая такое удовольствие, порождались ассоциациями, вызываемыми зданием Пожарной Охраны, которое, как казалось Белакве, позаимствовало многое в некоторых своих частях от Палаццо Веккьо. Из почтения к Савонароле[56]. Ха-ха! Здание, бесплатно раздающее удовольствия. В любом случае, такая прогулка являлась возможностью, ничуть не уступающей какой-нибудь другой возможности, провести словно проглотить, гомеровский час, когда темнота выползает на улицы, ну и так далее, а может быть, даже выгодно отличающаяся от других возможностей тем, что приближает славное мгновение, когда можно будет утолить великую жажду — простецкая забегаловка схватит его и затянет вовнутрь с улицы через дверь своего бакалейного отдела, если, конечно, Белакве повезет и она, эта дверь, будет еще открыта.

---

[56] Примечания: 56

Джироламо Савонарола (1452—1498) — итальянский проповедник, монах, реформатор церкви, осужден как еретик и сожжен на площади Пьяцца Веккьо во Флоренции; надо думать, схожесть здания Пожарной Охраны со зданием Палаццо Веккьо и породила в мозгу Белаквы такие ассоциации.

Белаква отправился в путь, вычищая мысли для прогулочной песни. Болезненное перемещение вело его вдоль крепостных стен Колледжа, мимо элегантных такси. В Пожарной Охране все работало сглажено, как и положено, и все для Белаквы шло хорошо, насколько можно было ожидать от вечера, державшего про запас для Белаквы, словно маринованный огурчик, свои тихие радости — и тут случилось несчастье. В Белакву врезался некто по имени Шас — банальный, скучный умник французской национальности с сатанинской физиономией, совмещающей в себе черты Скита и Паганини, и с умом, как замусоленная конкорданция[57]. Шас был одним из тех, кто повстречавшись с кем-то из знакомых, никак не хотел — или не мог — отстать. А Белаква горел желанием поскорее добраться зуда, куда он направлялся и куда ноги несли его, словно под ними пылал пожар, а в голове звучала особая мелодия.

— *Halte-la!*[58] — пропищал пронзительным голоском пиратствующий Шас.— Откуда такой

[57] Примечания: 57

Конкорданция — алфавитный указатель слов, встречающихся в какой-либо книге с отсылками к тексту; Симфония — конкорданция к Библии.

[58] Примечания: 58

Стой, остановись! (фр).

веселый?

У подветренной стороны выставочного зала "Монументальный" Белаква замедлил ход, вынужден был остановиться и мужественно лицом к лицу встретить эту умственную французскую машину. Машина несла масло и яйца, купленные в молочной "Гиберния"[59]. Белаква не хотел оказаться втянутым ни в беседу, ни в какое иное совместное времяпрепровождение.

— Так, шатаюсь себе,— уклончиво ответил Белаква,— брожу в сумерках.

— Просто песня, темнота, вечер, нет? — воскликнул Шас на своем ломанном английском, к которому он иногда зачем-то прибегал, хотя мог говорить почти безо всякого акцента.

В наступающей темноте Белаква в отчаянье вонзал ногти в ладони — неужели путь ему преграждён? Неужели он остановлен и изнасилован? Неужели сладкие нашептывания в голове оборваны этой заводной куклой? Очевидно, так.

— Как там мир поживает? — выдавил, несмотря ни на что, Белаква.— Какие там новости в этом нашем большом мире?

— Все нормально,— осторожно высказался

---

[59] Примечания: 59

Гиберния — древнее, еще римское, название Ирландии (от лат. hibernius — зимний).

Шас,— нормально, ничего. Поэма продвигается, eppure[60].

Если сейчас он помянет о том, что *ars longa*[61] и так далее, то ему представится возможность горько пожалеть об этом.

— *Limae labor*,— изрек Шас,— *el mora*.[62]

— Ну, ладненько,— промямлил Белаква, готовый отчалить, не замаравшись,— до встречи.

— Надеюсь, до скорой.— пропищал Шас.— Casa[63] Фрики? Сегодня вечером, когда ночь? Нет?

— Увы, увы,— быстренько проговорил Белаква, уже уносимый прочь собственными ногами.

Зри — се Фрика! Она разносит талант по квартирам тех домов, где в квартплату включают и питание, Фрика приобщает к прекрасному и высокому. Вот совершает Фрика налет, певуче, низким, грудным голосом просвещает идеями

---

[60] Примечания: 60
Однако, все-таки (шпал.).

[61] Примечания: 61
Искусство вечно (лат).

[62] Примечания: 62
Оттачивай и жди (лат.).

[63] Примечания: 63
Дом (исп).

Хавелока Эллиса[64], явно страстно желая заняться делом весьма непристойным. На ее впалой груди, как на пюпитре, лежит открытая книга Партильотти "Penombre Claustrali"[65], переплетенная в тончайшую кожу. А в когтях своих пылко сжимает она "120 Дней" Маркиза де Сада и "Антэротику" Алиоша Дж. Бриньоля-Саля, похоже никем никогда не открывавшуюся, в переплете из шагреневой кожи. Подгнивший пудинг вводит ее в заблуждение своим внешним благополучием, вязкий покров боли наброшен чалмой на ее лошадиное лицо. Глазные впадины забиты глазными яблоками, круглые, бледные шары, выпученные глаза, совсем не как у лошади, а как у лягушки, вот-вот вывалятся. Уединенные размышления щедро снабдили ее ноздрями большого калибра. Рот жует что-то невидимое, в уголках губ, там, где лежат горькие складки, по всей длине их соприкосновения друг с дру-

---

[64] Примечания: 64

Генри Хавелок Эллис (1859—1939)— английский врач, ученый, автор множества книг, в основном по вопросам психологии и социологии пола; половому вопросу посвящено семитомное исследование "Проблемы психологии сновидений"; писал он и труды по интерпретации сновидений, о смысле жизни; в интеллигентских и околоинтеллигентских кругах 30-х годов был весьма популярен, хотя и уступал в популярности Зигмунду Фрейду.

[65] Примечания: 65

Альковные сумерки (итал.).

гом собирается пена. Кратерообразная грудина, подпираемая снизу порогами обвислого живота, прячется под просторным платьем, какие обычно носят беременные. Какая ирония! Подглядывания в замочные скважины искривили холку вредной подглядывательницы, костлявый круп торчит позади, словно вопль, приподнимая длинную юбку с перехватом ниже колен. Ширины необычайно-ненужной шерстяной подол, в котором путаются беспутные ноги, ненароком наблюдаются бабки-лодыжки. Аой![66]

Вот это тихое, нежное ржание полынной водочки и заманило когда-то Белакву, более того, вместе с ним и Альбу, к черному ходу, где в ходу крюшон из красного вина и собираются интеллигентики. Альба, тогдашняя Белаквова девушка,

---

[66] Примечания: 66

Зри — се Фрика...— Прокомментировать этот абзац просто не представляется возможным, и не только по недостатку места, но и ввиду сложности и насыщенности аллюзиями. Абзац начинается с Евангельского призыва "зреть" ("се Человек" — Пилат представляет народу Иисуса), а далее — пародирование всего и вся, даже Шекспира. Монструозная Фрика сравнивается с впалогрудой лошадью (от лошадиного лица через холку к бабкам на ногах) и приводится выражение из шекспировского Гамлета, ставшего идиомой: "...let the galled jade wince, our withers are unwrung." (Hamlet, Act III, sc.2 —...пусть кляча брыкается, у нас загривок не натерт; пер. М.Лозинского). Выражение our withers are unwrung (дословно: наша холка не перекручена) в переносном смысле приблизительно значит: хула, обвинения в наш адрес нас не волнуют, не затрагивают. Беккет пишет так: "Keyholes have wrung the unfriendly withers". В дословном переводе это выглядит так: "Замочные скважины скрутили эту недружелюбную холку".

А значит это приблизительно следующее: Фрика личность весьма недружелюбная, она любит подсматривать в замочные скважины и совать нос в чужие дела, но при таком подсматривании ей приходится неудобно сгибаться, эта ее согбенность от частого подглядывания закрепилась и стала постоянной скрюченностью. Если Гамлету наветы "холку не скрутили", то Фрике сование носа в чужие дела "холку скрутило". Финальное "Аой" позаимствовано из средневекового эпоса (см. например, "Песнь о Роланде"), где каждая строфа завершается именно таким восклицанием.

и между прочим, на тот момент, единственная, с большим удовольствием принимала винные подношения, получаемые за ее алое платье и широкое, бледное, скучающее лицо. Царица бала в круговерти кадрили. Аой!

Редко бывает так, чтобы повстречав одного, не встретишь кого-нибудь еще. Едва отряхнул Белаква с себя Шаса, как глядь — прямо перед носом выскакивает из бара "Гросвенор" Поэт, из "простых", так сказать, домотканый, вытирающий губы тыльной стороной руки, а рядом скачет сапрофит, гнилостная бактерия, анонимный политиканствующий налейбой, повеса от сохи. Поэт аж зашелся от неожиданной радости. На его голове, формы золотого яичка, снесенного восточной курочкой, не наблюдалось никакой сурдинки[67]. Вполне можно было предположить, что под его твидовым костюмом а ля Уолли Уитмен[68] скрывалось тело. Поэт производил впечатление человека, который лишь недавно

---

[67] Примечания: 67

Сурдинка — приспособление, надеваемое на струны музыкальных инструментов для приглушения звука, в данном случае — это какой-то дурацкой формы шляпа.

[68] Примечания: 68

Уолт Уитмен (1819—1892)— один из зачинателей "белого" стиха в англоязычной поэзии и один из первых, кто позволил себе довольно прозрачно воспеть в стихах свой гомосексуализм.

сменил сапожное шило на перо, и от того выглядел несколько растерянно. Белаква в ужасе от встречи оцепенел.

— Пошли выпьем,— объявил Поэт громовым голосом свой высочайший указ.

Белаква поплелся за Поэтом, а глазки сапрофита, как буравчики, уже ощупывали своим гнойным взглядом Белаквов пах.

— Ну вот,— вскричал радостно Поэт, когда они зашли в "Гросвенор". Он ликовал так, словно перевел несметную армию через Березину[69].— Говори, что будешь пить. И первую — одним залпом.

— Извини, я сейчас,— заикаясь промямлил Белаква,— одну минутку, сейчас вернусь, так любезно с твоей стороны...

Белаква по-утиному быстренько заковылял к выходу из бара, выскочил на улицу и понесся к вожделенной захудалой забегаловке, в которую можно было войти через бакалейную лавку. Его всосало в мгновенно закрывшуюся за ним дверь подобно тому, как соринку всасывает в свою утробу мощный пылесос. Белаква сбежал от Поэта весьма неучтивым образом. Когда Белаква

---

[69] Примечания: 69

...через Березину — аллюзия на Наполеона, которому в 1812 году не удалось перевести остатки своей армии через Березину.

чувствовал угрозу своему душевному спокойствию, он становился не просто неучтивым и бесцеремонным на манер графа де Талера[70], выведенного Стендалем, но откровенно грубым, хотя и старался сдерживать проявления грубости на людях и давать им выход в тайне ото всех. Белаква бывал застенчиво неучтив в случаях, когда кто-нибудь вызывал в нем раздражение или негодование, как это было при встрече с Шасом, и злобно груб, когда его вовлекали в ситуацию, в которую он совсем не хотел вовлекаться, однако при этом он позволял этим проявлениям грубости вырываться на свободу лишь за спиной тех, кто вводил его в такое состояние. Такова была одна из странностей Белаквы.

По пути Белаква купил у какого-то очаровательного маленького грязнули рекламный листок, внешне оформленный умело, даже изысканно. Похоже было, что рекламку кто-то издал сам, не прибегая к помощи рекламного агентства. Под мышкой у мальчишки торчало еще три-четыре листика для продажи. Драные ботинки... Что с

---

[70] Примечания: 70

Граф де Талер — герой романа Стендаля "Красное и черное", у которого "прорывались потуги важности и властной решительности, робкий наглец"; в образе Талера Стендаль вывел барона Ротшильда, не раз ссужавшего деньгами правительство Реставрации.

такого возьмешь? Белаква дал ему пару монеток и картинку от сигаретной пачки, и мальчишка поскакал дальше на своих тонких и стройных, как у лошади, обляпанных грязью ногах. Белаква, усевшись на высоком табурете в центральной створке главного триптиха[71], поставил ноги на нижнюю поперечину так, что колени уперлись в край стойки (прекрасная поза для человека, который страдает слабым мочевым пузырем и имеет предрасположенность к опущению внутренностей), меланхолично попивал свое крепкое черное пиво (чтоб не вздувался живот, особо много пить он не решался) и пожирал глазами листик с чьим-то рекламным опусом.

"Женщина,— читал Белаква со все возрастающим интересом,— может быть: низкозадая, широкоталиевая, коротконогая, широкобед-

---

[71] Примечания: 71

...главного триптиха — изначальное значение слова триптих: трехстворчатая "книга" с навощенными табличками для письма, применявшаяся древними римлянами; позже — и в таком значении слово дожило до нынешних времен — оно стало употребляться для обозначения трехстворчатой алтарной картины на евангельский сюжет; Беккет употребляет это слово в каком-то своем, особом значении; можно предположить, что пивная разделена перегородками на три части, подобно "триптиху"; глубокая религиозность и внешняя непочтительность ко многим проявлениям христианского культа весьма характерны для ирландской культуры той поры.

рая, глубокоседловинная[72], большепузая и обыкновенная. Если женщина слишком сильно зажимает большой бюст, то на спине, от затянутости лифчика, будут от лопатки к лопатке кататься складки жира. Если же корсет затягивается не туго, а слабо, то в таком случае будет сильно выступать вперед диафрагма, а это весьма некрасиво. Поэтому почему бы не делать инвестиции в дело опытного создателя и уважаемого изготовителя корсетов, который производит модели корсетов, объединяющие лифчик и собственно корсет, что позволяет иметь особо открытое декольте? Корсеты изготовляются из ткани броше, тика (плотной парусины) и эластических материалов, многократно прошиты в тех местах, на которые падает особая нагрузка при ношении, и оснащены гибкими спиральными стальными полосками. Такой корсет обеспечивает потрясающую поддержку и для диафрагмы, и для бедер. Его можно надевать под вечернее платье без спинки, без рукавов и без воротничка..."

О Любовь! О Огненная страсть! Интересно, а у того шикарного алого платья Альбы имеются

---

[72] Примечания: 72

...глубокоседловинная — употребляется обычно применительно к лошади, означает сильный прогиб позвоночника, в частности от излишних нагрузок.

все эти, упомянутые в рекламном листке, элементы? И к какой категории женщин ее можно отнести: к низкозадой, широкоталиевой или глубокоседловинной? Особо заметной талией она не обладает, нагрузок, приводящих к деформациям нижней части позвоночника, не несет... Никакой классификации она не поддается. И в корсет ее не затянуть. И вообще, она бестелесная женщина.

Лицо священника, сидевшего неподалеку, расплылось, исчезло, и вместо него появилась чья-то другая физиономия.

— А ну-ка повтори, чего ты там бормотал,— сказал рот, словно разверзлась глубокая красная рана на белой вязкой замазке.

Белаква повторил и еще многое добавил.

— Nisscht mööööööglich![73] — простонала физиономия и сгинула.

А Белакву теперь вдруг стал беспокоить вопрос, есть ли спинка у того алого платья или нет. А что если в самом деле нет? Нельзя сказать, что его одолевали сомнения в отношении того, являет ли собой такая оголенная спина привлекательное зрелище для непривлекательных глаз. Надо полагать, скапулы, то бишь лопатки, при надевании

[73] Примечания: 73

Это похоже на немецкое "невозможно", но записанное, очевидно, звукоподражательно (должно быть "nicht").

такого платья, четко очерчены, ясно выделяются и имеют и легкость, и свободу движения, как шарик подшипника в шаровой муфте. А в состоянии покоя лопатки, очевидно, напоминают лапы якоря, центральным стержнем служит хребет. Своим внутренним взором Белаква рассматривал эту спину, и зрелище это наполняло его трепетом. Теперь спина виделась ему как ирис, геральдическая лилия, лопатковидный лист с расходящимися под углом сегментами, подобно крыльям бабочки, сидящей на цветке и сосущей нектар. А воображение побежало дальше — возник образ обелиска. Потом костыль, боль и смерть, упокоение в смерти, птица, распятая на стене... Плоть и кости, обмотанные алой материей, самая сердцевина вымытой плоти, задрапированная в алое...

Не будучи в состоянии выносить более терзания, вызываемые сомнением по поводу покроя платья, Белаква обошел стойку и, зайдя в подсобное помещение, позвонил Альбе домой по телефону.

— Одевается,— ответила на Белаквов вопрос горничная Венерилла, его будущая постельная подруга,— и так ругается, словно занозы вытыкает.

Нет, подойти к телефону хозяйка не сможет, потому что выражается и лается уже целый час.

— Я дажа боюся к ей походить,— сказал голос в трубке.— А то ишо убьють.

— А на спине, на спине оно закрытое? — прокричал в трубку Белаква.— Или открытое?

— Шо открытое?

— Да платье, платье! — орал Белаква.— Ну что же еще? Закрытое на спине платье?

Венерилла попросила его подождать и не вешать трубочку, пока она будет вспоминать и вызывать образ платья в памяти. И потом некоторое время Белаква слышал лишь нарекания на несовершенство этого устройства в голове, называемого памятью.

— Это чо, не красное будет? — наконец спросила Венерилла в трубку после неясного бормотанья длинною в целый век.

— Ну конечно же, конечно, это алое платье, черт бы его подрал! — вскричал Белаква.— Ты что, не знаешь ее алого платья?

— Подождить-ка... Это то, шо застёгуется? С пуговицами?

— Пуговицами? Какими еще пуговицами?

— Ну, оно позаду застёгуется на пуговицы, ежель на то буде Божья воля.

— Повтори-ка, ради Бога, что ты сказала,— стал умолять Белаква,— повтори еще и еще раз!

— Так я ж и говору,— простонала Венерилла,— ну, оно сзади застёгуется на пуговицы! Чего еще?

— Слава Тебе, Господи Иисусе Христе,— радостно возопил Белаква,— и да восславится Матерь Божья!

Теперь уже спокойная, угрюмая и мрачная Альба, разодетая искусно и замысловато, пребывает в своей темной кухне, убивает время, не обращая никакого внимания на сетования своей дуры-горничной, которую держат для контраста, для подчеркивания достоинств хозяйки. Горничная осмелилась доложить хозяйке про звонок Белаквы и выраженное им по телефону беспокойство. Альба испытывает муки, ее коньяк стоит рядом, под рукой, на плите, чтобы слегка подогреться. За фасадом, который отдан безудержной элегантности и просто-таки прогибается под весом этой элегантности, а кроме того, затуманен столь свойственным ему выражением печали, происходит ритуальное действо более трепетное, чем роскошное пиршество размышлений. В мыслях своих она стоит на коленях в молитве перед, возможно, совсем недостойной целью, она заводит пружину своего разума для свершения, возмож-

но, вполне никчемной затеи. Выходя за пределы rip pro tern[74], она накручивает себя все больше и больше, она заводит пружины своего мозга, как заводят старинные часы с гирями, она должна быть первейшей на балу, приеме или просто на вечеринке. Любая менее красивая девушка пренебрегла бы подобной тактикой и посчитала бы уделение внимания такому простому событию ненужной и, что еще хуже, нелепой тратой времени. Вот я, сказала бы себе менее щедро одаренная женщина, а вот бал, пускай мы сойдемся, вот и все. Можем ли мы, исходя из такого упрощенческого подхода, сделать заключение, что Альба ставила под вопрос достоинства своей внешности? Нет и еще раз нет, не можем. Стоило ей лишь спустить с поводка взгляд своих глаз, стоило ей лишь слегка приподнять капюшон век так, как она умела это делать неким своим особым образом, и она могла подчинять своей власти кого угодно, сжалиться над его мольбой подчиниться. О, это не составляло большого труда. Но она ставила под вопрос, при этом весьма злобно, словно бы она заранее знала ответ, приемлемость чести,

[74] Примечания: 74

Комбинация, составленная Беккетом из латинского "R.I.P." (requiescat in pace) — "да почиет с миром" и сокращенного латинского "pro tern" (pro tempore) — "до скончания времен".

которой она бы удостоилась, стоило бы ей попросить о ней, получить символическую пальмовую ветвь победы, которой она могла добиться простым открыванием глаз. То, что простота такого славного деяния уже изначально отвращала ее от свершения его, отсылая к разряду тех вещей, которые просто не являлись ее жанром, было бесспорно. Однако это был лишь крошечный аспект ее сомнений. Сейчас она борется с неприятным чувством, возникающим в ней при мысли о Белакве, и с неуверенностью, а стоит ли ей вообще заниматься тем, чем ей предстоит заняться. Ей надо оценить, насколько предстоящее вообще достойно того, чтобы уделять ему какое-либо внимание. Застыв в мрачной неподвижности, вспомнив о коньяке, находившемся совсем рядом, под рукой, но пока не жаждая его пить, она пытается поднять себя, словно домкратом, до принятия решения; медленно, но достаточно уверенно она ищет золотое сияние в том выборе, который ей предстоит сделать, она возносит этот выбор до высот явственной предпочтительности. Да, она сделает это, она станет царицей бала, и сделает это с радостью, серьезностью и с боль-

шим тщанием, *humiliter, fideliter, simpliciter*[75], и сделает это не просто потому, что это можно сделать, а потому что таков ее выбор. Неужели же она, женщина светская, женщина, которая все знает, остановится, замрет в нерешительности меж двумя возможностями, окажется зажатой меж двумя волнениями, окажется подвешенной в нерешительности, станет легкой добычей этой нерешительности? Она, которая все знает? Какие это все глупости, их нужно отмести в сторону. А теперь она позволит себе до истечения срока, до того момента, когда часы пробьют ожидаемый час, отдать небольшую часть своего внимания преобразованию выражения на своем лице, изменению положения рук, плеч, спины — одним словом, реорганизации своего внешнего облика. А вот ее внутреннее состояние переделывать не нужно, оно уже организовано должным образом. И тут же ей захотелось пригубить свой коньяк. "Хеннесси". Отличный коньяк. Она начинает напевать, сама для себя, для своего собственного удовольствия, выделяя голосом те слова, которые

---

[75] Примечания: 75

Смиренно (униженно), счастливо (благополучно), безыскусно (лат.); обыгрывается звуковая и зрительная ассоциация с лозунгом Французской Революции Egalite, Liberte, Fraternite (Равенство, Свобода, Братство).

прямо-таки взывают к тому, чтобы их выделяли, заливается тихими трелями, как Дэн Первый, без страха и упрека:

No me jodas en el suelo
Como si fuera una perra,
Que con esos cojonazos
Me echas en el cono tierra.[76]

Белый Медведь, большой, старый, любострастник и чувственник, уже был в пути, мчался по темным мокрым сельским дорогам в гремучем автобусе, честно и мужественно расплескивающем грязь, и беседовал столь же насыщенно, как какой-нибудь просвещенный кардинал времен Возрождения, с одним давним знакомцем, иезуитом, человеком весьма трезвых взглядов и без или почти без всякой придури. При всей своей насыщенности и искрометности беседа протекала неспешно, даже лениво и пересыпалась игрой слов, была украшена словесной игрой и словесными изощренностями.

---

[76] Примечания: 76

Рифмованные испанские идиоматические выражения непристойного содержания.

— *Lebensbahn*[77],— говорил он (а он никогда не употреблял английское слово, если мог найти соответствующее иностранное, которое ему нравилось больше),— Галилеянина[78] есть трагикомедия солипсизма, которая ни за что не хочет капитулировать. *Retro me*[79] смирение, запойность духовностью и униженное почтение находятся на том же уровне, что и "гопля", как кричит фокусник, вынимая кролика из своего цилиндра, стоят в одном ряду с заносчивостью и эгоизмом. Он, Галилеянин, первый в мире настоящий самодостаточный плейбой-повеса. Его загадочная униженность перед женщиной, застигнутая, так сказать, врасплох, на самом деле представляет собой такое же проявление дерзости, проистекающее из мании величия, как и его вмешательство в дела друга Лазаря. Он открывает целую серию сирых самоубийств, которые контрастируют с серьезными самоубийствами,

---

[77] Примечания: 77

Жизненный путь (нем.).

[78] Примечания: 78

Галилеянин — так со времен римского императора Юлиана Отступника (361—363 гг.) противники и критики христианства (и просто те, кто относится к христианству не очень почтительно) иногда называли Иисуса Христа, который, как известно, прожил детство и молодость в городе Назарете в Галилее.

[79] Примечания: 79

Позади меня (лат.).

продолжающими линию Эмпедокла[80]. Ему приходится нести ответственность за несчастного Nemo[81], являющегося с его *corates*[82] и кровоточащими пароксизмами *depit*[83] перед публикой, на которую это не производит никакого впечатления.

Он отхаркал солидную порцию довольно плотной слизи, погонял ее по чашеобразной полости алчного рта и вернул назад на хранение до будущего востребования.

У иезуита, человека весьма трезвых взглядов и без или почти без всякой придури достало сил высказать свое утомление:

— Если б ты только знал, как ты мне наскучил своими банальностями. И без того никто не сомневается в том, что дважды два четыре.

---

[80] Примечания: 80

Эмпедокл — древнегреческий философ, мудрец, врач и чудотворец, живший в V веке до Р.Х. на Сицилии; давняя традиция сообщает, что он, уже будучи в весьма преклонном возрасте, бросился в жерло действующего вулкана Этна, чтобы своим исчезновением доказать свою божественную сущность.

[81] Примечания: 81

Никто (лат).

[82] Примечания: 82

Потроха — слово образовано от итальянского corata по французским правилам правописания.

[83] Примечания: 83

Досада, смешанная с раздражением и гневом (фр.).

Б.М. (то бишь Белый Медведь) не понял, куда клонит его собеседник.

— Ты мне, понимаешь ли, наскучил,— прогундосил Ч.О.И. (то бишь член Ордена Иезуитов),— ты меня утомляешь еще сильнее, чем какой-нибудь вундеркинд!

Помолчав недолго и накопив немного энергии для дальнейшего ведения разговора, Ч.О.И. продолжил:

— Некоторые безбородые сосунки с тоненькими голосками предпочитают наркомана Бородина Моцарту.

— По всеобщему мнению,— стал возражать Б.М.,— твой замечательный Моцарт был *Hexenmeister*[84] в пеленках.

Получился гнусненький выпад, пускай думает, что хочет.

— Господь наш Иисус Христос вовсе не был колду...

— Ты говори от себя и не приписывай своего мнения другим,— буркнул Б.М. в сильном раздражении.

— А я тебе говорю, что Господь наш вовсе и не был каким-нибудь там простым чудотворцем.

---

[84] Примечания: 84
Колдун, чародей, чудотворец (нем.).

— Не забывай, что Он получил дар чародейства при своем зачатии.

— Знаешь, когда ты наконец духовно повзрослеешь,— заявил иезуит,— и поймешь смысл того смирения, которое находится за пределами мазохизма, вот тогда приходи ко мне и будем говорить серьезно. Речь идет не о каком-то посюстороннем и не о потустороннем мазохизме, а о том смирении, которое находится за пределами боли и служения.

— Но именно об этом я и веду речь! — вскричал Б.М.— Он не служил, и по этому поводу сокрушались многие покойнички. Что еще мне сказать? У слуги не бывает возвышенных мыслей. А Он поставил главное, так сказать, представительство в весьма затруднительное положение.

— Смирение,— пробормотал янычар[85],— смирение любви слишком большой, чтобы прислуживать, и слишком настоящей, чтобы нуждаться во взбадривании с помощью окропления.

Чудо-ребенок ухмыльнулся такому удобному подходу.

— Ты все подгоняешь под себя так, чтоб тебе было удобно и приятно,— ухмыльнулся смыш-

---

[85] Примечания: 85

...пробормотал янычар — надо думать, что Беккет называет иезуита янычаром потому, что он "солдат Христа".

ленно-одаренный Б.М.,— вот что я должен тебе сказать.

— Лучшее оправдание веры в том, что она забавляет. Неверие,— говорил солдат Христа, готовясь подняться со своего места,— это просто скучно. Мелочь обычно мы не считаем. Мы терпеть не можем скуки.

— Ты это вещай с амвона,— отозвался Б.М.,— и тебя с шумом, под барабанный бой изгонят в пустыню.

Ч.О.И. залился смехом. Ну можно ли вообразить себе более безыскусного обманщика и самозванца, чем этот парень!

— Сделай милость,— попросил Ч.О.И., натягивая свое пальто,— сделай милость, мой дорогой, будь так добр всегда помнить, что я не приходской священник.

— Я всегда буду помнить,— откликнулся Б.М.,— что ты не мусорщик и не собираешь отбросы. Твоя любовь к людям — это не мусор.

— Так не будем ею сорить,— с расстановкой проговорил Ч.О.И.— Но мусорщики ведь отличный народ. Несколько излишне прилежны, несколько излишне настойчивы. А в остальном...— И поднявшись на ноги, добавил: — Я желаю сойти. Пойду попрошу водителя, чтобы остановил

автобус.

Б.М. молча смотрел ему вслед.

— В такой Геенной цепи взаимосвязанностей,— сказала, поставив одну ногу на землю, выбирающаяся из автобуса замечательная личность,— я выковал, и выдумал, и подделал свое призвание и свою деятельность.

Произнеся сии слова, он сгинул, а все бремя платы за проезд удобно улеглось на широкие плечи Б.М.

Девушка Шаса была рыбачкой с Шетландских островов. Он пообещал зайти к ней по пути в Дом Фрики и забрать ее с собой, и теперь, затянутый в свой двубортный смокинг, к которому нельзя было бы предъявить никаких претензий, он подавил свое желание броситься побыстрее к трамваю, умерил свое нетерпение с тем, чтобы объяснить таинства этого мира группе студентов:

— Разница заключается в том, если мне позволено сказать...

— Да, да, конечно, говорите! — вскричали студенты *una voce*[86].— О, пожалуйста, говорите!

— Так вот, говорю я, разница между Бергсо-

---

[86] Примечания: 86
В один голос (итал).

ном и Эйнштейном, существеннейшая разница, заметьте, такая же как между философом и социословом.

— О! — простонали студенты в восторге.

— Да, именно так,— позволил себе Шас высказать сентенцию, которую можно было изречь до подхода трамвая, уже появившегося и подкатывающего все ближе.

— И если считать, что это умно говорить о Бергсоне как о чудаке,— Шас начал понемногу отступать к прибывающему трамваю,— то только в том смысле, что мы тем самым двигаемся от Объекта,— Шас нырнул в трамвай,— и от Идеи к Чувству, Смыслу,— продолжал выкрикивать Шас уже со ступеньки,— и далее — к Разуму!

— Смысл, Чувство и Разум! — подхватили студенты.

Но трудность заключалась в том, чтобы определить, какой же смысл он вкладывал в слова "разум" и "чувство"?

— Под "чувством" он понимает одно из чувств,— высказал предположение кто-то из студентов,— ну, знаете, чувство осязания, зрения ну и так далее.

— Нет, не так,— возразил другой,— под "разумом" он подразумевает "здравый смысл".

— А мне кажется,— высказался третий,— должно быть, он под "чувством" имеет в виду инстинкт, интуицию, знаете, ну вот что-нибудь в таком роде.

А четвертый страстно желал знать, что за Объект можно найти у Бергсона, а пятому желалось знать, что такое "социослов", а шестому — что же все-таки делать с этим миром, в котором мы живем.

— Мы должны спросить его,— воскликнул седьмой,— вот и все! Если мы будем высказывать свое неквалифицированное мнение, мы просто еще больше запутаемся, вот и все. Спросим, и сразу станет ясно, кто из нас прав.

— Да, да, правильно,— закричали все разом,— надо спросить его и посмотрим, кто...

И придя к совместному решению, согласно которому первому, кто сподобится увидеть Шаса, предписывалось обо всем его расспросить. Они разошлись, и каждый шел своей дорогой, хотя дороги эти и не очень сильно расходились.

Волосы доморощенного Поэта были так коротко подстрижены, что при одевании через голову разных вещей, они не поддавались никакому взлохмачиванию. И даже в этом, в этом своем стремлении достичь той степени строгости и

аскетизма, которая наблюдается на спине крысы, он выставлял себя в оппозиции к еще недавней моде. Но все же то малое, что можно было сделать с волосами, он сделал — применил лосьон, который придал его стерне на голове некую живость.

А еще он сменил галстук и поднял воротник, и теперь, в одиночестве, не наблюдаемый никем, он вышагивал по комнате из угла в угол. Он создавал свое новое стихотворение *d'occasion*[87], причем, надо думать, это выражение можно было бы применить в данном случае во всех его смыслах. Главные черты этого стихотворения он определил совсем недавно, когда на велосипеде возвращался домой из Желтого Дома. Он продекламирует это стихотворение, когда его об этом попросят, и он не начнет ахать и охать, жеманиться как пианист-любитель, но и не будет плевать, так сказать, в глаз просящему, как это мог бы сделать пианист-профессионал. Нет, ничего такого он не сделает, он встанет и — нет, не продекламирует, а просто прочтет, словно бы сделает серьезное заявление, с той среднезападной серьезностью, которая... ну, которая... ну, как широко раскрытые глаза, полные любви и слез:

---

[87] Примечания: 87
По случаю (фр.).

ГОЛГОФА НОЧЬЮ
вода
пространство водное
в лоне водном
голубой, как цветочек, трепещет.

вспыхивает фейерверк ночи вянет для меня цветок ночи
на грудях волн воды кипучей
свершилось действо цветкового присутствия
действо нежное и спокойное
в водной пустыне
исторжение из лона и
вхождение назад в лоно
коловращение
благовонное лепестковое ненарушаемое притяжение
рыбный ловец утишен
ушел под воду ради меня
агнец нестяжательства... моего

и будет голубой цветок настойчиво
стучаться в стенки лона
пустынных
вод

Полный решимости донести эту свою сильную стихотворную композицию до слушателей таким

образом, чтобы она произвела должное впечатление, и желая избежать каких-либо слабых мест, Поэт тщательнейшим образом готовился к декламации, добиваясь наиболее полного приближения к принятой им аква-водяной манере. Ему нужно все продумать заранее, подготовиться так, чтобы не пришлось прибегать к экспромту, дабы создать впечатление, что труды изымания из себя чувств и мыслей и превращение их в звучащие слова рвут его душу на части. Избрав схему поведения, позаимствованную у акробата-эквилибриста — он безраздельно овладевает нашим вниманием и ловит нас на том, что делает вид, будто ему не удается трюк один раз, второй, третий, а затем, словно намылившись страстным желанием добиться успеха, которое и позволяет ему, так сказать, "проскочить", он наконец исполняет блестяще свой трюк,— Поэт решил, что если он хочет покорить внимающий ему литературный салон, главные усилия следует сосредоточить не столько на содержании своего выступления, сколько на духовном нутровании, духовном потрошении, извлечении внутренностей самого исполнителя. Вот поэтому он и выхаживал по комнате из угла в угол, осваивая наилучший способ декламации "Голгофы

в Ночи", отыскивая и отрабатывая все нужные эффекты своего выступления.

Фрика расчесывала свои волосы, сильно оттягивая их назад. Она так усердно тянула лиловатые локоны, что через некоторое время кожа на лбу натянулась настолько, что закрыть глаза было бы весьма непросто. В итоге она стала похожа на газель с гладко зачесанными назад волосами и едва не удушенную такой прической. Этот вид более подходил бы к вечернему наряду, а не к ее обычному рабочему облачению, в котором столько времени нужно проводить на ногах. Когда-то Белаквова Руби, во времена своих вылазок, тоже отдавала предпочтение таким туго зачесанным сабинянским прическам, и так продолжалось вплоть до того момента, когда госпожа Круто-Таф своим заявлением о том, что птичье личико Руби из-за туго зализанной назад прически выглядело, как обсосанная таблетка от кашля, побудила Руби немного взлохматить волосы и даже завить их. Увы и ах, Фрика, в отличии от Руби, оставалась приверженкой зализанного нимба, и выглядела она большой — слишком большой — куклой, которая с трудом открывает и закрывает глаза. И кстати сказать, выбор образа обсосанной таблетки — или не очень обсосанной — для сравнения

с лицом женщины не лишен некоторой изысканности. Чтоб поглядеть на чудище, не надо идти в кинотеатр и платить денежки за билет на фильм ужасов — у нас под рукой всегда имеется Фрика, за созерцание которой ничего не надо платить.

И все же образ газели, дыхание которой скована невероятно сильной затянутостью волос, не передает в полной мере образ Фрики. Черты ее лица, словно бы подтянутые вверх рукой непривлекательного насильника, запущенной ей в волосы, были в беспорядке разбросаны по ее физиономии, сходившейся на риктусе, то бишь ротовом отверстии. Когда Фрика подводила брови косметическим карандашом, она хмурилась, и потом, после тугого зачесывания волос назад, обнаруживалось, что у нее не две брови, а четыре. Радужные оболочки с точечками словно бы ослепленных ярким светом зрачков были обречены выпирать куполами белой боли мольбы; нижняя губа изогнулась и подскочила в отчаянной попытке добраться до совсем заброшенных ноздрей, из звериного оскала по-змеиному торчал язык. Откусит она себе язык или нет — вот в чем вопрос. Весьма, между прочим, интересный вопрос. Подбородок, которым можно было бы вполне успешно колоть орехи, не скрывал,

а еще более выставлял напоказ выпирающий вздутием щитовидный хрящ. Невозможно было избавиться от страшного подозрения, что ее уплощенные грудные железы, словно бы из сочувствия к измученному виду той эруктации — по-простому отрыжки,— которая сходила за ее физиономию, пыжились вовсю, чтобы, как волнорезами, оттопырить ее корсаж. Лицо Фрики уже давно лишилось какой бы то ни было привлекательности, оно являло собой лишь место, где угнездилось выражение вечной и неприкрытой обиды. Сложи она перед своей грудью руки, плотно прижатые друг к другу ладонями и с выставленными пальцами, из нее получилось бы само воплощение образа мученицы, пребывающей в течке, готовой отправиться на половую охоту, но обреченной на отсутствие желающих воспользоваться ее призывами.

И тем не менее эстетствующая графиня Парабимби, протиснувшись сквозь толпу, заглянет в розово-лиловый салон к старушке Калекен, мамаше Фрики, к которой Фрика относилась как к самому святому на свете, и почти наверняка будет вынуждена воскликнуть: "Калекен выглядит просто великолепно! Я никогда еще ее такой не видела! Ну просто Сикстинская Мадонна!"

И какой же смысл угодно будет вложить ее светлости графине в эти слова? Кумская Сивилла в конской сбруе, принюхивающаяся, не веет ли по ветру духом братьев Гримм? О, ее светлость графиня вовсе не намеревалась быть столь жеманной, манерной и благорасположенной — нет, вовсе нет, все это походило скорее на попытку посчитать камешки в кармашке Мальчика-с-Пальчик. Это было лишь некое общее впечатление... Просто Калекен, моя дорогая, выглядела, обладая необычной фактурой кожи — кожа ее цвета известки была словно утыкана гвоздями,— от пояса и выше так *frescosa*[88], в своем скромном платье под горло — такого цвета бывает кобальт в темпере,— она, моя дорогая, просто как драгоценность, сработанная мастером Кватроченто, увы, загубленного, она настоящая женщина, моя дорогая, она — как вечерний звон Большого Тома[89], потеющего на ветру... И засим, услышав такое, вдовая дева, после многих лет жизни постигшая, что все в небесах, на земле и в водах следует воспринимать таковым, каковым

---

[88] Примечания: 88

Свежей (итал).

[89] Примечания: 89

Большой Том — колокол Колокольни Колледжа Христовой Церкви в Оксфорде, возвещающий окончание дневных дел.

оно есть, определит самой себе хранить в памяти на протяжении всего того срока, который волею судьбы суждено ей прожить, похвалу, сделанную в адрес Калекен таким утонченным и многознающим знатоком, как графиня Парабимби.

А Парабимби продолжает блеять нечто нечленораздельное:

— Мээээээээээкккке...

Не преждевременно ли? Возможно, мы рассказали все это слишком рано. Возможно, все будет совсем иначе. Но пускай уж все остается, как есть.

Вернемся к Фрике. Наконец звонит звонок, бежит с грохотом по ее фаллопиевым пипеткам, гальванизирует ее, отбрасывает от зеркала, словно ей самой надавили на пупок, возвещая...

Студент, чьего имени мы так никогда и не узнаем, прибыл первым. Гадкий, грубый типчик, с большим лбом.

— О Боже м-л-с-т-вый,— возопил он, выпучивая свои большие карие глаза, глядя в которые сразу вспоминалась скульптура семейства делла Роббиа[90],— Фрика, неужели я пришел первым?

---

[90] Примечания: 90

Семейство делла Роббиа — несколько итальянских скульпторов XV—начала XVI века, создававшие сентиментальные терракотовые скульптуры, в основном "Мадонн с Младенцем".

— Не огорчайся,— успокоила его Калекен Фрика, которая на нюх чувствовала поэтов, даже тогда, когда ветер дул в другую сторону,— Да, первый, но опережаешь остальных всего лишь на один ложный шаг и на одно неуместное замечание.

Почти тут же заявилась шумная компания каких-то серых личностей, затем прибыл ботаник, работающий на общественных началах, за ним Кельт из Гелвея, затем рыбачка с Шетландских островов в сопровождении своего Шаса. К этому последнему тут же пристал Студент и во исполнение своего обещания при первой же возможности выяснить у Шаса, какой смысл тот вкладывал в слово "чувство", спросил:

— Что именно вы имели в виду,— Студент явно был настроен на то, чтобы во что бы то ни стало вытребовать ответ,— когда употребили слово "чувство"...

— Он говорил о чувстве? — удивился ботаник.

— Шас! — воскликнула Калекен таким тоном, словно она объявляла имя победителя.

— ...именно в том смысле, который определялся контекстом...— ответил Шас.

Студент возмущался и сыпал слюной в прихожей:

— Я всего лишь хочу выяснить... точнее, все мы хотим выяснить, в каком смысле господин Шас употребил слово "чувство", в смысле ли чувства, как одного из таких чувств, как зрение, осязание, или в смысле противоположности разуму, или...

Кельт, затесавшись в самую сердцевину серых личностей, облепивших его со всех сторон, как листья капусты, жмущиеся вокруг капустной кочерыжки, что-то путано объяснял Ссохшейся, Сморщенной Старухе.

— Как известно, философ Дэвид Юм...— гудел с другого боку Студент, прерванный безымянным неучем, которому очень хотелось поскорее обратить на себя внимание, и не к месту бряк-нувшим:

— Это который Юм?

— Добрый вечер! — сотряс дом рык Белого Медведя.— Добрый вечер всем, всем добрый вечер! — И тут же обратил ураган своего натиска на хозяйку, стараясь изображать вежливость: — Ну и вечерочек, а? Боже, что за погода, а?

Ссохшаяся, Сморщенная Старуха испытывала к Б.М. нежные чувства, словно тот был и впрямь плюшевый мишка, которого она сама купила на ярмарке игрушек.

— Да, да, ужасная погода, а вам так далеко

ехать! — воскликнула она. Ей хотелось посадить его к себе на колени, покачать и приголубить. Он выглядел таким обносившимся, к тому же было известно, что он часто становился унылым и угрюмым.— Как мило с вашей стороны, что вы пришли,— ворковала Старушка,— как мило!

Следующим явился Человек Закона с лицом, пылающим от прыщей и утыканным угрями. Он сопровождал Парабимби и трех девиц, выряженных для выхода на панель, а не в литературный салон.

— Я встретил его,— шептал Шас,— прогуливаясь туда-сюда по улице Пиерс и по улице Брунсвик, знаете, как бывает, прогуливаешься и вдруг — раз — и на кого-то наталкиваешься.

— En route?[91] — высказала предположение Калекен, пребывавшая в состоянии повышенного возбуждения.

— Что, что? — не понял Шас ее попытки высказаться по-французски.

— Он шел сюда?

— Да, но к сожалению, моя дорогая Фрика,— пояснял Шас,— я не смог добиться от него полной ясности, придет он сюда или нет.

---

[91] Примечания: 91
По пути (фр.).

Кельт обратился к Б.М. обиженным голосом:

— Вот тут есть человек, который хочет знать, какого Юма вы имели в виду?

— Неужто? — удивился Б.М.— Вы меня поражаете. Какого еще Юма можно иметь в виду, кроме как философа?

— Это тот, сладкоречивый? — предположил рыжеватый сын Хама.

На этот раз реакция Б.М. была острой и едкой.

— Да он просто *emmerdeur*![92] — съязвил он.— Как его можно называть сладкоречивым?

— Как вы сказали?

Калекен выбралась из толпы и громко произнесла, почти безо всякой вопросительной интонации:

— Почему девочки так задерживаются...

— А разрешите полюбопытствовать,— полюбопытствовал ботаник,— а где ваша сестра, где она, где ваша очаровательная сестричка?

Ссохшаяся и Сморщенная Старуха воспользовалась возможностью вклиниться в беседу:

— К сожалению,— быстренько проговорила она неожиданно звонко и раскатисто,— она в постели, ей нездоровится. Для всех нас это большое

---

[92] Примечания: 92
Засранец (фр).

разочарование.

— Ничего серьезного, надеюсь? — посочувствовал Человек Закона.

— Нет, нет, к счастью нет. Спасибо вам за заботливость. Просто легкое недомогание. Бедненький Одуванчик!

И Ссохшаяся и Сморщенная Старуха тяжело вздохнула.

Б.М. обменялся с Кельтом многозначительным взглядом.

— Какие девочки? — спросил он.

Калекен набрала в легкие воздух и начала перечислять:

— Пэнси, этот наш Голубой Цветочек (а у Поэта сразу встрепенулось сердечко — почему только он не принес с собой nux vomica[93]), Лили Ньери, Ольга, Эллисева, Невеста Мария, Альга, Ариана, высокая Тиба и стройная Сиба, Альма Беатрис, Альба...

Да, но их слишком много! Не может же она упомянуть их всех?

— Альба? — вскричал Б.М.— Альба! Неужели?

— А почему бы нет? — вклинилась графиня Парабимби.— Почему бы и не Альба, кто бы она

---

[93] Примечания: 93

Ядовитые семена азиатского дерева семейства Logamiceae, содержащие наркотические вещества, а также стрихнин и бруцин.

там ни была. Лучше, чем жена, скажем, Бата, маркиза Тсайна?

И тут среди них объявилась серая личность и стала раздавать добрые вести: прибыли девочки.

— В том, что прибыли девочки, а не мальчики, сомненья нет,— объявил ботаник,— Но возникает другой вопрос: те ли это девочки, которых ожидали?

— Теперь, надеюсь, можем начинать,— возрадовалась Фрика Младшая, а Фрика Старшая, увидев, что на пути ее никто не стоит, прытко взлетела на помост и торжественно явила миру приготовленные напитки и закуски. Повернувшись спиной к стойке с вращающимися полками, уставленными всякой всячиной, она, взмахнув руками, точно крыльями, стала выкрикивать с видом святой, побиваемой камнями:

— Чашки! Соки! Какао! Чай! Жульены! Колбаска! Курица под соусом! Салаты! Яблочный мусс! Заливное! Китайские блюда!

Собравшиеся застыли в гробовом молчании.

— Восхитительный призыв,— покончил с тишиной Шас,— но, как говорят, визгу много, а шерсти мало.

Те из присутствующих, которые чувствовали себя особо изголодавшимися, рванули к помосту.

И тут привалили почти все сразу: два запрещенных романиста, библиоман со своей метрессой, палеограф, скрипач d'amore[94] вместе со своим инструментом, но не в футляре, а в каком-то неприглядного вида мешке, популярный пародист со своей сестрой и шестью дочерьми, еще более популярный Профессор Бредсобачьевых Наук и Сравнительной Яйцеологии, сапрофит, уже крепко на взводе, художник-коммунист, да еще и декоратор, недавно вернувшийся из Московских заповедников, крупный коммерсант, два степенномрачных и печальных еврея, одна приобретающая все большую известность куртизанка, еще трое поэтов со своими Лаурами, разочаровавшийся, как это в жизни и положено, в женщинах дамский угодник, целый хор драматургов, какой-то посланец "Четвертого Сословия", неизбежно заявляющийся на подобные сборища, целая фаланга штурмовиков с улицы Графтон и некто Джереми Хиггинс. Едва все эти новоприбывшие оказались поглощенными общей кампанией сборища, как Парабимби, пребывавшая в грустном одиночестве по причине отсутствия ее мужа, который не смог сопровож-

[94] Примечания: 94
Скрипач, исполняющий сентиментальную музыку (итал.).

дать ее в силу нежелания подвергнуться всяким приставаниям с вопросами, принялась раздавать эпитеты Фрике, за которые, как уже было замечено, Ссохшаяся и Сморщенная Старуха была ей очень признательна.

— Отлично,— похвалила графиня чай,— могу констатировать его чудесный вкус. И крепость хороша.

Она держала блюдце под самым подбородком и поставила чашку в его выемку совершенно бесшумно.

— Ну просто прекрасный чай,— добавила она,— ни крепок, ни слаб, все именно так, как надо.

Ссохшаяся и Сморщенная Старуха улыбалась, растягивая губы так сильно, что обнажались зубы.

— Я так рада,— бормотала она,— так рада.

А Профессор Бредсобачьевых Наук и Сравнительной Яйцеологии куда-то запропастился, хотя он вовсе не был маленьким мальчиком и исчезновения не являлись его призванием. Главная жизненная задача этой особы состояла в том, чтобы вещать и чтобы этому вещанию внимали. И надо сказать, что довольные широкие круги внимали ему и внимали, ловя каждое сказанное слово.

— Когда бессмертный Байрон,— доносился откуда-то его жужжащий по-пчелиному голос,— уже собирался покинуть Верону и отправиться к далеким берегам, где геройская смерть могла бы покончить с его бессмертным сплином...

— Равенна! — воскликнула графиня, память которой тут же пробежала легкими перстами по тщательно оберегаемым струнам сердца.— Кто тут говорит о Равенне?

— Разрешите попросить вас сделать мне сэндвич из яйца, помидора и огурца,— обратилась к кому-то подающая надежды жрица любви.

— А известно ли вам,— говорил какую-то глупость Человек Закона,— что у шведов имеется более семидесяти видов сэндвичей?

Слышался и голос математиколюба:

— Арка,— вещал он, доводя до всех великую простоту своих слов,— длиннее, чем хорда, ее замыкающая.

— Мадам знает Равенну? — спросил фотограф.

— Знаю ли я Равенну? — воскликнула Парабимби.— Конечно же, я знаю Равенну. Прелестный и благородный город!

— Вы, конечно, знаете,— ввязался Человек Закона,— что Данте умер именно в Равенне.

— Совершенно верно,— подтвердила Парабим-

би,— именно там он и умер.

— И конечно же, вы знаете,— всунулся и Профессор,— что его гробница расположена на Площади Байрона. Я даже составил эпитафию героически-белым двустишом в возвышенных выражениях.

— Вы, конечно, знали,— сказал свое слово палеограф,— что во времена Велизария[95]...

— Моя дорогая,— обратилась Парабимби к Ссохшейся и Сморщенной Старухе,— какой великолепный вечер! Прекрасная вечеринка, и все, судя по общему настроению, чувствуют себя как дома. Могу вам сказать,— говорила Парабимби,— я завидую вашему умению все устроить так, чтобы люди чувствовали себя свободно и непринужденно.

Ссохшаяся и Сморщенная Старуха попыталась слабо отрицать наличие у себя таких способностей.

— Знаете,— пищала она,— этот прием устроила Калекен, она, она, это Калекен, она все устроила, все Калекен, и мне, Фрике старшей, не пришлось ни о чем беспокоиться...

И действительно, Ссохшаяся и Сморщенная

---

[95] Примечания: 95

Велизарий — полководец Византийского императора Юстиниана (VI век), воевавший в Италии.

Старуха просто сидела на одном месте, и все ее занятие заключалось в том, чтобы выглядеть очень уставшей и измученной. Она смахивала на изможденную, невероятно скучающую старую Норну[96].

— А вот насколько я понимаю,— рокотал Профессор, напрашиваясь, как обычно, на вопросы, на которые можно будет пространно отвечать,— величайшим триумфом человеческого разума явилось вычисление орбиты Нептуна по странностям поведения Урана на своей орбите.

— А каков был ваш собственный величайший триумф? — спросил Б.М.

Вопросик этот, знаете ли, прокатился золотым яблочком и засверкал серебряной картинкой.

В одном углу возникли беспорядки, и Фрика немедля обратилась за помощью к господину Хиггинсу.

— Идите, идите — призывала она,— и наведите порядок. В моем доме не должно быть никаких сцен.

Господин Хиггинс, который не раз принимал участие в схватках вокруг мяча, играя за команду Лесовиков, быстро покончил с безобразием. А

---

[96] Примечания: 96
Норна — богиня судьбы в скандинавской мифологии.

Фрика набросилась на бедного зачинщика.

— Я не потерплю,— кричала она,— присутствия хулиганов в моем доме!

— Он обозвал меня поганым Большевиком,— оправдывался великолепный Комсомолец,— а он сам, между прочим, из простых работяг.

— Все, хватит, чтоб подобного больше не было,— сурово наказала Фрика,— чтобы подобного, слышите, больше не было.

Однако в голосе ее было больше мольбы, чем суровости.

— Я вас просто умоляю, больше ничего подобного не затевать!

И с этими словами Фрика быстренько отступила к закусочному и напиточному алтарю.

— Вы слышали, что она сказала? — спросил Кельт.

— Чтобы ничего подобного больше не было! — передал слова Фрики шотландец в юбке, предпочитающий говорить по-шотландски.

— Я вас просто умоляю,— добавил Б.М.

Но вот является та, которой дано глядеть на все это свысока,— Альба, доблестная, дерзновенная дочь вожделений. Она входит как раз в тот момент, когда на несколько мгновений воцаряется тишина, она медленно движется, подплывает,

словно мединетка — хорошенькая мастерица из парижской шляпной мастерской — к Ссохшейся и Сморщенной Старухе, чтобы засвидетельствовать ей свое ироническое почтение. Своим появлением она возжигает колючий огонь под каждой кастрюлей. Повернувшись спиной к Парабимби, тоскливо трещащей тривиальности, Альба восходит на помост, замирает в молчании перед выставленными напитками и закусками, повернувшись боком к предлагающему помочь в выборе, и забрасывает свои сети, рассчитывая на богатый улов.

Подающая большие надежды куртизанка внимательно присматривается к Альбе, следит за каждым ее движением, чтобы перенять их стиль. Сестра пародиста начинает сообщать всем, кто любопытствует, то малое, что она и ее дорогие племянницы знают об Альбе, о которой столь много говорят в некоторых весьма благонравных кругах, куда они имели доступ, хотя, конечно, они никоим образом не могли бы определить, что из услышанного ими было правдой, а что — просто досужими сплетнями. Однако же — имеет под собой это какие-то основания или нет — складывается впечатление, что...

Кельт, какой-то журналист, которому опла-

чивают его статейки построчно, тот, которого обозвали Комсомольцем или Большевиком, и скрипач d'amore сошлись вместе, словно сведенные колдовством.

— Ну-с,— пригласил журналист к разговору.

— Пре-от-лич-ненько,— сказал Кельт.

— И-зу-ми-тель-но,— поддержал скрипач d'amore.

А шотландец, предпочитающий говорить по-шотландски, не соизволил высказаться.

— А ты, Ларри, что скажешь, а? — настаивал журналист.— Выскажись, Ларри!

Ларри оторвал взгляд от помоста и, медленно проведя ладонями по своей юбке, высказался:

— О-ё-ёй!

— А что именно ты хочешь этим сказать? — не отставал журналист.

Ларри вернул свой пылкий взгляд на помост.

— А ты случайно не знаешь, она не?.. — наконец выдавил он из себя.

— Они все этим занимаются,— заявил скрипач d'amore.

— Черта с два они этим занимаются! — воскликнул Кельт, *ricordandosi del tempo felice*[97].

---

[97] Примечания: 97
Вспоминая счастливое время (итал.).

— А я вот хочу знать, и не только я, но все мы очень хотим знать,— говорил Студент,— просто сгораем от...

— Некоторые действительно по скромности воздерживаются,— уточнил журналист,— как верно заметил наш друг, от распутства. Жаль, конечно, но ничего тут не поделаешь.

Вот сейчас начнется игра великих острословов, запрыгают по помосту колючие словечки — и Джимми Хиггинс, и Б.М. придвинулись поближе.

— Ты выглядишь бледной,— процедила Фрика сквозь зубы,— и больной, моя пичужка.

Альба подняла большую голову, одарила Фрику долгим взглядом, а затем, закрыв глаза, продекламировала нараспев:

Скорбь и тяжкая Печаль,
Боль и горький Уход в Даль
Жестокой Судьбой мне суждены,
А Дни мои и Ночи уж давно сочтены...

Калекен начала медленно отступать.

— Держи их подальше от меня!— крикнула Альба.

— Держать их подальше? — искаженным эхом отозвалась Калекен.— Кого держать подальше?

— Мы мчимся сквозь этот мир,— умирающим голосом простонала Альба,— как лучи солнца сквозь трещинки в огурцах...

Фрике соотнесение солнечных лучей и огурцов показалось малоубедительным.

— Возьми чашечку, выпей чайку,— предложила обеспокоенная Фрика.— Тебе это поможет. Или выпей чего-нибудь еще.

— Держи их подальше, подальше,— говорила-пела Альба,— подальше, подальше, подальше...

Но Б.М. и Хиггинс уже взобрались на помост и подступили к Альбе.

— Что ж, будь как будет,— вздохнула Альба,— пусть все идет своим чередом.

Уф! Фрика испытала невыразимое облегчение.

Половина десятого. Гости во главе с расцветающей куртизанкой и увядающим ловеласом стали разбредаться по дому. Фрика этому не препятствовала. Пускай себе. Когда придет время, она обойдет все уголки и закоулки, вытащит их оттуда, и вот тогда-то, собственно, и начнется самое главное. Разве не обещал Шас продекламировать что-то на старофранцузском? Разве Поэт не написал что-то специально для сегодняшнего вечера? Разве она не заглядывала в ту странную сумку в прихожей и не обнаружила в ней скрипку? А это

открытие означает, что сегодня для них будет и музыка звучать.

Половина десятого. Белаква, настроенный на выбор дальнейшего пути движения, вышел в надинтеллигибельный[98] мир Линкольн Плейс. Дождило, небо плакало горькими слезами. Белаква уже успел купить бутылку, которая теперь одной выдающейся грудью оттопыривала его куртку. Робко и неуверенно проскользнул мимо Стоматологической поликлиники. Еще с детства он боялся ее фасада, глазеющего на мир кроваво-красными стеклами! А теперь в темноте все окна зияли совершенно черными глазницами. И от этого делалось еще страшнее — в Белакве кое-что сохранилось от ребенка. Неожиданно ему сделалось слегка дурно, он побледнел, его прошиб холодный пот. Он прислонился к чугунной калитке в каменном заборе Колледжа и глянул на часы на башне напротив. Сколько-то там десятого, вон сколько прокрутило на этой карусели времени! Ему совсем не улыбалась перспектива вот так стоять, прижавшись к калитке. Еще меньше привлекала его необходимость продолжить

[98] Примечания: 98

Над-интеллигибельный — интеллигибельный — постигаемый только разумом и недоступный чувственному познанию.

движение. Посидеть бы, а еще лучше полежать бы. А тут еще этот дождь втыкается в лицо кинжалами. Белаква поднял руки и прикрыл ладонями лицо, поднеся их так близко к глазам, что даже в полутьме смог различить линии жизни, любви и смерти. Руки плохо пахли. Белаква передвинул руки повыше, на лоб, а потом еще дальше. Пальцы погрузились в мокрые волосы. Подушечки ладоней вдавились в глаза, и под веками вспыхнули сине-фиолетовые огоньки. В углубление на его затылке забрался какой-то выступ то ли забора, то ли калитки и тут же начал терзать Белаквов маленький антракс — недавно народившийся карбункул, который то увеличивался в размерах, то уменьшался, но с шеи, расположившись как раз над воротничком, сходить никак не желал. Белаква усилил давление на карбункул, и запрыгавшая боль подтвердила присутствие нарыва на его обычном месте.

А в следующий момент его руки были грубо сорваны с глаз, которые немедля открылись и увидели широкое красное лицо великана-людоеда из страшной сказки. Какое-то мгновение лицо это пребывало в неподвижности — не каменная, а мягкая, плюшевая горгулья, монстрическая рожа с готического собора,— а затем оно, это лицо,

пришло в движение, исказилось конвульсивной гримасой. "Ага,— подумал Белаква,— это, должно быть, лицо какого-то человека, который мне что-то говорит..." Так оно в действительности и было. Лицо являлось частью Городского Стража Порядка, а уста — неотъемлемая составная того же лица — изливали на Белакву брань. И Белаква закрыл глаза — другого способа избавиться от этой физиономии он отыскать не смог. Обуздав свою превеликую тягу к нанесению визита асфальту, на котором можно было бы сладостно растянуться и удобненько устроиться, Белаква не смог справиться с другим позывом и изрыгнул ничем не сдерживаемым щедрым потоком преизобилие всего того, что имелось у него внутри, на ботинки и нижнюю часть штанин Стража; в ответ на такую несдержанность он получил мощный пинок в грудь, который опрокинул его на тротуар, и он рухнул боком и бедром в окраины исторгнувшегося из него безобразия. При этом Белаква не испытал никакой боли: ни телесной, ни душевной, его *amour propre*[99] не претерпело унижения; им овладело лишь приятное расслабление, за которым тут же по-

---

[99] Примечания: 99
Самолюбие, чувство собственного достоинства (фр.).

следовало нетерпеливое стремление двинуться в дальнейший путь. Не испытывал Белаква и никаких злобных чувств по отношению к Стражу, несмотря на то, что теперь он достаточно хорошо понимал, что тот говорил.

Белаква, стоя на коленях перед Стражем в луже своей собственной скверны, сторожко слушал гнусные ругательства, швыряемые в него Стражем Порядка во исполнение служебного долга и ради некоторого собственного развлечения. Но даже постигая смысл сказанного, Белаква все равно не чувствовал никакой враждебности или неприязни к Стражу.

Белаква слегка приподнялся, протянул руку и, ухватившись за блестящий плащ полицейского, рывком поднял себя на ноги. Извинения, высказанные Белаквой сразу по достижении вертикального положения, были бурно, с применением большого количества общеизвестных слов, отвергнуты. Белаква сообщил свое имя и адрес, рассказал, откуда он идет, куда направляется и зачем, предоставил сведения о том, чем он занимается вообще, какими делами в частности он занимался в тот день и зачем он это делал. Белакву, правда, несколько огорчило заявление Стража о том, что он, Страж, мог бы его, Белакву,

запросто отволочь, как котенка за загривок, в участок, и Белаква попытался дать Стражу понять, что он, Белаква, по достоинству оценил колебания господина полицейского.

— А ну-ка оботри мне ботинки!

Белаква был очень рад возможности оказать любезность — эта услуга из всех возможных выглядела наименее неприятной и позволяла хоть в малой степени искупить содеянное. Пошарив по карманам и вытащив оттуда обрывки "Закатного Вестника", он скатал из них пару бумажных шаров и, наклонившись, вычистил, насколько у него хватило способностей, ботинки и нижнюю часть штанин полицейского. По очищении обнаружилось, что ботинки не только огромны, но и великолепны. Белаква распрямился и, не решаясь выбросить загаженные останки газетки, робко взглянул на Стража Порядка, который, похоже, пребывал в некоторой растерянности, не зная, как наилучшим образом извлечь выгоду из создавшегося положения.

— Сержант, я полагаю,— проговорил Белаква тихим голосом, смодулированным так, что его звучание могло бы растопить и ледяное сердце,— я надеюсь, что вы смогли бы изыскать возможность посмотреть на мой проступок

сквозь пальцы и... и не привлекать меня к ответственности.

Требования исполнения закона и моральные требования проявления милосердия, которые пребывают в извечной битве в душах людей, вступили в жестокую схватку и в совестливой душе полицейского, и он не спешил с ответом на призыв Белаквы. Белаква протянул в сторону полицейского правую руку с единственным намерением — использовать ее, по завету великого Шекспира, лишь для достижения "доброго мира" через рукопожатие, предварительно, можете не сомневаться, обтерев ее с великим тщанием о рукав левой руки. Представитель славной породы Догберри[100] после краткого совещания со своим неподкупным сердцем был настолько добр, что возвел Белакву в достоинство плевательницы.

Удавив в себе позыв пожать плечами, Белаква сделал вид, что собирается уходить.

— Эй, эй, а ну-ка подожди,— рыкнул Страж.

Белаква остановился, но при этом у него был вид человека, который останавливается только потому, что ему что-то припомнилось. Однако выражение лица при этом у него получилось

---

[100] Примечания: 100

Догберри — безграмотный самоуверенный чинуша (по имени персонажа комедии Шекспира "Много шума из ничего").

весьма вызывающим, что могло легко спровоцировать раздражение. Страж Порядка, в котором было значительно больше львиного, чем лисьего, вынудил Белакву оставаться на одном месте до тех пор, пока его объемистая голова, заключенная в шлеме и не приспособленная к длительным умственным напряжениям, не начала гудеть, как колокол. Не будучи более в состоянии выносить этот гул, Страж решил завершить свою акцию по наведению общественного порядка грозным рыком:

— Ладно, давай, топай отсюда!

И Белаква потопал, крепко сжимая в руке скомканные, изгаженные газетные шарики, которые он совершенно правильно определил для себя как "мусор, подлежащий выбрасыванию". Как только он свернул за угол и попал на улицу Килдар, он туг же бросил их на тротуар. Пройдя, однако, всего несколько шагов, Белаква остановился, развернулся, помчался назад к тому месту, где на тротуаре нервно ерзали на ветру оброненные им газетные шарики, подобрал их и швырнул в мусорник прямо перед окном подвального этажа ближайшего дома. И тут же почувствовал

haeres caeli[101] исключительную легкость, и гибкость, и ловкость во всем теле. Белаква, душевно взвившийся, составляющий в уме замысловатые гирлянды слов, быстро шел сквозь моросящий дождик по пути, им же самим выбранному. Ему пришло в голову — и он с удовольствием крутил эту мысль и так и эдак,— что locus[102] его падения, вызванного смутной благодатью, дарованной алкоголем, оказался одновременно и тем местом, с которого он поднялся в наиприятнейшем состоянии духа. Да-да, именно вот так и произошло. Иногда случается так, что хмельная линия закручивается в восьмерку, и получив то, чего хотелось на пути вверх, снова извлекаешь желаемое на пути вниз. Беззадничная восьмерочка хмельной линии. Следуя по ней, не приходишь в конце концов туда же, откуда и отправился — идя вниз, встречаешься с собой, идущим вверх. Иногда, как вот сейчас, ты доволен, но чаще тебе тошно, и ты спешишь поскорее попасть в свой новый дом, даже если дом этот — удобное местечко у стены на асфальте...

Неожиданно Белаква почувствовал, что идти

---

[101] Примечания: 101
Наследник неба (лат).

[102] Примечания: 102
Местоположение (лат).

сквозь дождь ему недостаточно — требовалось еще что-то в дополнение к энергичной, сквозь холод и дождь, ловкой ходьбе при застегнутости до подбородка. Да, просто вот так идти явно недостаточно. И Белаква остановился на высшей точке моста на улице Багот, снял плотную, тяжелую куртку, положил ее на парапет, а сам уселся рядом. Страж тут же был забыт. Белаква стал подтягивать одну ногу вверх, и когда колено добралось до уха, а пятка оперлась о край парапета, он снял ботинок, опустил эту обезботиненную ногу, а потом проделал все то же самое с другой ногой. Затем, чтобы в полной мере воспользоваться злым северо-западным ветром, который продувал все насквозь, Белаква крутанулся на одном месте и сел так, что ноги его свешивались с парапета над каналом. Он болтал ногами и смотрел в сторону моста на улице Лисон. С большого расстояния трамваи, ползущие по горбу моста, казались потусторонними огоньками, сотрясаемыми икотой. О, эти огоньки на грязном фоне темноты, как нравились они ему! Нравились ему, Белакве, недостойному протестанту! Холод добрался до мозга костей. Белаква снял с себя и пиджачок, и пояс, сложил все это на парапете рядом со своей толстой курткой. Затем

он расстегнул пару верхних пуговиц на старых, замызганных штанах и высвободил нижние концы немецкой рубашки, скомкал их и заткнул под нижний край пуловера, а затем подтянул все это вместе взятое вверх, оголив живот и часть грудной клетки. Дождь ударял в голую кожу и капельками стекал вниз. Ощущение было еще более приятным, чем он ожидал. Вот только если б еще ему не было так холодно! И вот после того, как Белаква выставил грудь свою и живот свой на побиение подлому ветру и дождю, стучащему в него, словно мраморными холодными ладонями, он вдруг утратил свою восторженность и почувствовал себя несчастным и одиноким, жалостливо сожалеющим о содеянном. Да, он поступал неправильно, теперь он это отлично понимает, и он искренне раскаивался. Но тем не менее он продолжал сидеть на прежнем месте, раздумывая над тем, откуда может выскочить утешение, печально стучал обносоченными пятками в камень моста. И тут он вспомнил о бутылке, которую купил еще до встречи со Стражем Порядка. И мысль об этой бутылке окрасила его уныние, как могучий луч света. Бутылочка благополучно пребывала совсем рядом, во внутреннем нагрудном кармане куртки, плоская бутылочка

отличного коньячка "Биски". Белаква повернулся в обратную сторону и, спрыгнув с парапета на тротуар, стал обтираться большим платком. Завершив обтирание, насколько это вообще было возможно, он заправил рубашку, надел куртку, застегнул ее — как и ранее до подбородка, надел и зашнуровал ботинки, пропустив шнурки сквозь все шнуровальные дырочки, и лишь после того, как вся эта процедура была закончена, и ни мгновением раньше, он позволил себе приложиться к бутылке, которую, можно сказать, выдул одним залпом. В результате чего он испытал то, что называют "приятным ощущением теплоты", которая, как принято говорить, "побежало по его жилам". Белаква, шлепая ботинками по лужам, пустился рысью в сторону Casa Фрики, намереваясь добраться туда без единой остановки, если, конечно, у него хватит на это дыхания и сил. Высоко задирая локти при беге, Белаква молился о том, чтобы его нелепый вид не привлекал чрезмерного внимания и не вызывал излишних комментариев.

Мысли его, заполненные событиями последнего часа, не имели ни одной свободной минутки, чтобы забежать вперед и обратиться к страданиям, их ожидающих. Даже алое платье Альбы

уже не терзало его — а ведь всего несколько часов назад и квалифицированное заявление Венериллы насчет того, что оно, ежели на то буде Божья воля, застегивается сзади на пуговицы, не избавило Белакву от дурных предчувствий! А вот теперь, когда Фрика, шумно топая, выскочила из своей розовато-лиловой гостиной с тем, чтобы перехватить его в прихожей, и своим внезапным появлением загнала его в состояние еще более неприятное, чем трезвость, на Белакву обрушилось тяжестью назревающей катастрофы полное осознание серьезности положения, в котором он оказался.

— Ну, вот, явился наконец! — с подвыванием хныкающе вскричала Фрика.— Заждались уж!

— Ну явился,— грубо бросил Белаква.— Летаю.

Фрика отшатнулась от Белаквы, испуганным жестом прикрыв нижнюю часть лица. Глаза сверкали обеспокоенностью и возмущением. Неужели он бросал вызов смерти от простуды, которую хотел вызвать пребыванием на ветру под дождем? Неужели ему хотелось быть низвергнутым в ад? Или чего-нибудь еще, не менее страшного? Вода скапывала с Белаквы на пол и собиралась в лужицу у его ног. Белаква стоял перед ней, то ли пораженный ужасом, то ли пре-

бывающий в каком-то трансе. А ноздри у него раздувались.

— Ты должен сейчас же снять с себя всю эту мокрую одежду! — воскликнула Фрика (О, она должна немедля вложить хрусталик своего глаза в замочную скважину!).— Иди, переоденься сию же минуту! Ты же промок до нитки!

Фрика не бросалась словами даром. Если она упоминала "нитку", она имела в виду нитку.

— Каждую мокрую ниточку,— кудахтала она озабоченно,— надо снять, притом сделать это сию же секундочку!

В ходе разглядывания ее лица, дергающегося, как флюгер, в целом, а в особенности при наблюдении за ее пупырчатой верхней губой, вытягивающейся вперед то ли утиным клювом, то ли кобровым капюшоном и вздымающейся к подрагивающему рылообразному носу, у Белаквы сложилось впечатление, что Фрика чем-то взволнованна. И действительно, ее ослино-дурацкое смятение быстро сменилось состоянием высочайшей возбужденности. Казалось, что она в своей непонятной крайней взволнованности вот-вот начнет скакать как безумная. Белаква решил, что следует каким-то образом заблаговременно предотвратить такой всплеск эмоций.

— Нет, нет, не стоит так беспокоиться, все в порядке,— сказал он спокойно и сдержанно,— если б я мог получить полотенце, то это бы...

— Полотенце?! — вскричала Фрика. В тоне ее прозвучало столько возмущенной насмешки, что ей пришлось сморкаться, чтобы отвлечь внимание от прозвучавшей глумливости. А то, не ровен час...

— Да, полотенце,— снова сдержанно и спокойно подтвердил Белаква.— С его помощью можно было бы обтереть самое мокрое...

Самое мокрое! Подумать только! Какая нелепость! Говорить о самом мокром, когда и так совершенно очевидно, что он промок насквозь и на нем нет и сухого пятнышка!

— Так ты же вымок до ниточки!

— Вовсе нет,— отпирался Белаква,— и если бы ты дала мне полотенце...

Калекен, хотя и была, как легко догадаться, весьма огорчена и опечалена, достаточно хорошо зная Белакву, быстро поняла, что его решимость принять из ее рук помощь лишь в виде выдаваемого ему полотенца ничем не может быть поколеблена. К тому же собравшиеся в гостиной уже успели воспользоваться ее отсутствием, о чем тут же возвестил возросший шум — мышки

стали развлекаться! И Фрика потопала прочь с кислым выражением на лице. "Ну прямо тебе гусыня,— подумал Белаква,— убегающая от вредного мальчишки, мелькают лапки, а взлететь никак не может". Фрика быстренько вернулась с двумя полотенцами — одним волосатым и очень большим, а другим простеньким и маленьким.

— Ты подхватишь простуду и умрешь! — пророчествовала Фрика с аденоидной резкостью, столь ему знакомой. Когда она вернулась к гостям, у нее вдруг возникло чувство, что все это уже с ней происходило, наяву или во сне, или, может быть, ей о чем-то таком рассказывали...

Шас, беседовавший тихим голосом с Рыбачкой с Шетландских островов, ожидал с некоторым томительным беспокойством момента, когда его призовут сделать свой поэтический вклад в вечеринку. И вот пришла та лучезарная минута, когда Шас, словно неожиданно помутившись в рассудке или испытав неожиданное раздражение, вызванное его совершенно новой *toga virilis*[103] завершил свою безупречную декламацию, которая не могла бы вызвать никаких нареканий, таким четверостишием:

---

[103] Примечания: 103

Мужская тога (лат.) — тога, которую надевали древнеримские мужчины при достижении совершеннолетия.

Toutes etes, serez ou futes,
De fait ou de volonte, putes,
Et qui bien vous chercheroit
Toutes putes vous trouveroit.[104]

Альба, которую мы — дабы прийти на помощь Белакве — вынуждены были на некоторое время оставить и сделать это с такой же характерной поспешностью, с какой она глотала таблетки, оказывается, начала свою военную кампанию. Первым делом она отослала господина Хиггинса и Б.М. заниматься своими делами. Они, можно сказать, полетели — другого слова и не подберешь — от нее в разные стороны. Засим, не снизойдя до того, чтобы принимать какое-либо участие в этих фигилях-мигилях, в этом мрачном безобразии, проходившем под лозунгом "поцелуй меня, дорогуша", которое распространилось по дому со скоростью лесного пожара и забушевало от подвала до чердака, и которое творилось под покровительством куртизанки, подающей надежды, и дамского угодника, утерявшего интерес к женщинам, она принялась в своей спокойной и неподражаемой манере отлавливать тех, кто

[104] Примечания: 104

Все вы шлюхи были по делу или по помыслу, и кто захочет поискать, тот обнаружит, что вы шлюхи и есть (ФР)-

подавил в себе инстинктивное стремление предаваться гадким поцелуям и обниманиям, и делала это с одной-единственной целью — посмотреть, как они это воспримут и как отнесутся к ней, к этой женщине небольшого роста, такой невозмутимой, полной самообладания, такой любезной и учтивой, с прекрасными манерами, облаченной в алое платье. Так что с точки зрения ее Создателя и ввиду отсутствия Белаквы, она в тот вечер в Доме Фрики олицетворяла силы добра.

Альбе совершенно не приходило в голову, несмотря на то, что она испытывала к нашему жалкому герою определенную приязнь, пусть и скрытую и усложненно обремененную другими чувствами, что можно было бы с сожалением ощущать его отсутствие или просто вообще вспоминать о нем — вот разве что он мог бы пригодиться как довольно внимательный наблюдатель, и оценивающий взгляд его глаз сквозь очки, постоянно направленный на нее и наполненный безумным восхищением, мог бы придать некоторую остроту ее забаве. Среди тех многих, кого неумолимая Фрика подвергла гонениям и отлучила от чувственных радостей, Альба наметила для себя одного из чинных и строгих евреев, того, что с желтушным оттенком конъюнктивы,

то бишь слизистой оболочки глаз, и крупного коммерсанта. Сперва она обратилась к Еврею, но провела наступление вяло — так подступают к заведомо безвкусному блюду,— и оно было отбито. Едва только Альба перезарядила пушки и нацелила свои чары, взяв в этот раз более точный прицел, на этого интересного коммерческого злодея, из которого она предполагала сделать — и уже от предвкушения успеха умственно потирала руки — весьма назидательный пример того, что можно сделать с человеком при должном общении, как Фрика, раздраженная и исполненная досады на свои неудачи, объявила ядовитым тоном о том, что месье Жан дю Шас, прекрасно известный своими обширными талантами всем тем в Дублине, кто хоть что-то собой представляет, и поэтому не нуждается в каком-либо дополнительном представлении, любезно согласился открыть-с бал. Невзирая на то удовлетворение, которое она испытала бы, если бы Шас тут же бы взял и умер, если бы его постигла самая настоящая смерть, немедля и тотчас, Альба не предприняла никаких попыток к тому, чтобы утихомирить свое веселье, которому, конечно, очень шумно и бурно вторил Б.М., разражаясь апофегмами, то бишь афоризмами, некоторые

из которых мы уже приводили, и существенно меньшее удовлетворение она испытала, когда заметила, как горько-сладкий палеограф и Парабимби, которые вдвоем некоторое время назад были застигнуты Фрикой за несколько фривольным занятием, отделились от тех, кто аплодировал Шасу, спускавшемуся с помоста.

Такова была ситуация, обрисованная в общих чертах, когда появился Белаква и стал в дверях, как в раме.

Глядя на него, стоящего под дверной перемычкой, сжимающего в руке свои огромные очки (срывание очков с лица и крепкое сжимание их в руке являлось предупредительной мерой, которую он никогда не забывал применять всякий раз, когда возникала хоть малейшая опасность показаться смущенным — "показаться" набрано курсивом потому, что он всегда выглядел смущенным) и явно весьма серьезно обеспокоенного тем, подойдет ли наконец к нему какая-нибудь добрая душа, чтобы проводить его к стулу, Альба подумала, что ей никогда не доводилось видеть кого-либо, мужчину или женщину, кто выглядел бы таким законченным, великолепным болваном. "Наверное, он силится быть Богом,— подумала она,— в раболепной заносчивости

вздорного зла".

— Вроде того, что могла бы принести собака,— небрежно обронила Альба, но так, чтобы соседствующий рядом с ней Б.М. мог подхватить.

И Б.М. подхватил, развил, но при этом несколько переусердствовал.

— Вроде того, что могла бы принести собака, но по некотором размышлении все же отказалась бы от этого намерения.

И он принялся кудахтать и сопеть, изображая смех, вызванный собственной глупенькой шуточкой, не им, собственно, порожденной.

Альба, охваченная misericord[105], неостановимо стала подниматься из кресла.

— Nino![106] — окликнула она Белакву, не церемонясь и не стыдясь своей фамильярности.

---

[105] Примечания: 105

Беккет употребляет это слово именно в его английском написании, а не в латинском (а позаимствовано оно, конечно, из латыни), и в этом-то и заключается очередной языковой трюк; дело в том, что это слово на латыни означает как раз то, что требуется по смыслу: сострадание, жалость, а вот в английском варианте это слово может значить: послабление в монастырском уставе; монастырская столовая для тех, кому разрешалось не поститься; откидной стул на хорах церкви; кинжал, которым добивали поверженного врага. Как видим, в основе всех этих значений тоже лежит "милосердие, жалость" — послабление; возможность сесть; проявить "милосердие" к врагу; на вопрос, зачем Беккету понадобилось это делать, однозначно ответить невозможно.

[106] Примечания: 106

Детка, малыш (исп.).

Этот клич, пришедший словно бы из далекого далека, оказался для Белаквы, как бутылка чистой воды "Перье" для узника, погибающего от жажды в каменном мешке подземной темницы. И он, заплетаясь ногами и спотыкаясь, отправился в ту сторону, откуда этот зов пришел.

— Двигайтесь, двигайтесь! — приказала Альба Б.М.— Уступите место.

И все сдвинулись, освобождая место для Белаквы. Сие массовое перемещение напомнило Альбе движение по сцене хора туземцев, воспевающих свой тотем в опере "Красавица-дикарка". И это доставило Альбе некоторое удовольствие. Белаква рухнул в освобожденное ему кресло, как мешок с картошкой. Обратите внимание на то, что теперь Белаква и Альба оказались рядышком. Но перед Белаквой тут же выросла задача, требующая разрешения: как сделать так, чтобы она размещалась по его правую сторону, а не по левую, ибо он терпеть не мог, чтобы во время беседы кто-либо находился слева; к тому же его совсем не устраивало соседство с Б.М. Вряд ли потребовался бы квалифицированный математик для установления того простого обстоятельства, что добиться желаемого Белаквой рассаживания можно было бы лишь поменявшись местами с

Б.М., при условии, конечно, что Альба продолжала бы оставаться на своем месте, а вот Белаква попусту тратил время, производя в уме сложнейшие расчеты, издавая при этом жалобные восклицания — он никак не мог сообразить, что из шести возможных вариантов рассаживания, только один удовлетворил бы его требование. И он сидел, понурив голову, ни на кого не глядя и сковыривая пальцем грязь со своих замызганных старых брюк. Альба легко положила руку ему на рукав, и это прикосновение вывело его из прострации — он поднял голову и взглянул на нее. К своему большому неудовольствию она увидела, что он льет слезы.

Парабимби изнемогала от любопытства. Вертя головой во все стороны, привставая на цыпочки и высовываясь из-за палеографа, который громко дышал так, словно постоянно задыхался, она вопрошала, непонятно кого и о чем.

— Что такое? Кто таков? Это что?

— Я был весьма удивлен,— говорил чей-то голос,— весьма, знаете ли, поражен тем, что, как обнаружилось, Шеффильд более холмист, чем Рим!

Белаква тем временем делал безуспешные усилия хоть каким-нибудь образом отреагировать

на сердечное приветствие Б.М. Больше всего на свете ему хотелось соскользнуть на пол, умостить свою головушку, как на подушке, на изящном, хрустящем мареновой материей бедрышке его единственной и...

— Монотеистическая фикция,— говорил Яйцеед,— выдранная софистами, Христом, Платоном, как премоляр[107] из челюсти, из поруганного лона чистого разума...

Заставит их, в конце концов, кто-нибудь, когда-нибудь замолчать? Кто-нибудь, наконец, совершит обрезание их губ, остановит поток их слов?

Фрика, расхаживавшая по помосту, громко объявила:

— Маэстро Тупиччо сейчас нам сыграет.

И маэстро Тупиччо исполнил "Каприччио" Скарлатти на своей скрипке d'amore, причем без какого бы то ни было аккомпанемента, если не считать перешептываний. Игра маэстро не вызвала ни малейшего заметного восторга.

— Платон! — ощерился Б.М.— Я верно услышал? Кто-то упомянул тут Платона? Маленький,

---

[107] Примечания: 107
Премоляры — малые коренные зубы.

гадкий Бёме[108] из заведения для малолетних преступников, вот кто он такой!

Получился, если хотите, нокаутирующий удар по челюсти чьих-то рассуждений.

— А теперь господин Ларри О'Мурка-хауд-ха,— Фрика произнесла эту фамилию по слогам так, что она прозвучала, как имя краснокожего индейца,— споет для нас.

Господин Ларри О'Муркахаудха замахнулся на нечто такое, на что его певческого материала, скучного и изношенного, явно не хватало.

— Не могу больше,— постанывал Белаква,— не могу.

Фрика бросила на прорыв Поэта, напомнив присутствующим, что для всех них большая честь послушать его.

— Мне кажется, я не ошибусь,— заявила Фрика, выставляя вперед зубы, как прикрытие лжи,— если сообщу вам, что нам прочтут одну из последних поэз.

— Как уксусом на селитру, эта поэзия...— простонал-промычал Белаква.

— Не вздумай только,— прошипела с напускной задушевностью Альба, которая начала

---

[108] Примечания: 108
Якоб Бёме (1575—1624) — немецкий мистик и философ-пантеист.

испытывать беспокойство по поводу душевного состояния своего воздыхателя,— спихнуть на меня эту Гаммидж! Особенно до того, как она получит статус замужней женщины при полном покровительстве мужа!

А у Белаквы не было никакого желания — ну совершенно никакого! — спихнуть "эту Гаммидж" на Альбу или на кого бы то ни было ни в каком ее статусе. Он даже не мог взять в толк, о ком, собственно, идет речь, но он видел, что Альба вполне непритворно чем-то очень серьезно огорчена и озабочена. Раз он не мог пребывать слева от нее или у ее ног, он оставил всякую надежду разместиться по отношению к ней именно так, как ему хотелось. И единственной его заботой теперь оставалось, прежде чем его душа бросит якорь, найти кого-нибудь, кто помог бы ему обезвредить того зверя[109], которого удерживать в себе ему было все более тяжело. Он придвинулся

---

[109] Примечания: 109

...обезвредить того зверя — Беккет обыгрывает английское выражение to scotch the snake, пришедшее еще от Шекспира и означающее: обезвредить что-то, сделать неэффективным; у Беккета имеем to scotch a wolf, но вот о каком волке (у Шекспира речь шла об обезвреживании змеи), изнутри грызущем Белакву, идет речь, сказать трудно, хотя скорее всего (в выражении присутствует слово scotch пусть и не относящееся в контексте идиомы к Scotch, т.е. к виски) Белакву мучает желание еще выпить и высказаться собутыльнику или просто отрыгнуть уже выпитое.

поближе к Б.М.

— Послушайте, не могли бы вы...

— Motus![110] — взвизгнул библиоман из заднего ряда.

А Б.М., отчего-то слегка пожелтевший, зашипел:

— Дайте человеку прочитать свои стихи! Помолчите!

— В чем дело? — прошептала Альба.

Белаква позеленел и в уме быстренько придумал дурацкую рифму к "Царю Бробдингнагу"[111].

— Черт бы тебя подрал,— злобно шептала Альба — в чем дело, я тебя спрашиваю?

— Ну дай же человеку дочитать свои стишки,— пробормотал Белаква,— ну что ты все время шумишь и не даешь человеку читать свои стихи?

Взрыв аплодисментов, беспрецедентных в анналах сборищ в розовато-лиловом салоне Фрики,

---

[110] Примечания: 110

Это латинское слово невероятно многозначно, но в основе его лежит понятие движения; либо библиоман просит читать громче и живее и вкладывать побольше чувства, либо выражает возмущение (это значение тоже присутствует среди пары десятков других) по поводу шума в рядах публики.

[111] Примечания: 111

Царь Бробдингнаг — персонаж из Свифтового "Гулливера"; правил в земле Великанов; представлен как весьма мудрый правитель; считается, что в какой-то степени списан с английского короля Георга I.

засвидетельствовал, что Поэт наконец дочитал свои стихи.

— Ну,— теперь уже громче сказала Альба.

Белаква, позволив себе сделать глубокий вздох и набрать полные легкие воздуха затхлой и зловонной атмосферы, протараторил со скоростью человека, демонстрирующего особо сложную для выговаривания скороговорку, позаимствованный где-то quodlibet[112]:

— Когда я вспоминаю равнодушно ушедшие печали, то равнодушен мой рассудок, а память все так же хранит печаль. Рассудок по причине равнодушия, в нем заключенного, имплицитно равнодушен, а память по причине печали, в ней заключенной, сама по себе не может печалиться.

— А теперь повтори это снова, однако, помедленнее,— приказала Альба.

Белаква начал повторять, и все получалось у него замечательно, но Альбе пришла в голову неожиданная мысль, и она прервала его:

— Проводи меня домой.

— А у тебя есть... эти вот,— пробормотал Белаква,— потому что у меня нет ни пенни.

Альба успокаивающим жестом положила свою

---

[112] Примечания: 112

Нечто спорное, подлежащее разрешению в дебатах (термин средневековой схоластики); в переносном смысле — сложная проблема *(лат.).*

руку на его руку.

— А я хочу знать...— говорил Студент.

— Так что, проводишь? — спросила Альба.

— Я вот вычитал в газетке,— мило беседовал Человек Закона с Шасом,— что на покраску Эйфелевой Башни уходит сорок гон желтой краски.

Фрика, вернувшись в залу после того, как она проводила ко входной двери изменника, сбежавшего под неубедительным предлогом необходимости не опоздать на поезд, явно собиралась снова взобраться на помост. Лицо ее было полностью заставлено возмущенным выражением.

— Быстро,— стал торопить Альбу Белаква,— надо улизнуть до того, как начнется следующее выступление.

Фрика, заметив их побег, бросилась вслед за ними, расплескивая вокруг себя потоки злобы и раздражения. Белаква, пропуская вперед Альбу, распахнул парадную дверь на улицу. Альба остановилась, слово бы желала проявить особую вежливость и пропустить вперед Белакву.

— Нет, сперва дамы,— объявил Белаква, не двигаясь с места.

Он настоял на том, чтобы взять такси. По дороге они молчали, не найдя о чем говорить. Je t'adore

a legal[113]...

— Ты не могла бы заплатить водителю? — попросил он, когда они подъехали к ее дому,— Я ж тебе говорил, у меня нет ни пенни, я все истратил на бутылку.

Альба достала из сумочки деньги, и Белаква расплатился с таксистом. Выбравшись из машины, они стали перед воротами, лицом к лицу, на мокром асфальте. Дождь почти полностью прекратился.

— Ну...— пробормотал Белаква, раздумывая над тем, следует ли ему совершить бэзмэн[114]. Он проделал необходимое движение, демонстрирующее его намерение, но Альба отстранилась и, сделав шаг к воротам, отодвинула задвижку.

Tire la chevillette, la bobinette cherra.[115]

Извините за все эти французские выражения, но дело в том, что это создание, этот наш Белаква, строит в уме всякие фантазии по-французски. И сны ему снятся по-французски.

---

[113] Примечания: 113
Я тебя обожаю, как... (фр.)

[114] Примечания: 114
Бэзмэн — целование ручек; это старое русское слово, позаимствованное из французского языка.

[115] Примечания: 115
Тяни шкворень, задвижка откроется (фр.); нам более знаком вариант: "Дерни за веревочку, дверь и откроется!".

— Заходи,— пригласила Альба.— В камине горит огонь, тепло, есть и бутылка.

И он зашел.

Она, как всегда, сядет в кресло, а он, как обычно, разместится на полу у ее ног и наконец прислонится своим маленьким антраксом — карбункулом на затылке — к ее бедру, и это будет лучше всякой припарки. Ну и все остальное будет: и бутылка, легкие слезы от естественного проявления чувств, и ее пальцы, заряженные энергией высокой частоты, в его волосах...

Nisscht mööööööglich[116].

А потом дождь снова полил вовсю, водными потоками обрушиваясь на землю и создавая массу неудобств Рождественскому суетливому движению как на дорогах, так и на тротуарах тем, что лил без перерыва почти двое суток. Некое божественное создание, по происхождению из Лейпцига — этому созданию Белаква, где-то вскорости после Праздника Богоявления, отмечаемого на двенадцатый день после Рождества, имел оказию поведать, что выпадение осадков в виде дождя в зимние месяцы вызывается заклинаниями Членов Совета Дублинского

[116] Примечания: 116

Это похоже на немецкое "невозможно", но записанное, очевидно, звукоподражательно (должно быть "nicht").

Университета,— воскликнуло:

— Himmisacrakruzidirkenjesusmariaundjosefund blutigeskreuz![117]

Именно так, все на одном дыхании и произнесенное как одно слово! Подумать только, какие штуки иногда выкидывают люди!

Но ветер поутих, как это часто бывает в Дублине, когда респектабельные мужчины и женщины, которых этому ветру доставляет такое удовольствие злить и раздражать, укладываются в постель, и дождь, ничем не тревожимый, спокойно лил свои потоки вертикальными струями. Дождевая вода низвергалась на залив, на берег, на горы, на равнины, а особенно обильно и отчаянно дождь поливал Центральный Общественный Туалет.

Так что когда Белаква, это неприкаянное создание, вышел поздней ночью из Casa Альбы, ему, будьте уверены, представился случай лицезреть темноту. Уличные лампы были все загашены, равно как луна и звезды. Белаква двигался по трамвайным рельсам, нащупывая путь ботинком. Он, двигаясь в полной темноте, радовался тверди под ногами. Зажег спичку и, прикрывая

[Примечания: 117

Тут по-немецки поминаются и небеса, и Иисус, и Дева Мария, и Святой Крест.

огонек от дождя, глянул на часы. Часы стояли. Ничего, терпение, общественные часы помогут своим боем.

Ноги болели столь сильно, что он стащил с них ботинки, находившиеся еще в прекрасном состоянии, и швырнул их в ночь, пожелав им вдогонку всего наилучшего той ранней птице, которая выберется из дома утром раньше всех и подберет их. Веселого Рождества! И потопал домой, расплескивая лужи, а пальцы на ногах безмерно радовались обретенной свободе. Однако этот небольшой успех, достигнутый в деле облегчения движения, оказался более чем упразднен такой болью в желудке, каковой ему еще не приходилось испытывать. С каждым шагом он все более скрючивался от боли, и в конце концов верхняя часть его несчастного тела приобрела положение, параллельное линии горизонта. Когда он добрался до моста через канал, но не на улице Багот и не на улице Лисон, а на какой-то другой, что находилась поближе к морю, он сдался боли и разлегся животом вниз на тротуаре, упираясь в него локтями и коленями и подсунув под живот одну руку. Постепенно боль начала отступать.

А интересно, что это там такое под ним подложено? Белаква стряхнул с переносицы очки и,

слегка приподнявшись, вытянул из-под себя руку. И что же это такое? Он поднес руку близко к глазам. Его собственная рука. И кто бы мог подумать! Он решил испытать, послушаются ли пальцы его приказания пошевелиться? Послушались. Белаква складывал их в кулак, растопыривал, снова складывал, всматриваясь в их удивительное движение своими слабыми глазами. Он расправлял пальцы по одному, один за другим, а потом все сразу, так что они торчали вверх, в нескольких сантиметрах от его косящихся на них глаз, источая прогорклый запах. По мере того как он терял интерес к ним, исправлялось и его временное косоглазие, ибо взгляд его устремлялся сквозь пальцы в темноту. Едва только он дал пальцам другое занятие — потирать лицо,— как чей-то голос предложил ему — в этот раз скорее скорбно, чем сердито — "двигать дальше", и Белаква, благо боль почти совсем угомонилась, с радостью последовал этому указанию.

ЛЮБОВЬ И ЗАБВЕНИЕ

Семейство О'Крутых, состоявшее из господина О'Крутых, госпожи О'Крутых и их одной-единственной дочери Руби, проживало в маленьком домике в Айриштаун. После обеда, который у них обычно имел место в полдень, глава семейства господин О'Крутых удалился в свою комнату на отдых, а госпожа О'Крутых и Руби проследовали в кухню выпить кофе и побеседовать. Мамаша О'Крутых была небольшого роста, бледная, пухленькая и прекрасно сохранившаяся для своего возраста. Она налила нужное количество воды в кастрюльку и поставила на плиту, чтобы вскипятить ее.

— В котором часу он должен прийти? — спросила мамаша О'Крутых.

— Он сказал, что около трех,— ответила Руби.

— Он приедет на машине? — спросила мамаша О'Крутых.

— Он сказал, что надеется, что на машине,— ответила Руби.

О'Крутых горячо и искренне надеялась, что так оно и будет, ибо питала трепетную надежду, что

ее пригласят на вечеринку. Хотя она предпочла бы умереть, чем стать на пути своей дочери, но все же не видела никакой причины, по которой, если она будет держаться в тени, ей могли бы отказать в возможности принять участие в этом невинном развлечении. Она насыпала пригоршню кофейных зерен в небольшую кофемолку и, отчаянно вертя ручку, размолола их в мелкий порошок. Руби, которая в дополнение ко всем остальным своим штучкам была еще и неврастеничкой, заткнула пальцами уши. О'Крутых, усевшись за столик рядом с плитой, чтобы удобно было наблюдать за водой, выжидая момент, когда она закипит, глянула в окно и удостоверилась, что погода идеальна.

— А куда именно ты, собственно, собираешься ехать? — спросила мамаша О'Крутых. Она проявляла естественное любопытство матери ко всему тому, что непосредственно касается ее ребенка.

— Ой, и не спрашивай,— фыркнула Руби, которая имела явную склонность раздражаться, когда ей задавали подобные, неприятные ей вопросы.

А тот, о ком они говорили, тот, который собирался — или точнее, "выражал надежду" — заехать к ним в три часа на машине, являлся не кем иным, как обреченным на вечную неприкаянность

Белаквой.

Увидев, что вода закипела, О'Крутых взяла смолотый кофе и насыпала его в кипящую воду, тут же уменьшила пламя до самой малости, хорошенько размешала и оставила его томиться еще некоторое время на плите на очень медленном огне. Возможно, такой способ готовить кофе может показаться странным, однако он был оправдан обстоятельствами, требующими сосредоточения внимания не на кофе, а на коечем другом.

— Давай я тебе еще чайку приготовлю,— умоляющим голосом предложила О'Крутых. Она терпеть не могла находиться без дела.

— Ах нет,— воскликнула Руби — нет, спасибо, честно не хочется.

Часы в прихожей пробили половину третьего. Время, когда в Айриштауне все замирало.

— Половина третьего! — вскричала О'Крутых, которая и не подозревала, что уже так поздно.

А Руби обрадовалась, что уже совсем не так рано, как она думала. Аромат кофе наполнил кухню. Так было бы хорошо посидеть в задумчивости с чашечкой кофе, поразмышлять... Но Руби прекрасно знала, что это совершенно невозможно, так как матери страстно хочется поговорить,

позадавать вопросы, высказать всякие мысли и предположения. И когда кофе был разлит по чашкам, а мамаша О'Крутых уселась поудобнее и приготовилась вести беседу, которая так хорошо идет под кофе, Руби неожиданно сказала:

— Знаешь, ма, меня немножко мутит, так что, если ты не возражаешь, я возьму свой кофе и посижу с ним в ретираде.

Ретирадой они на старинный манер называли туалет. Мамаша О'Крутых, давно привыкшая к неожиданным прихотям своей дочери, обычно воспринимала их философично. Но эта последняя выдумка! Неслыханно! Кофе в туалете! Однако! А что сказал бы отец Руби, если бы услышал про такое?

— А может, и канифольчику? — съехидничала О'Крутых.— Может, и стакашек канифольчику опрокинешь в туалете?

Канифольчиком, читатель, они называли виски.

Руби поднялась со стула, отпила глоток кофе, чтобы освободить в чашке немного места.

— Нет, ма, я выпью глорию.

А глорией, читатель, они называли кофе, в который добавлялся коньяк.

Мамаша О'Крутых налила в протянутую к ней

чашку коньяку, но меньше, чем она налила бы обычно, при других обстоятельствах, и Руби вышла из кухни.

Мы уже кое-что знаем о Белакве, а вот Руби О'Крутых не появлялась ранее на этих страницах. Страстно желая ублажить тех, кто читает эту книгу удивительных и невероятных приключений, мы воспользуемся тем небольшим затишьем, которое будет продолжаться, пока Белаква находится в пути, госпожа О'Крутых сидит, надувшись и задумавшись, над своим кофе, а Руби предается мечтам, попивая в ретираде свою глорию, и сообщим кое-что об этой последней, но не о глории, а о Руби.

На протяжении весьма продолжительного промежутка времени Руби, по причине своей красоты и, хотя и в меньшей степени, своего интеллекта, являлась предметом постоянных ухаживаний, сопровождаемых обильными возлияниями, однако теперь, по достижении возраста тридцати четырех или тридцати пяти лет, она уже не давала повода ни для ухаживания, ни для винопития. Тех, кто проявит хоть немного любопытства и пожелает узнать, как она выглядела в то время, когда мы решили ввести ее в наше повествование, мы рискнем отослать к образу

Марии Магдалины[118], как он представлен на картине Перуджино[119] "Пьета", которая выставлена в Национальной Галерее Дублина, имея при этом в виду, что волосы у нашей героини черные, а не рыжие. Сделав это замечание, мы более не будем задерживать читательское внимание на ее внешности, так как Белаква, судя по всему, не придавал наружности какого-либо значения.

Жизненные обстоятельства постепенно привели к тому, что ее характер, прирожденно романтический и в высочайшей степени идеалистический, сильно изменился, и она пребывала почти постоянно в состоянии какого-то глубинного отчаяния. Ее любовные переживания действительно оказались весьма несчастливыми. Взыскующая любви, как и положено молодой и аппетитной женщине, любви, которая бы свела ее или прочно соединила бы со спутником жиз-

---

[118] Примечания: 118

Фигуру Марии Магдалины частично скрывает дурацкая стеклянная витрина, за которой додумались повесить эту несчастную картину, и рассмотреть ее можно лишь в отдельных фрагментах. Следует, однако, проявить терпение — ведь известно, что цепкая память позволяет восстановить целое из кусков и тем самым дать более полное представление о картине и о интересующей нас фигуре, более близкое тому, которое намеревался создать сам художник (примеч. авт.).

[119] Примечания: 119

Пьетро Перуджино (настоящая фамилия — Ваннуччи) (1476—1523)— итальянский художник, непревзойденный мастер сентиментальных "Мадонн"; у него многому научился сам Рафаэль Санти.

ни, подобно тому, как солнце связано с любой планетой, обращающейся вокруг него, двусторонней связью, она в конце концов дошла до того, что все более и более стала избегать любовных переживаний, обнаруживая со все усиливающимся разочарованием и даже отвращением, что последствия любовной привязанности — а спрос на нее был очень высок — оказывались совсем не такими, как ожидалось. Результатами такого любовного разочарования и краха явились: во-первых, она стала полностью избегать каких бы то ни было любовных переживаний; во-вторых, она принялась искать более действенные способы удовлетворения зуда любовной сизигии[120], среди которых, как она обнаружила, музыка и хороший виски оказались наиболее эффективными, и наконец, в-третьих, она позволяла себе иметь кошачьи случки ради получения тех убогих радостей, которые такие мимолетные альковные встречи могли принести. Однако и тут количество желающих, которых поначалу было столь много, что возникало embarras de

[120] Примечания: 120

Сизигия — выстраивание небесных тел почти в ровную линию (как, например, при солнечных или лунных затмениях выстраиваются солнце, луна и земля) в какой-либо гравитационной системе; Беккет продолжает свою метафору: Руби — солнце, а потенциальные женихи — планеты.

richesse[121], сохранявшееся неизменным, пока она продолжала играть роль женщины, исполненной глубокого презрения к кобелям, резко пошло на убыль после того, как у нее поменялись взгляды на свое место в жизни, отчего существенно уменьшилась сила ее обольстительности, и ищущих встреч с ней уже отпугивали эти ее новые качества. Гроздья любви, отложенные за ненадобностью на то время, пока кровь бурлила похотью, оказались скисшими, когда у нее возродился вкус к ним. В былые времена она уходила в себя тогда, когда ей уже не хотелось быстротечной эротики, теперь же она уходила в себя, потому что уже не находилось постельных приключений, однако с той существенной разницей, что ее убежище покинула надежда, которая когда-то утешала и поддерживала ее. Руби рассматривала свою жизнь как восходящую вереницу шутовских эпизодов.

Белаква, с его благочестивым ухаживанием, набожным целованием ручек, почтительным прикладыванием подольного края ее платья к устам, с его переживанием восторгов на безопасном расстоянии, представлял собой именно того

[121] Примечания: 121
Затруднение от избыточности (фр).

воздыхателя, невысказанно обожающего с дальней дистанции, ради которого она — подобно истосковавшейся по домашнему спокойствию и уюту искрящейся светом комете,— несущая в себе ЭТО[122], пожертвовала всеми своими остальными бесчисленными ухажерами. И теперь, когда блеск драгоценного металла ступеней ее любви скрылся под грязью, ЭТО иссякло, ухажеры отпали, Белаква явился ей как посланник ироничной Судьбы, отряженный этой Судьбой, дабы постоянно самим своим существованием напоминать ей о том, что она потеряла, и возбуждать ее печаль, вызываемую осознанием того, что она теряет. И все же она терпела его в надежде на то, что рано или поздно под влиянием винных паров, в вакхическом порыве или просто от похотливой несдержанности он настолько забудется, что заключит ее в свои объятия.

Добавьте ко всему этому тот факт, что она в течение длительного времени страдала неизлечимым недугом и что не менее пятнадцати докторов, из которых человек десять были записными атеистами, независимо друг ото друга

[122] Примечания: 122

...несущая в себе ЭТО — скорее всего под "ЭТО" Беккет понимает нечто вроде фрейдистского "ОНО" — средоточие половой энергии в человеке, либидо.

заверили ее со всей врачебной ответственностью в том, что ей не стоит рассчитывать на долгую жизнь, и с учетом всех этих обстоятельств, мы чувствуем разумную уверенность в том, что даже наиболее придирчивый читатель должен признать не только крайнюю тяжесть положения, в котором она оказалась, но и жизненную достоверность всего того, что мы надеемся поведать в не очень отдаленном будущем. Мы полагаем также, что безответственность Белаквы, его способность действовать без достаточных на то побуждений были столь явственно выявлены во всех его выше описанных похождениях, что уже не будут вызывать удивления. Учитывая его прирожденный дар вести себя непредсказуемо, с некоторым уклоном к справедливости, его можно было бы сравнить с неким природным явлением. Самым подходящим местом пребывания для него был бы сумасшедший дом.

Белаква сознательно и целенаправленно поддерживал отношения с Руби, к которой не испытывал никаких особо нежных чувств, и обхаживал ее и ухаживал за ней так, чтобы наилучшим образом подготовить ее к той роли, которую она должна была сыграть в его жизни вместо него. О сути этой роли он поведал Ру-

би, когда посчитал ее, то есть Руби, достаточно созревшей для ее, то есть роли, исполнения, и заключалась она, эта роль, или суть, в том, чтобы посодействовать его felo de se[123], которое он, к его величайшему огорчению, не мог совершить, просто сидя на своей заднице. Когда и как у него созрело такое твердое решение покончить с собой, мы определить не можем. Самый простой путь — в том случае, если мотивы того или иного поступка оказываются столь глубоко упрятанными в подсознании, что словесное их оформление невозможно,— назвать этот поступок возникшим ex nihilo[124] и этим удовлетвориться. Именно это мы просим читателя сделать и в данном случае.

Нормальная здравомыслящая женщина предпочитает спрашивать "что?", а не "почему?" (это укоренено очень глубоко), но бедной Руби всегда не хватало этого замечательного качества — здравомыслия,— так что как только Белаква открылся ей и сообщил о своем намерении, Руби принялась взывать к его рассудку. И хотя у него не было, как мы могли уже видеть, никакого мало-мальски нормального рассудка, он так хорошо

---

[123] Примечания: 123
Самоубийство (лат.).

[124] Примечания: 124
Из ничего (лат).

вооружился соответствующими познаниями, касающимися данной проблемы — его подтолкнуло к изучению этого вопроса наблюдение за своим собственным непредсказуемым разумом,— что он смог немедля засыпать ее сведениями, почерпнутыми из множества источников в результате их тщательного штудирования: доводы древнегреческих и древнеримских философов в пользу самоубийства; доводы пред-романтиков эпохи "Бури и Натиска"[125]; доводы метафизические, эстетические, эротические, антэротические[126] и химические, доводы Эмпедокла из Агригента и Сан Хуана де ла Круса[127],— короче говоря, привел все возможные доводы за исключением истинных, каковые просто не существуют, по крайней мере для нужд беседы. Руби, придав-

---

[125] Примечания: 125

Эпоха "Бури и Натиска" конца XVIII века в немецкой интеллектуальной жизни, когда немецкая литература стремилась освободиться от влияния французских идей; названа так по драме Клингера "Sturm und Drang"; в этом движении, помимо прочих, участвовали молодой Гёте и Шиллер.

[126] Примечания: 126

Антэрос — в греческой мифологии бог, карающий за невостребованную любовь; противопоставлялся Эроту и вел с последним постоянную борьбу.

[127] Примечания: 127

Сан Хуан дела Крус (настоящее имя: Juan de Yepsis y Aəlvarez) (1542—1591) — испанский христианский мистик, вместе со Св.Терезой основал босоногий орден Кармелитов; канонизирован в 1726 г. папой

Бенедиктом XIII.

ленная таким обвалом доводов и аргументов в пользу самоубийства, вынуждена была признать, что намерение Белаква являлось не случайным порывом человека, не умеющего взвешивать свои поступки и действующего под влиянием момента, а замыслом отчаявшегося человека, все обдумавшего и устремленного к четко осознанной и даже благородной цели, и признав это, она перешла в состояние почти радостное. Руби, тоже чувствуя себя конченым человеком, воспринимала теперь намерение Белаквы как возможность красиво уйти, хлопнув дверью. И поэтому было достигнуто согласие по поводу того, как это лучше всего сделать, после чего были предприняты все необходимые меры, установлена дата — весною того же года — и выбрано место; свершение задуманного в Венеции в октябре было отвергнуто как трудноосуществимое. И вот роковой день пришел — Руби, сидя в позе Философа, Погруженного в Тяжкие Раздумья, настраивала себя на нужный лад, а Белаква в это же самое время жал на педаль газа шикарного спортивного автомобиля, взятого напрокат с почасовой, невероятно огромной оплатой, и мчался в Айриштаун.

И вел он машину так отчаянно, что вслед ему неслись возмущенные восклицания, порицания,

проклятия и крепкие выражения остальных участников дорожного движения; Белакве, у которого не имелось ни водительских прав, ни особых навыков вождения, даже в голову не приходило, что при такой езде он отнюдь не застрахован от происшествий, которые могут вовлечь совершенно посторонних людей. Пешеходы и велосипедисты, принадлежавшие к классам выше нижних, не ругались, а просто останавливались и осуждающе смотрели вслед. "Ох уже эти Джаггернаутовы[128] колесницы! — должно быть, восклицали некоторые из них,— вот уж новая напасть!" "Да, да, эти спортивные машины давят людей, что тараканов!" — возмущались другие. Те Стражи Порядка, мимо которых пронесся Белаква в нескольких точках города и окраин, записали номер его машины. На улице Пиерс Белаква снес одно колесо у древнего извозчичьего экипажа так же лихо, как Апостол Петр ухо Малху после

[128] Примечания: 128

Джаггернаут — в индийской мифологии одно из воплощений бога Вишну; в переносном смысле — безжалостная, неумолимая сила.

Моления о Чаше[129], но даже не остановился. На другой какой-то улице дети, одни игравшие в свои игры, а другие гонявшие мяч, разлетелись в разные стороны, как опавшие листья на ветру. Но когда Белаква подъехал к ужасному горбу Моста Виктория, он, напуганный собственным безрассудством и устрашенный крутизной подъема, остановил машину и, вылезя из нее, воззвал к какому-то милосердному прохожему, с помощью которого перекатил машину через мост, толкая ее сзади. Остальной путь он ехал не спеша и осторожно и безо всяких приключений прибыл в назначенное послеполуденное время к дому своей соучастницы.

Госпожа О'Крутых широко распахнула дверь. Она очень тепло поприветствовала Белакву, внимательно всматриваясь в его бледное лицо, в него всего, предававшегося, по слухам, разгулу и распутству.

— Рууу-бии! — пропела она призывно тоном

---

[129] Примечания: 129

...после Моления о Чаше — "В ночь перед арестом Иисус Христос, удалившись в уединенное место, молился: "Отче Праведный! И мир Тебя не познал; а Я познал Тебя, и они познали, что Ты послал Меня..." ...Сказав сие, Иисус вышел с учениками Своими за поток Кедрон, где был сад... Знал же это место и Иуда, предатель Его... Петр же, имея меч, извлек его и ударил первосвященнического раба, и отсек ему правое ухо; имя рабу было Малх. Но Иисус сказал Петру: вложи меч в ножны..." [Ев. от Иоанна, 17:25; 18:1; 18:10-11].

кукующей кукушки.— Рууу-бии! Рууу-биии!

А поменяет ли она когда-нибудь свой тон, вот в чем вопрос.

Руби, раскачиваясь и размахивая руками, скатилась вниз по лестнице; на нижней губе, в которую, как они ни старалась убедить их не делать этого, постоянно кусали пчелы, явственно виднелись следы ее собственных зубов.

— Надевай шляпку, накинь шаль, и поедем,— бесцеремонно приказал Белаква.

Госпожа О'Крутых в ужасе отшатнулась — она впервые в жизни слышала, чтобы кто-либо разговаривал с Руби таким тоном. А Руби спокойно накинула пальтишко, смиренная как овечка, и по ее виду совсем не было заметно, что такое обращение как-то ее покоробило. Госпоже О'Крутых тут же стало ясно, что ее никуда приглашать не будут.

— Разрешите предложить вам чай и что-нибудь еще подкрепиться,— обратилась она к Белакве ледяным тоном.— А потом поедете.

Она просто не могла обойтись без того, чтобы не похлопотать...

"В жизни своей не слыхала более нелепого предложения,— подумала Руби.— Подумать только: подкрепитесь, а потом поедете! Вот когда

— или точнее если — они вернутся, тогда им действительно понадобится подкрепиться".

— Мама, ничего не надо. Ты что не видишь, мы очень спешим,— попыталась смягчить Руби впечатление от Белаквова тона.

Белаква монотонно пробубнил, что он плотно пообедал в ресторане "Бейли". Но соврал он очень неубедительно.

— А разрешите полюбопытствовать, куда это вы так спешите? — спросила госпожа О'Крутых.

— Ну, куда-то,— воскликнула Руби.— Просто спешим, и все.

"В каком она, однако, странном настроении,— подумала госпожа О'Крутых.— Но до калитки проводить свою дочь ей никто не может запретить!"

— Интересно, а где вы взяли такую машину?

Если бы вы видели ту машину, то ничуть не удивились бы этому вопросу.

Белаква небрежно бросил название компании, в которой он взял эту машину напрокат.

— В самом деле? — для вежливости удивилась госпожа О'Крутых.

А господин О'Крутых в это время украдкой подобрался к окну и осторожно стал подглядывать в щель между занавесками. Всю жизнь он работал,

не покладая рук, и все для семьи, а для себя что? Позволил себе лишь простенький велосипед! На его синюшном лице появилось горькое выражение.

Белакве после многих неудачных попыток, нанесших немалый урон сцеплению машины, наконец удалось включиться в какую-то скорость — в какую именно, он не смог бы сказать наверняка,— и они отъехали с шиком, как в голливудском фильме. Госпожа О'Крутых прощально махала вслед рукой, но с таким же успехом она могла махать Лоту[130]. Неужто единственным ответом на ее напутственный жест был дымок из выхлопной трубы их машины? В ее ушах еще звучали какие-то странно насмешливые прощальные слова: "Мы вернемся, когда вернемся". Поднимаясь в доме вверх по лестнице, она повстречалась со спускавшимся по той же лестнице мужем. Они посторонились, пропуская друг друга, и продолжили движение каждый в своем направлении.

— Знаешь, в том молодом человеке есть чего-то

---

[130] Примечания: 130

...она могла махать Лоту — очевидно, аллюзия не столько на Лота, библейского персонажа книги Бытия, сколько на его жену, обратившуюся в соляной столп, когда она, спасаясь, неосторожно оглянулась; хотя, может быть, имеется в виду и нежелание Лота обращать внимание на серьезные события, возвещавшие грядущее возмездие городу Содому за грехи, там процветавшие.

такое, что мне очень не понравилось,— быстро проговорила госпожа О'Крутых в спину удаляющемуся мужу.

— Самонадеянный молокосос,— гаркнул вслед жене господин О'Крутых.

Расстояние между ними все увеличивалось.

— Руби вела себя очень странно,— крикнула вниз по лестнице госпожа О'Крутых

— Шлюха! — рявкнул господин О'Крутых, направляя звук вверх по лестнице.

Хоть он мог позволить себе купить всего лишь простенький велосипед, он тем не менее был человеком немногословным. "В этом вонючем мире,— думал он, направляясь к заветной бутылке,— есть кое-чего получше, да-да кое-чего получше, чем всякие там Синие Бороды".

А молокосос и шлюха катили в машине, храня гробовое молчание. Они ехали и не обменялись ни одним словом, пока не приехали к подножию какого-то высокого холма. Руби молча наблюдала за тем, как Белаква извлекает из багажника большую сумку, и вот тогда-то она решила, что пришло время нарушить молчание, которое и так слишком затянулось и стало просто неловким.

— Чем беременна,— спросила она,— твоя сумка?

— Сократом,— ответил Белаква,— его старым плащом и цикутой[131].

— Ладно, шуточки в сторону, что там у тебя в сумке?

Белаква стал перечислять, загибая пальцы:

— Револьвер, патроны, веронал, бутылка, стаканы и пояснительная записка.

Руби не смогла сдержать нервной дрожи:

— Какая еще записка? Ради Бога, скажи мне, что за записка?

— Ну, в которой говорится, что мы убежали,— пояснил Белаква, и, как она ни молила его, он не захотел добавить ни единого слова к этому непонятному пояснению. Написать и оставить записку решил он сам, и он гордился тем, что такая идея пришла ему в голову. Когда придет нужный момент, ей придется подписаться под ней тоже, хочет она того или нет. А пока он будет хранить содержание записки в тайне от Руби — пусть это будет для нее маленьким сюрпризиком.

Бекасы, куропатки, тетерева и Бог весть еще какие птички выскакивали прямо из-под ног

---

[131] Примечания: 131

...плащом и цикутой — смерть Сократа описана в одном из диалогов Платона — в "Федоне"; Сократ после философской беседы с друзьями в тюрьме, куда он был заточен по ложному навету, спокойно выпил принесенную ему прислужником чашу с ядом и, походив немного, завернулся в свой старый плащ, прилег и умер.

и взлетали над вереском быстролетными дымками, а число зайцев, спасающихся прыжками при приближении Белаквы и Руби, делало честь местному леснику, охраняющему дичь от браконьеров. Если, конечно, таковой имелся. Белаква и Руби все шли и шли сквозь вереск и кусты черники. Руби начала потеть. И тут им путь преградил высокий забор из проволочной сетки, опоясывающий холм.

— А зачем тут кругом понатыканы эти пучки? — спросила, тяжело отдуваясь Руби.

И действительно, в обе стороны от них, насколько хватал глаз, виднелись понатыканные в ячейки проволочной сетки фасции[132] папоротника. Белаква, пытаясь найти какое-нибудь пояснение, принялся ломать себе над этой загадкой мозги, однако довольно быстро вынужден был прекратить это бесплодное занятие и сдаться.

— Понятия не имею, зачем это сделано! — воскликнул он.

И в самом деле, было совершенно непонятно,

---

[132] Примечания: 132

Фасции — пучки прутьев, в которые втыкались обоюдоострые топоры ликторов, сопровождавших высших должностных лиц Древнего Рима; и прутья и топоры символизировали наказание — а когда-то и реально для него применялись,— к которому могли приговаривать провинившихся эти магистраты.

зачем кому-то понадобилось втыкать в забор из проволочной сетки пучки растений.

Сначала дамы. И Руби полезла через забор. Белаква, галантно оставаясь пока на месте рядом со своей сумкой, с удовольствием рассматривал открывающиеся ему во все большей степени ножки Руби. Ему раньше никогда не предоставлялась возможность обозревать нижние конечности Руби в такой полноте, и он пришел к выводу, что все те женские ножки, которые ему доводилось до тех пор видеть, существенно уступали ножкам Руби по красоте. После того как Руби одолела забор и оказалась по другую его сторону, перелез и Белаква, и они двинулись дальше вверх по холму. Вскоре их взору предстала, хотя пока еще и на весьма значительном расстоянии, вершина холма, увенчанная, как и положено в таком месте, сказочными руинами какой-то, судя по всему, весьма древней ирландской крепости.

Руби споткнулась и упала в траву лицом вниз. Белаква, несмотря на свою неуклюжесть и тучность, обладал сильными руками, которые пригодились ему в хлопотном деле поднимания Руби с земли.

— Не ушиблась? — участливо спросил Белаква.

— Эта дурацкая юбка! — в сердцах воскликнула

Руби,— Я все время путаюсь в ней!

— Ну, если юбка мешает — долой юбку! — предложил он.

Это предложение показалось Руби столь дельным, что она стала без колебаний претворять его в жизнь, да так энергично, что уже через пару мгновений юбка оказалась сброшенной. Нижней юбки Руби не носила. Белаква галантно предложил спрятать юбку в свою сумку, но она там не поместилась, и он перекинул ее через руку, а Руби, освобожденная от досадной помехи, решительно пошла на штурм вершины.

Белаква, который теперь взбирался вверх, двигаясь впереди Руби, а не позади нее, как раньше, проделав несколько шагов, вдруг остановился, хлопнул в ладоши и, повернувшись к Руби, объявил, что он понял наконец! Она даже не спросила его, что именно он понял, так как воспользовалась остановкой, чтобы немного отдышаться. Глядя на нее, стоящую по колени в вереске, он неожиданно с полной очевидностью понял, что она ему очень благодарна за предоставленную возможность передохнуть.

— Эти пучки растений привязывают к забору для того, чтобы их видели куропатки и тетерева,— пояснил Белаква.

Но Руби все равно не поняла, каково было назначение этих зеленых пучков, воткнутых в ячейки проволочного забора.

— Ну, чтоб птицы не тыкались в проволоку и не поранили себя. Ведь они могут эту проволочную сетку и не заметить.

А вот теперь она поняла. Но то спокойное безразличие, с которым она приняла разъяснения, почему-то огорчило Белакву. Возможно, она полагала, что обыкновенное предупреждение, написанное словами и прицепленное где-нибудь на видном месте, было бы более действенным, чем такая замечательно-изобретательная хитрость. Теперь, когда вереск доставал Руби уже до подвязок чулок, казалось, что с каждым шагом она все глубже погружается в зыбучий песок или в трясину. А может быть, у нее просто подкашиваются ноги и подгибаются коленки? "Духи холма,— шепталось в душе Белаквы,— поддержите меня в моей решимости".

Вокруг не было ни души. Собственно, они никого не видели с того самого момента, когда вылезли из машины у подножия холма.

Взобравшись на вершину, они первым делом стали восхищаться открывающимся видом; особого внимания удостоился порт Дан Леорэ,

который изумительным по своему совершенству образом обступался склонами Трех Скал и Килмашога; узкие полоски суши, уходящие в море и охватывающие с нескольких сторон гавань, напоминали руки, простертые с мольбой в морскую синеву. Доносилось пение молодых священников, расположившихся где-то среди деревьев на лесистом склоне холма. Белаква и Руби не только слышали их пение, но пошарив глазами, увидели дымок костра, возле которого эти монахи расположились. К западу, в долине, Белаква заметил рощу лиственниц, и у него на глаза навернулись слезы. Подняв несколько вверх взгляд этих своих своенравных органов зрения, самовольно источающих влагу, и пробежавшись ими по дальним склонам Гленду, пятнистым, словно шкура леопарда, он подумал о Синдж, и это его несколько приободрило. А вот район Виклоу, усеянный грудями холмов с обильными прыщиками кустов и деревьев, Белаква обозревать отказался, и Руби согласилась, что этого и в самом деле не стоит делать. Сам город и равнины, уходящие к северу, для Белаквы и Руби не представляли никакого интересу, особенно если учитывать то настроение, в котором они пребывали. Внутри руин древней крепости обнаружился человечий помет.

Они повалились в вереск одновременно, как марионетки, управляемые одной ниткой. Находились они уже с западной стороны холма. С этого момента и далее в их поведении стало наблюдаться нечто очень secco[133], нечто марионеточное, они вели себя, словно куклы из представления "Панч и Джуди"[134]; Руби все больше смахивала на похабную Марию Магдалину, а Белаква все больше походил на одного из персонажей "Жизни Блудницы".

Белаква все тянул время и не открывал сумку.

— Я все подумывал, не взять ли с собой проигрыватель и пластинку с записью "Павана" Равеля, но потом...— но что потом он сделал, Белаква не договорил.

— А потом ты передумал,— за него закончила мысль Руби. У нее, знаете ли, имелась весьма раздражающая привычка прерывать людей.

— Ну, да, в каком-то смысле,— пробормотал Белаква.— В твоем замечании есть, как обычно

---

[133] Примечания: 133

Сухое (итал.).

[134] Примечания: 134

"Панч и Джуди"— традиционное марионеточное представление, в котором карлик-горбун Панч с большим крючковатым носом постоянно ссорится и ругается со своей женой Джуди и совершает разные поступки, в том числе и трагические, но совершенно смехотворным образом; этот кукольный фарс попал из Италии в Англию еще в XVII веке, где был очень популярен, а позже — и в США.

бывает в подобных замечаниях, некий смутный намек на истину.

Обратите внимание на то, как человек такого литературного склада, как Белаква, превращает самую простую ремарку в нечто туманно неопределенное.

— Ото жаль,— как-то очень по-просторечному произнесла Руби,— Такая музыка могла бы сильно помочь...

О Счастливая Инфанта![135] Написана Веласкесом — и не нужно больше делать никаких нудных домашних заданий!

— Знаешь, если бы ты снова надела свою юбку,— чуть ли не исступленно прокричал Белак-ва,— мне было бы легче... ну, все проделать. Идти уже никуда дальше не нужно, юбка не будет путаться в ногах, а так это меня...

Да, как видим, положение, несомненно, несколько осложнилось, и самое незначительное обстоятельство могло, говоря фигурально,

---

[135] Примечания: 135

О Счастливая Инфанта! — какую именно Инфанту имеет в виду Беккет, сказать с полной определенностью нельзя, но скорее всего речь идет о дочери Филиппа IV Маргарите, которую Веласкес начал писать, когда этой очаровательной девочке было около трех лет; известно несколько портретов Инфанты Маргариты, сделанных в разном возрасте; Маргарита умерла, едва достигнув двадцатилетия; а Инфанта здесь появляется, надо думать, в связи с тем, что фортепьянная пьеса "Павана" имеет посвящение: "усопшей инфанте".

перевернуть повозку с яблоками, которые бы рассыпались так, что их уже не собрать.

Руби навострила уши. К чему этот призыв снова надеть юбку? Являлось ли это объявлением подготовки к задуманному действу? Если так, решила она, то на всякий случай она откажет ему в его просьбе.

— Мне удобнее без юбки,— заявила Руби.

Белаква, свирепо уставившись на лиственницы, некоторое время дулся и обиженно молчал.

— Ну, ладно,— ворчливо проговорил он наконец,— может быть, для начала чего-нибудь выпьем, а?

Руби поддержала это предложение. Белаква открыл сумку, при этом стараясь сделать так, чтобы она раскрылась как можно меньше, всунул в щель руку и, вытащив сначала бутылку, а потом и стаканы, мгновенно закрыл сумку.

— Выдержка пятнадцать лет,— горделиво объявил он.— Чтоб купить этот виски, пришлось занимать деньги.

Страшно подумать, сколько всего он задолжал и там и здесь, и за то и за это! Если он сейчас все не провернет, как задумано, то он может считать себя вконец разорившимся.

— Боже! — воскликнул он, отчаянно хлопая по

карманам,— я, кажется, забыл взять штопор.

— Подумаешь, проблема,— небрежно бросила Руби,— Отбей самую верхушку или отстрели бутылке горлышко, револьвер-то у тебя есть.

Но в конце концов штопор нашелся, как он обычно находится в подобных ситуациях, и некоторое время они молча пили виски маленькими глоточками.

— Трюк заключается в том,— с трудом выговорил Белаква, хватая воздух после излишне большого глотка крепкого виски,— чтобы, когда пьешь виски, знаешь, на спор, из горлышка, долго не отрываясь, нужно не вдыхать воздух. Такой есть шик в Дублинских барах. Вроде цивилизованное место, а дикости хватает.

Они выпили еще.

— Я так думаю,— сказала Руби,— мы выпили по четыре двойных порции, которые обычно подают в барах. Говорят, что в такой бутылке умещается восемь двойных порций.

Белаква высоко поднял бутылку, чтобы точнее оценить, сколько в ней осталось виски. По всей видимости, Руби, определяя вместимость бутылки, ошиблась.

— Ну, там, где четыре двойных, всегда есть место и для пятой,— изрек Белаква.

И они выпили еще.

— О Смерть и Жизнь! — прогорланил Белаква.— О дни, что сочтены!

Белаква завалился на сумку и, вырвав из ее внутренностей то, что он ранее называл "запиской", преподнес ее Руби для изучения. "Запиской" оказался старый автомобильный номерной знак, на котором белой краской было грубо написано:

ВРЕМЕННО НОРМАЛЕН

Цифры и буквы — ИК 6996 — номерного знака были не очень тщательно соскоблены и достаточно хорошо читались, так что получился палимпсест[136].

Руби, храбрая во хмелю, презрительно и громко фыркнула:

— Нет, это не пойдет, совсем никуда не годится.

Было большим разочарованием услышать такое. Бедный Белаква. Держа номерной знак на расстоянии вытянутой руки, он печально спросил:

— Так тебе не нравится?

---

[136] Примечания: 136

Палимпсест — лист пергамента, на котором проступает среди букв более старая надпись, ранее удаленная; толстая медная плита, на которой с одной стороны были когда-то вырезаны буквы, а затем с другой стороны вырезана новая надпись, особенно, если речь идет о надгробной плите.

— Плохо и непонятно,— вынесла Руби приговор.— Ну просто совершенно никуда не годится.

— Я не спрашиваю, как это написано, я спрашиваю, как тебе сама идея, ну то, что написано?

Никакой разницы между как и что Руби не видела.

— Если бы у меня была лопата,— сказала она,— я бы эту штуку закопала, и идею, и все вообще.

Белаква положил предмет, подвергшийся нападкам, лицевой стороной вниз в вереск. Теперь в сумке ничего не оставалось, кроме единицы огнестрельного оружия, боеприпасов и веронала.

День, а вместе с ним и свет начали умирать, и времени терять уже больше нельзя было.

— Ты хочешь быть застреленной или отравленной? — пьяным голосом спросил Белаква.— Если первое, то в какое место ты предпочитаешь:

в сердце? В висок? Ну, а если второе,— и Белаква сунул Руби свою сумку,— давай, действуй сама.

Руби вернула сумку Белакве.

— Заряжай,— отдала Руби распоряжение.

— Chevaliers d'industrie[137],— сообщил Белаква, вставляя в барабан патрон,— почти всегда в подобных случаях стреляются в голову. Вот и

---

[137] Примечания: 137
Проходимцы, мошенники, аферисты (фр.).

Крюгер подтвердил это правило.

— Так что, мы умрем не в один и тот же момент, а? — заплетающимся языком спросила Руби,— Или как?

— Увы,— вздохнул Белаква,— не получится сразу вдвоем. Но — и Белаква сделал широкий жест, держа револьвер в руке,— пройдет всего каких-то пару минут, и все. Что такое пару минут перед лицом вечности? Даже яйцо всмятку как следует не сваришь.

— И все же,— не унималась Руби,— было бы вроде как неплохо уйти сразу, одновременно вдвоем.

— Проблема того, кто первее, существует всегда,— провещал Белаква словно бы с амвона,— Например, она возникала и между папой Римским и Наполеоном[138].

— Папа этот — лужа блевотины, вот что я тебе скажу,— процитировала Руби,— он выхолостил

---

[138] Примечания: 138

...между папой Римским и Наполеоном — очевидно имеется в виду вот что: во времена Наполеоновского правления папой Римским был Пий VII (1742—1823, как папа: 1800—1823); ратифицировал Конкордат (восстановление всех прав католической церкви во Франции) с Францией, посетил Париж и в 1804 г. короновал Наполеона, но потом, став в оппозицию Наполеону, в течение нескольких лет (1809—1814) был его узником; между ними шел спор: кто "первее" — он как представитель высшей церковной власти или Наполеон как представитель высшей мирской.

ей душу...

— Подожди, может быть, ты не знаешь эту историю во всех деталях,— запротестовал Белаква, не сказав, однако, ничего по поводу непочтительного и к тому же совершенно неуместного замечания о папе.

— Не знаю,— подтвердила Руби,— и знать не желаю.

— Ну, в таком случае могу тебе сказать,— начал пояснять Белаква,— не вдаваясь в детали, что они решили проблему, так сказать, пространственным образом.

— Пространственным? Это как? А мы так не можем?

Кажется, где-то наблюдается утечка газа.

— Ну, мы,— бормотал Белаква,— вроде как близнецы...

— В смысле того, что сбились, так сказать, с пути, да? — презрительно ухмыльнулась Руби.

— В смысле того, что мы рабы песочных часов, мы подчиняемся диктату времени. Мы как в темнице, нам же некуда бежать, взявшись за руки.

— Можно подумать, что бежать можно только в одном направлении! — возмутилась Руби.

— Мы томимся в одной и той же темнице,— настаивал Белаква,— вот в чем наше главное

затруднение.

— Ну, ладно, я все равно не понимаю, к чему ты клонишь, ну и к тому же дам всегда пропускают вперед.

— Да, да, пожалуйста, я тебя пропускаю вперед,— галантно заявил Белаква.— И между прочим, я стреляю лучше тебя.

Однако Руби, вместо того чтобы подставить грудь или голову, чтобы ей поразили сердце или вышибли мозги, налила себе еще виски. А Белаква пришел в ярость.

— Разве мы, трах-тарарах,— возопил он,— не договорились обо всем? Мы же все обсудили несколько недель назад! Так или нет?

— Да, какое-то там соглашение,— пьяно хихикая, сказала Руби,— действительно было достигнуто.

— Ну, если так, то к чему все эти дурацкие разговорчики?

А Руби пила свой виски.

— Эй, подожди, оставь хоть немножко! — прорычал Белаква.— Мне самому, когда тебя уже не станет, виски очень понадобится!

Белакву охватило то неподдающееся описанию сложное чувство, в котором объединяются раздражение, гнев, разочарование с одной стороны

и огромное облегчение с другой; подобное чувство возникает у человека, которому предстоит сложная операция, но который узнает, что хирург отсутствует и неизвестно когда вернется. То была вспышка ценестезии[139], позволяющая все ощущать значительно острее. Белакве вдруг стало жарко. Эта сучка идет на попятную! Не хочет исполнять обещанное!

Хотя обычно виски ввергал Руби в звездно-мечтательное настроение, однако теперь он не произвел такого воздействия, что, вообще-то говоря, совсем неудивительно, если учитывать то, по какому поводу этот виски распивали. И тут, к ее величайшему изумлению, револьвер выстрелил, к счастью, не нанеся никому вреда, и пуля, пролетев положенное расстояние, упала in terram[140], никто не знает где именно. Но Руби целую минуту казалось, что она смертельно ранена. За хлопком выстрела последовало ужасное, потрясенное молчание, внутри которого встретились их взгляды.

— На курок нажал Перст Бога,— наконец про-

---

[139] Примечания: 139

Ценестезия — медицинский термин, означающий: общее чувство собственного тела.

[140] Примечания: 140

На землю (лат.).

шептал Белаква.

Кто даст оценку поведению Белаквы в тот страшный момент? Следует ли его осудить и признать такое поведение совершенно отвратительным и вызывающим лишь презрение? А может быть, существует вероятность того, что он просто хотел таким нелепым образом помочь молодой женщине выйти из крайне неловкого положения, в котором она оказалась? Было ли то проявлением такта, трусости или вдруг вспыхнувшей похоти? А может быть, простая случайность? Или Бог весть еще что? Однако мы излагаем здесь лишь факты и не берем на себя смелость дать им окончательную оценку или выявить их глубинное значение.

— Digitus Dei[141],— пробормотал Белаква,— на это раз вмешался...

Эти слова выдают его с головой. Вам так не кажется?

После того как прошел первый шок и неистовство молчания улеглось, в груди наших фелонов[142] вспыхнул пожар жизненной энергии,

---

[141] Примечания: 141

Перст Божий (лат.).

[142] Примечания: 142

Фелон — преступающий закон; совершающий нечто предосудительное и противозаконное.

взыграла их кровь, и они бросились друг на друга в неизбежном в такой момент плотском порыве. Со всем почтением к нашим героям, которым мы располагаем, мы упоминаем об этом вполголоса и на цыпочках отходим от того места, где они лежат в высоком вереске.

Вполне возможно, что Белаква в течение многих лет — и после смерти Руби и после того, как он сделался постаревшим оптимистом,— мог бы по праву хвалиться тем, что по крайней мере в тот раз — чего не было ни до того, ни после — он достиг того, к чему и стремился, car[143], если говорить словами того, кто имеет полное право благодаря своему гению высказаться по сходному поводу, I'Amour et la Mort — цезура[144] — n'est qu'une mesme chose[145].

Как бы то ни было, да будет ночь для них полна сладкой музыки.

---

[143] Примечания: 143
Ибо, потому что (фр.).

[144] Примечания: 144
Цезура — ритмическая пауза внутри стихотворной строки.

[145] Примечания: 145
Любовь и Смерть не что иное, как одно и то же (ФР).

ПРОГУЛКА

Одним знаменательным, прекрасным весенним вечером Белаква остановился посреди Пастбища Гэллопс, принадлежавшего когда-то покойному Босс Крокеру. На этом пастбище в прежние времена обычно паслись лошади, которых теперь нигде не было видно. Не было и Притти Полли, этой красивой и добросердечной кобылы, которую похоронили где-то поблизости. А остановился Белаква не столько для того, чтобы передохнуть, сколько для того, чтобы дать возможность красоте окружающего пейзажа наполнить все его существо. Бродить по тем местам, по ярко-зеленой муравушке, укрывающей все вокруг, в хорошую погоду было почти столь же приятно, как и ходить по скаковым кругам ипподрома в Шантийи[146] и поглядывать на Замок.

Белаква стоял, опираясь на палку, и сожалел о тех добрых старых временах, когда здесь, между Леопардстауном, расположенным там, внизу, у подножия холмов, и теми местами, которые

[146] Примечания: 146

Шантийи (Шантили) — город Франции, расположенный на северо-востоке от Парижа.

прозывались Две Скалы и Три Скалы, находившимися дальше к югу, паслись лошади, ибо они придавали пейзажу нечто такое особенное, чего не могли придать ему овцы и ягнята, во множестве бродившие вокруг. Казалось, каждую минуту в мир приходят все новые ягнята, трава была забрызгана алыми пятнами — следами, остающимися после их рождения; пели жаворонки; живые изгороди одевались новой листвой; солнышко, хотя уже и двигавшееся к закату, все еще ярко светило, небо было цвета плаща Марии[147], маргаритки расположились на своих местах, где им и положено, все, в общем, было в порядке. Не хватало лишь кукушки. Стоял один из таких Весенних Вечеров, когда представляется весьма сложным, предаваясь размышлениям, не думать о Боге.

Белаква всем тем своим весом, который не распределялся на ноги, опирался на палку и обозревал окрестности в некоторой степени невидящим, но влюбленным взглядом, а его собака Керри-Голубка сидела рядом на изумрудной траве. Собака была уже старой и вряд ли пригодной для охоты. У нее еще хватило бы сил,

[147] Примечания: 147

Плащ Божьей Матери Девы Марии традиционно изображался синего цвета особой насыщенности.

чтобы загнать кошку на дерево, но на большее она не смогла бы сподвигнуться. И она спокойно сидела рядом с Белаквой, прекрасно зная, что в тех местах не было никаких кошек, и вполне равнодушно относясь к тому, что будет происходить дальше. Хотя, надо признать, блеяние ягнят ее несколько будоражило.

"Боже,— думал Белаква,— наверное, я уже прожил свои лучшие времена, уже качусь вниз, раз стал предпочитать эту пору года Осени..."

Мысль сия, высветившая с полной ясностью рубеж жизни, достигнутый Белаквой, поразила его, но не до такой степени, что он не был бы в состоянии двинуться с того места, где стоял. Да, он уже оставил позади наихудшее из наилучшего, что дается человеку в жизни, но ничего особо ужасного в этом нет, скорее даже наоборот. Можно надеяться, что по прошествии некоторого времени он, пройдя следующий жизненный этап, будет ковылять, по-старчески едва переставляя ноги, по своему саду камней, устроенному на японский манер, со слезами счастья на глазах. Доказательством — если, конечно, нужны какие-то доказательства — того, что мысль об ушедшей молодости с ее глупостями отнюдь не огорчила Белакву, пригвоздив его к месту, а подняла на-

строение чуть ли не до восторженности, может служить то обстоятельство, что он, освободив палку от той части своего веса, которую он на нее возложил, преспокойно двинулся дальше. А вот мысль о старческой беспомощности, немощности и покинутости действительно обычно ввергала его в крайне мрачное настроение — когда она его посещала, он чувствовал себя кораблем, вышвырнутым бурей на берег, лишенным какой бы то ни было возможности даже шевельнуться. Белаквова сучка плелась за ним; ей было жарко и скучно.

Медленно он поднял голову и устремил свой взгляд вдаль, туда, где находилась роща, к которой он направлялся. Ее обычно называли "Тома"; она, словно гребень, украшала вершину полого холма. Именно там у него была назначена встреча, но встреча только в том смысле, в котором, скажем, рыбак, назначает встречу с рыбкой в речке. Белаква так часто посещал эту рощу, что знал в ней все закоулки, но не знал названий пород деревьев, там растущих. Нет, некоторые породы он легко узнавал: сосну, ель. Наверное, смог бы определить дуб, может быть, вяз, однако вряд ли он смог бы сказать, какое именно дерево перед ним. Он, выросший, можно сказать, за городом,

не мог отличить дуб от вяза! А вот лиственницу он знал хорошо просто потому, что часто взбирался на лиственницы еще в те времена, когда был маленьким толстым мальчиком. И вот теперь его взгляд остановился на группке лиственниц, очень трогательного светло-зеленого цвета, расположившихся на склоне холма. Воздействие на него вида этих лиственниц, одновременно мучительно-теребящее и ласково-успокаивающее, оказалось необыкновенно сильным. Белаква шел, не останавливаясь.

Вот если бы его жена, думал он, завела бы себе какого-нибудь чичисбея[148], как все было бы замечательно. Она знала, как сильно он ее любит, а вот чичисбея заводить отказывалась. Белаква пока был всего лишь помолвлен, но думал о своей невесте уже как о жене — было бы, кстати, неплохо, если бы подобное отношение усвоили себе все молодые люди, собирающиеся произвести в жизни серьезную перемену матримониального характера. Белаква постоянно твердил своей невесте, что им следует строить жизнь на солидном основании супружеской измены. Она понимала суть его предложений, высоко оцени-

[148] Примечания: 148

Чичисбей — постоянный спутник замужней женщины; дамский угодник; в более широком смысле — любовник.

вала те чувства, которые им двигали, признавала, что доводы его убедительны и логичны, однако не хотела — или не могла — заставить себя принять ту линию поведения, которая привела бы к результату, желаемому Белаквой. Он был совсем не дурен собой, его можно было бы даже назвать кретиническим Томом Джонсом[149]. О, она убьет в нем какую бы то ни было любовь к себе своими выходками еще до того, как зазвонят колокола в день венчания, и на этом все проблемы разрешатся сами собою.

Размышляя над этими и другими сходными жизненными затруднениями, Белаква добрался наконец до южной оконечности Пастбищ Гэллопс и до проселочной дорога, которую нужно было пересечь, чтобы попасть в следующую вереницу полей. Кругом — широкая вольница пажитей зеленых, и запрещающие ряды зеленеющих живых изгородей, и темные полосы канав, и благословенная мурава, усыпанная маргаритками, и среди всего этого — дорога, как извивающийся рубец, как полоса от удара невероятных размеров плетью; ему несколько раз придется пересекать эти жестокие полосы, прежде чем он доберется до

[149] Примечания: 149
Том Джонс — герой романа Филдинга (XVIII век).

своего леска лиственниц. Путь преградила невысокая стена, но она оказалась слишком высокой для Белаквовой сучки, достигшей уже солидного возраста, и ему пришлось помочь ей перебраться через степу мощным толчком в ее заднюю часть. Если бы он дал себе труд остановиться и подумать, то наверняка бы пришел к выводу, что перекидывание через стену собаки, ставшей уже немощной, доставило ему удовольствие, но он не остановился и не проанализировал свои чувства — он просто быстро, без особых затруднений перелез через препятствие, возникшее на пути, подумав при этом: как все-таки замечательно быть еще не старым и полным энергии.

В придорожной канаве с другой стороны дороги располагался весьма странного вида экипаж: то была древняя повозка с большими колесами, обвешанная тряпьем и лохмотьями. Судя по всему, повозка эта не свалилась в канаву, а была поставлена туда так, чтобы не мешать возможному движению по дороге. Белаква оглянулся по сторонам, ища глазами то животное, которое должно было притащить эту повозку — ведь не свалилась же она, в самом деле, с неба! Но ничего такого, что хотя бы отдаленно напоминало тягловое животное, нигде не наблюдалось; не

видно было даже ни единой коровы! А вот под повозкой сидел совершеннейший оборванец, погруженный в какое-то занятие, но Белакве пока не было видно, в какое. Лучи заходящего солнца освещали эту сцену так, словно бы радовались новорожденному агнцу. Белаква, быстрым оком окинув неприглядную повозку и бродягу под ней, испытал — о несчастный буржуа! — острейший приступ стыда за свое откормленное чрево. Сучка Керри очень осторожно подступила поближе к повозке и обнюхала лохмотья. Подошла еще ближе.

— П-шла вон! — вдруг рявкнул бродяга.

Только теперь Белаква рассмотрел наконец, чем же занимался этот оборванец. Он чинил какую-то кастрюльку. В раздражении, что не получается как надо, он колотил своим инструментом по безвинному сосуду.

— Штаны мне все обосцала,— сказал бродяга кротко.— Я и то в штаны не делаю. Но чего уж, не впервой.

Как это она успела нагадить на его штаны!

Белаквова собака нарушила право этого че-

ловека на уединение[150], которое, как полагал Белаква, являлось неотторжимым человеческим правом, высочайшей прерогативой Христианина! Какой ужас! Но бродягу это нарушение его наивысочайшей прерогативы отнюдь не рассердило, и в голосе его совершенно не слышалось ни обиды, ни злобы, ни возмущения. А вот Белаква был смущен до крайности.

— Добрый вечер! — пропищал он, трясясь мелкой дрожью от ужаса,— Не правда ли, прекрасный вечерок, а?

Улыбка, которая является самым надежным доказательством отсутствия злобных чувств и неприязни, преобразила печальное лицо человека, сидящего под повозкой. Оказалось, что оно исключительно красиво, это лицо, и в немалой

---

[150] Примечания: 150

...право этого человека на уединение — Беккет употребляет простенькое английское слово "privacy", но в нем заключено очень большое культурнопсихологическое содержание; по поводу этого слова можно было бы написать небольшой трактат о психо-культурных различиях носителей английского и русского языков; "privacy" — это не просто "уединенность", а нахождение в некоем личностном поле, границы которого другим не позволено преступать; это скорее "отъединенность от других", "пребывание в самом себе"; не обязательно для этого удаляться на одинокую скалу у моря или в тишь своего кабинета — можно это поле, это состояние создавать и в толпе, и в общественном транспорте; англосаксонская толпа никогда — за исключением катастрофических случаев — не бывает слишком плотной, в ней можно свободно ходить, а славянская толпа толкается и мнет бока; для нас ничего не стоит толкнуть впереди идущего в спину просто оттого, что мы спешим, а идущий впереди "мешает"; здесь проявляется наиглубиннейшее

чувство западной индивидуальности и славянской коллективности, которая вовсе не исключает мелкого эгоизма, а наоборот, его выпестовывает; в "индивидуалистской" среде взаимопомощь развита значительно больше, чем в "коллективистских" сообществах, где помощь оказывается "всем коллективом"; вот сколько всего стоит за малым словом.

степени благодаря черным, хоть и давно нечесаным, лохматым волосам и шикарным усам.

— Ну, ничего, нормально,— сказал бродяга.

После такого ответа дальнейшая беседа становилась невозможной, а вопрос о каком-то возмещении или извинениях отпал сам собой. Инстинктивное благородство этого великолепного создания, сидящего ввечеру под повозкой и наслаждающегося прелестями приватной жизни, ее радостями и печалями, было не благоприобретенным, а врожденным качеством (возможно, когда-нибудь Белакве, если бы ему повезло, удалось бы обрести подобное же благородство), и ему не нужны были все эти условности и выверты напускной вежливости. Белаква произвел неопределенный взмах своей палкой и двинулся дальше по дороге, навсегда уходя из жизни этого подповозочного бродячего лудильщика, этого настоящего человека, которого наконец-то встретил Белаква.

Но не успел он отойти на приличное расстояние, не успел даже свернуть в поле, как услыхал позади себя призывные крики и дробный перестук копыт. Повернувшись, он увидел — кого бы вы думали? — свою дражайшую Люси, свою нареченную, скачущую на великолепном скакуне.

Она ураганом пронеслась мимо Белаквы, потом, натянув поводья, осадила коня и совершила головокружительный караколь[151]. После того как ее конь немного успокоился, а сама Люси немного отдышалась, она объяснила удивленному и, если говорить правду, слегка раздосадованному ее появлением Белакве, как она оказалась на той дороге и как она отыскала Белакву.

— Я заезжала к тебе, а мне сказали, что ты куда-то ушел...

Белаква поглаживал морду коня, бродя рукой по мягким челюстям. Бедное животное, его гнали так, что оно теперь все в мыле. Оно глядело на Белакву глазом с очень белым белком. Да, оно будет терпеть эти непрошеные фамильярности со стороны человека — такова уж у него планида: быть в рабстве у людей,— но оно надеялось на то, что прежде чем умрет, все-таки сможет крепко укусить человека.

— Ну вот, тебя не было дома, я не знала, что мне делать, и что ты думаешь, я сделала?

Белаква просто не мог представить себе, что же можно сделать в подобной ситуации, кроме того как попытаться не расстраиваться по такому,

---

[151] Примечания: 151
Караколь — круговой поворот лошади с всадником.

прямо скажем, не очень значительному поводу и отправляться по своим делам.

— Нет, я сделала иначе: я взяла бинокль, забралась на крышу дома и, как верная подруга, стала изображать из себя сестрицу Анну[152].

— Залезла на крышу? Не может быть! — воскликнул Белаква. Ему было очень приятно узнать о такой напористости Люси, проявленной в поисках его, Белаквы.

— Очень даже может быть. И в конце концов я тебя высмотрела. Я увидела тебя, одиноко бродящим по Пастбищам Гэллопс.

Ну просто очаровательно? Белаква прижался к ноге Люси, которая все еще сидела на коне.

— Милый,— проворковала Люси.

— Однако,— тихо приговаривал он,— однако это ж надо было додуматься, замечательно...

— А потом я понеслась по дороге, которая ведет к Гэллопс...— Люси задохнулась, восторгаясь своей собственной находчивостью и настойчивостью.— Ну, вот я и здесь, с тобой!

Как она мчалась! Как уверенно она выбирала

---

[152] Примечания: 152

Сестрица Анна — в переносном значении: верная, преданная подруга; сестра Анна — персонаж из сказки французского писателя XVIII века Шарля Перро "Синяя Борода"; Анна поджидала на башне братьев, чтобы спасти сестру, жену Синей Бороды.

дорогу! Как умело срезала углы! Почти так же волнующе, как в кино, когда гонятся за уходящим поездом! Белаква поцеловал Люси в колено.

— Браво!

Подумать только — вот перед ним женщина, которой так приспичило его увидеть и с ним пообщаться! Разве можно не умилиться?!

И лицом, и фигурой Люси была обворожительна, и как человек она была почти само совершенство. Вот возьмите для примера хотя бы несколько ее черт: она была черноволоса как гагат[153], ее бледность не менялась ни при каких обстоятельствах; ее довольно коротко постриженные волосы вороньим крылом укрывали ей голову; ее лоб формой напоминал веерообразное окно над дверью, спроектированное блестящим архитектором. Но было бы пустой тратой времени перечислять все части ее тела и описывать их. Достаточно будет сказать, что эта молодая женщина была без какого-либо изъяна — само совершенство. Однако мы все же просто должны упомянуть о том, что ее тело — которому, увы, как и всякой человеческой плоти, суждено увянуть,— что ее нижние конечности, от того места, где они

---

[153] Примечания: 153
Гагат — черный янтарь.

начинались и до самых кончиков пальцев, где они заканчивались, были столь безупречны, что даже человеческие тела, изображенные Синьорелли[154], кое в чем ей бы уступили. И добавим еще, что все очарование ее ног и бедер можно было оценить по достоинству, даже несмотря на ее бриджи для верховой езды. Что еще можно было бы сказать о женских ножках, включая бедра? А может быть, это все просто нелепо и смехотворно?

А Белаква меж тем, после того как улеглись первые восторги, вызванные ее неожиданным появлением и рассказом о том, как она его высмотрела издалека, стал задаваться вопросом, пока не произнося его вслух: а какого, собственно, черта ей от него нужно? Но судя по всему, ей ничего конкретного не было нужно, и на его осторожный вопрос она ответила, что ей просто хотелось побыть рядом с ним. Что, несомненно, не соответствовало истине — ей хотелось кой-чего, совершенно конкретного. Однако мы умолчим, чего именно.

---

[154] Примечания: 154

Лука Синьорелли (1441 — 1523) — итальянский художник эпохи Возрождения; особо известен тем, что один из первых стал вводить обнаженные человеческие фигуры в картины и фрески, им создаваемые, причем фигуры отвечали античным и в значительной степени нынешним канонам красоты человеческого тела.

— Послушай, моя дорогая Люси,— собравшись с духом произнес Белаква,— я знаю, что ты... что ты не будешь против, если сегодняшний вечер я проведу...— Белаква запнулся, подыскивая нужные слова, которые под внешней ласковостью скрывали бы жесткие факты: — ...проведу со своей Funklein[155].

Люси, судя по выражению ее лица, была явно огорчена и раздосадована этими словами Белаквы. Он, как ящерица, все время от нее убегает! Похоже, избегать ее уже вошло у него в привычку. Если он в ближайшее же время не изменит своего поведения, то какой ей от него прок?

— Понимаешь, меня замучил приступ кашля,— пожаловался он, а потом стал извиняться.— Ну, а из-за этого препаршивейшее настроение. Надеюсь, с Божьей помощью все скоро пройдет, но пока я не гожусь для общения ни с кем, особенно с такой миловидной женщиной, как моя Люси.

По отношению к Люси эпитет "миловидный" был явно недостаточен (в этом был какой-то от-

---

[155] Примечания: 155
Искорка (нем.).

голосок поэзии Нобелевского лауреата Йетса[156]) — она, как мы сказали, была просто красавица, с иссиня-черными волосами, бледным, застывшим в мраморном совершенстве лицом, с плотной, гибкой коленкой, твердой, изумительной формы грудью, которая, придется нам походя заметить, слегка вспотела под черной кофточкой.

Теперь был ее черед высказаться.

— Неужели ты воображаешь,— вопросила Люси,— что мне нужно твое общество, от которого в данный момент столько же проку, сколько от и так уже никому не нужной перочистки! Пусть засыхают в ручке чернила, пусть — если выразиться несколько по-иному — вино вычищает осадки!

Белаква, выслушав этот выпад, заговорил и сказал именно то, что, как полагала Люси, он рано или поздно скажет, и вынудить его к этому высказыванию можно было, просто выдерживая с ним нужный тон в течение достаточно долгого времени.

— Я, видишь ли, отправился на прогулку именно для того, чтобы разогнать сплин.

---

[156] Примечания: 156

Уильям Батлер Йетс (1865—1939)— ирландский поэт, один из крупнейших англоязычных поэтов первой половины XX века; Нобелевский лауреат по литературе 1939 г.

— Разогнать сплин? — воскликнула Люси. Ее уже так утомили его унылые настроения.

— Ну да, я же тебе объясняю,— бормотал Белаква,— меня охватил сильнейший приступ хандры, моей извечной подруги, пособницы дьявола, вот я и отправился в одинокую прогулку, чтобы развеяться.

Белаква водил пальцем, который напоминал раковину ископаемого белемнита, называемого часто "перстом дьявола", по шкуре коня и мучительно размышлял над тем, как же высказаться таким образом, чтобы его поняли и не обиделись.

— Меня охватила черная тоска — это, как ты знаешь, со мной бывает,— и я решил, что лучше всего мне будет отправиться вон в тот лесок. Я надеялся, что такая прогулка даст мне немного sursum corda[157],— выдавил наконец из себя Белаква с достаточной убежденностью, но с несчастным видом.

Представлять свое решение отправиться в лес через пастбища как спонтанное также являлось

---

[157] Примечания: 157

Воспрянь сердцем (лат.); в римско-католической службе (и в англиканской) — антифон (ектенья), призывает верующих соединяться в восславлении Господа; в переносном значении — нечто, что побуждает к душевному подъему, возвышает сознание, улучшает настроение.

отклонением от истины, ибо он мечтал о прогулке в лес с самого утра.

— Corda — это хорошо,— мечтательно проговорила Люси.

Как только она с одной из своих быстрых, ладных улыбок произнесла эти слова, ее вдруг поразило неожиданное прозрение, и она поняла, что же в действительности представляет собой Белаква — и то, что она разглядела в Белакве, было очень похоже на его истинную сущность и поразило столь сильно, что она чуть не выпала из седла. Но она очень быстро пришла в себя, а Белаква, который теребил пальцами уздечку и тем самым, сам того не подозревая, заигрывал с большими неприятностями, ничего и не заметил.

— Я знаю,— проговорил он печально,— ты не веришь, что можно впадать в такие состояния, которые излечиваются простой прогулкой. Женщины, как правило, считают, что все это глупости. Но если ты не доверяешь мне уже сейчас, то что же будет...

Белаква умолк, и стало ясно, даже коню, что он зашел слишком далеко.

А что же поделывала сучка Керри все это время? Она сидела в придорожной канаве и прислушивалась.

Солнечные лучи падали так, что, казалось, солнце заходит на юге, а не на западе — Люси на коне и стоящий рядом Белаква уже полностью погрузились в тень, падающую от высокой живой изгороди, располагавшейся слева от Люси, а Пастбища Гэллопс, тянувшиеся с правой от нее стороны, все еще были озарены солнечным светом. Хотя жаворонки уже улеглись спать, а грачи собирались последовать их примеру, общий фон шума, стоявшего над пастбищами, отнюдь не уменьшился, ибо ягнята блеяли тем громче, чем ниже опускалось солнце, а вдалеке, в подкрадывающихся сумерках стали брехать собаки. А вот кукушка по-прежнему молчала. Белаква подошел к придорожной канаве, в которой сидела его собака, конь закрыл глаза и низко опустил голову, Люси совершенно неподвижно сидела в седле и смотрела прямо перед собою, явно ничего не видящим взором, и все они, казалось, к чему-то прислушивались: женщина, сука, конь и мужчина. Бродяга мог бы их видеть, если бы захотел, между спицами высокого колеса повозки — для этого ему надо было бы наклонить голову в нужное положение, но даже если бы он это сделал, то все равно не увидел бы их всех сразу, внутри одного сегмента колеса между двумя

ближайшими друг к другу спицами, потому что они находились слишком далеко от него.

Люси, решившая проверить, насколько верно ее ужасное предположение, очень скоро так пристыдила своего возлюбленного, что он пошел на попятную и принял ее условия, ибо он был, как воск, в ее руках всегда, когда дело касалось свершения какого-либо действия. Было договорено, что они встретятся у калитки забора, который вился вдоль дороги, отгораживая ее от леса, причем Белаква пойдет напрямик, а она поедет по дороге кружным путем, ибо совершенно исключалась возможность того, чтобы заставлять коня прыгать через все эти высокие изгороди, стены и насыпи, которые встречались чуть ли не на каждом шагу. Какая злая судьба воспретила им встретиться там, где они условились? Их маленькая группа, состоявшая из Белаквы и Люси на коне, распалась, и они двинулись в путь, каждый своей дорогой, а бродяга, глянувший в их сторону между спицами колеса своей повозки, увидел лишь пустую дорогу, отороченную с двух сторон зеленью.

Люси, мерно покачиваясь в седле, вела коня уверенной рысью. Мы можем здесь упомянуть о том, что обычно езда аллюром, который рас-

качивал ее в седле, веселила и возбуждала ее, но теперь этого не произошло, настолько сильно была она ошеломлена своим неожиданным прозрением, открывшим ей истинную сущность Белаквы, этого человека, который был приговорен судьбой стать ее супругом, компаньоном в путешествии по жизни. Если ее страшное прозрение открыло ей действительную картину, то сердце ее разбито, не говоря уже о ее помолвке. Но все же неужто то, что ей открылось, правда? Он из такой хорошей семьи, он так честен во всем — это она знает наверняка,— он столь духовен, учился в университете, так неужели он и в самом деле может быть таким гадким и противным, как ей вдруг увиделось? И совершенно непонятно, как она могла быть столь ослеплена своей любовью к этому человеку, что не видела его сущности раньше! А любовь эта, которой уже больше года, вспыхнула в каком-то болезненным порыве, когда они повстречались в Palais de Danse[158], усиливалась с каждым днем и достигла накала какой-то болезненной страсти. А теперь она вынуждена была признать, что ее ужасное осмысление Белаквовой сути, озарившее ее так

[158] Примечания: 158

"Дворец Танца" (фр.) — обычно такие шикарные названия давались не очень респектабельным танцплощадкам.

неожиданно, являлось прекрасным ключом к пониманию многих сторон его личности, которые ранее она никак не могла постичь: например, этот его детский лепет о том, что с ним она должна жить лишь духовно — жить так, как слушают духовную музыку,— а с кем-то другим телесно; все эти его перепевы насчет sursum corda, особых "личных состояний", недоступных пониманию женщины; все эти его выходки, случавшиеся еще на заре их романа, когда он вдруг оставлял ее одну и отправлялся бродить по песчаным дюнам, и происходило это вплоть до самого последнего времени, накануне бракосочетания, времени, о котором — как бы ни развивались события дальше — она всегда будет вспоминать, как о той поре, когда ее чувства оказались удушенными в сосновом лесу.

А в это самое время одна хорошенькая молоденькая немка со словами "wie heimlich!"[159] опустилась в этом леске на землю на подстилку из сосновых иголок рядышком со своим

---

[159] Примечания: 159
Как уютно! (нем.).

Tanzherr'ом[160], с которым она отплясывала в Гарольдовом "Кроссе".

Дорога, извиваясь, взбиралась вверх по склону холма меж изгородями красного боярышника. Люси, которой хотелось прибыть на назначенное место первой, вела коня рысью, пришпоривая его коленями и координируя свои подскакивания в седле таким образом, чтобы сохранялся нужный ритм сложного движения. Однако при этом она была так захвачена своими тяжкими размышлениями, что совершенно не обращала внимания на то, что ее окружает, и вдоль дороги могли бы тянуться самые невзрачные изгороди, а не цветущий боярышник, который выглядел особо красиво в последних лучах заходящего солнца, создающих восхитительную игру теней

---

[160] Примечания: 160

Tanzherr — надо думать, это нечто вроде "партнера по танцам"; в оригинале имеем "Harold's Cross Tanzherr", что может расшифровываться по-разному, и мы никоим образом не утверждаем, что наша интерпретация верна; как это столь часто бывает у Беккета, ситуация затруднительная; идет ли речь о "случайных" немцах, "случайно" оказавшихся после танцев на какой-то местной танцплощадке в лесу под Дублином, или о немцах из немецкой общины Дублина, нам не рассказывается; в романе эта немецкая парочка появляется первый и последний раз; нет даже полной уверенности в том, что "Tanzherr" — это не фамилия, а "партнер по танцам"; а уж по поводу того, что же такое "Harold's Cross", можно строить самые невероятные и вероятные предположения, вплоть до того, что это может быть какая-то награда "Крест Гарольда" (т.е. Танцхерр, награжденный этим самым крестом; ранее Беккет упоминает о "Nobel Yeats", то есть о "Нобелевском Йетсе", так что по этой же аналогии может быть и "Гарольд-Крестовый

Танцхерр"); а может быть, речь идет о танцоре с танцплощадки под названием "Харольд'с Кросс".

— но все эти красоты оставались незамеченными прекрасной всадницей, погруженной в грустные мысли. Не замечала она и того леса, виновника всех злоключений, который уже вставал перед нею и на опушке которого деревья росли столь плотно, что опушка казалась деревянным забором. Однако чем ближе она подъезжала, тем явственнее частокол этот разъединялся на отдельные деревья, меж которыми проглядывали таинственные глубины леса. Не замечала она и вьющейся тонкой и высокой струйки дыма, который то слегка расползался, то слегка ужимался, подчиняясь какому-то особому ритму, подобному тому, что присутствует в немецкой сентиментальной песне. Дымок этот, призрачно колеблющийся на темно-зеленом фоне сосен, мог бы быть воспринят как некое знамение.

Белаква все это подмечал и видел все признаки весны, заметные и по отдельным деревьям, и по лесу в целом, и по боярышнику в цвету, и по мертвым ягнятам, лежащим у изгородей. И струйка дыма тоже возвещала весну. А почему бы ему, собственно, всего этого не замечать? Ведь он не пребывал в состоянии душевного хаоса, в котором обреталась Люси. Бедная девочка! Она вокруг, себя ничего не замечала, ибо она была

целиком поглощена лишь тем, как бы изгнать из головы ту мысль, которая глодала ее с того самого момента, когда она так неосторожно бросила: "Corda — это хорошо!" И чем больше она прилагала усилий, тем сильнее мысль это оттесняла в сторону все остальные мысли. Низвержением ее кроткого Белаквы с положения человека, которого она еще так недавно любила со всеми его недостатками и непредсказуемыми выходками, до положения! человека, которого иначе как пошлым предате лем не назовешь, нельзя было пренебрегать хотя бы уже потому, что для девушки ее душевного склада такое ниспровержение оказалось тяжким шоком, поразившим все нежное устройство ее чувств. Два Белаквы: один — тот прежний и так мило загадочный, другой — тот нынешний и гадкий хам, вели меж собою жестокую битву в ее душе. Кто-то из них победит, и ей придется сделать свой выбор, причем еще до того, как она отправится спать, хотя как подступиться к осуществлению этого выбора, она не знала и оттого пребывала в полной растерянности. Лишь в одном она была уверена — решение следует принимать сс-годня же, и придет оно к ней скорее всего само собою. Какую бы неприязнь окончательное осознание истины не породило в

ней, не лучше ли обрести уверенность, чем потом горько жалеть?

А время шло своим ходом, и теперь можно было с полным правом сказать, что стали опускаться сумерки.

Шикарный лимузин, двигавшийся почти бесшумно — наверняка какой-нибудь "деймлер" или "ролс-ройс",— за рулем которого сидел член Палаты Лордов в состоянии сильного алкогольного опьянения — когда-то говаривали в Англии: "был пьян как лорд", а в России подобное же состояние определялось как: "пьян как сапожник",— неожиданно выскочил из-за поворота узкой дороги и, не просигналив и не включив фар, врезался в sternum, то бишь в грудину коня. Последствия оказались ужасны. Конь встал на дыбы и на мгновение замер в позе, называемой в геральдике rampant, а Люси скатилась с крупа вниз и с огромной силой ударилась о землю сначала нижней частью позвоночника, а потом и черепом. К этому двойному удару прибавился вес упавшего на нее коня, а лимузин взлетел передними колесами на то, что осталось от коня, который, кстати, тут же, в сгущающихся сумерках испустил дух, sans

jeter un cri[161]. Люси, однако, повезло меньше, и она до конца жизни оставалась обезображенной калекой, утерявшей всю свою красоту.

А теперь вернемся к Белакве — пришла и его очередь.

Он прибыл к назначенному месту свидания, полагая, что Люси уже его там дожидается, ведь она как-никак скакала верхом, а он двигался пешком, на своих двоих, да по пути останавливался, шел медленно, созерцая красоты угасающего дня. Добравшись куда следует, Белаква, ожидая появления Люси, уселся на траву. Темнело, а она все не появлялась, и мы знаем, почему.

— Трах-тарарах! — вскричал он наконец, обращаясь к сучке Керри.— Она что, думает я буду торчать здесь, ожидая ее, всю ночь?

Белаква дал Люси еще пять минут на то, чтобы объявиться, по прошествии которых поднялся с земли и пошел по склону холма вверх и вскоре добрался до опушки леса. Там он остановился и прочесал взглядом своих слабых глаз все открывающееся ему пространство, заливаемое наступающей мглой. Подобно тому, как Люси некоторое время до того стояла на крыше дома

---

[161] Примечания: 161
Не издав и стона (фр).

и выискивала его бинокулярным жадным взглядом среди холмов и пастбищ — и таки нашла его! — так и Белаква теперь, стоя на холме на опушке леса, высматривал Люси, с той существенной разницей, однако, что делал он это со значительно меньшим стремлением ее заприметить, и когда Люси нигде не обнаружилась, то Белаква даже испытал облегчение, а не огорчение. Он быстро потерял интерес к своему занятию и вскоре вообще перестал ее высматривать и предался разглядыванию неясно открывающихся ему сквозь полумрак видов.

И тут он услышал, как вдалеке пулеметной очередью крекс-крекс-крекс-крекс-крекс-крекс-крекс протарахтел коростель, первый коростель, которого ему довелось услышать той весной. И звуки эти вызвали в нем душевную боль. А заныла душа оттого, что вот кукушки он-то как раз и не слышал. Белакву охватило колючее ощущение, что каким-то образом нарушен правильный порядок вещей, раз возможно такое, что вот человек прислушивается, день за днем вслушивается в надежде уловить кукование кукушки, а потом вдруг раз — и вместо кукушки слышит коростеля! Ему почему-то было отказано в том, чтобы усладиться бархатистой терцией кукушки

с ее скрытым обещанием счастья, а вместо этого было предложено тарахтенье коростеля с его мрачным, предсмертным настроением. Хорошо еще, что Белаква не верил во всякие зловещие предзнаменования. Он привязал сучку Керри за поводок к дереву, задействовал то, что он называл своим "теменным глазом", и углубился в лес.

Белаква, потратив много времени в напрасном ожидании Люси, вступал под своды леса значительно позднее обычного. Он побродил в тех местах, где, как правило, обнаруживал то, что искал, но поиски не принесли желаемых результатов, он уже собирался оставить это явно бесполезное занятие и отправиться домой, как вдруг заметил неподалеку в ложбинке какое-то движение и трепетание чего-то белого. Белаква осторожно и бесшумно подобрался поближе. Оказалось, что там, как он и ожидал, какая-то Fraulein и ее приятель предаются любовным утехам. Некоторое, впрочем весьма непродолжительное, время он наблюдал за ними, однако в этот раз он, непонятно по какой причине, не находил в созерцаемом обычного вдохновения. Более того, его интерес настолько угас, что он вообще перестал смотреть на копошащуюся парочку — чем весьма удивил самого себя — и принялся ползать

рассеянным взглядом по все более сгущающимся до черноты теням. Вскоре он ничего уже не видел, кроме ближайших тяжелых ветвей, стволов и темноты, и не слышал ничего, кроме вязкой тишины, все плотнее его обступающей. Белакве казалось, что он погрузился глубоко на дно моря и темные массы воды давят на него со страшной, неумолимой силой.

Белаква наконец встряхнулся и на цыпочках стал уходить по мягкому мху прочь, надеясь, что ни один звук не выдаст его отступления. Он отправится домой, а Люси, не обнаружив его на назначенном месте, сообразит, конечно же, приехать к нему; они будут сидеть и слушать пластинки, и, может быть, у него совершенно переменится настроение. Но делая очередной шаг, он наступил на какую-то полусгнившую ветку, лежавшую на земле, ветка сломалась под подошвой ботинка с громким треском, Белаква от неожиданности оступился, потерял равновесие и упал лицом вниз. А потом, не сообразив толком, что ему надо делать, он бросился бежать в полутьме, виляя меж деревьями, а за ним, преследуя его и громко топая, бежал разъяренный Tanzherr.

Если знакомство с местностью и давало Белакве некоторое преимущество, то оно сводилось на

нет болью в ногах, которая даже ходьбу делала затрудненной, а бег превращала в настоящую муку. Когда Белаква уже приближался к тому месту, где он привязал свою собаку — а это значило, что до опушки леса оставалось пройти совсем небольшое расстояние,— он вдруг понял, что его уже догоняют и что ему нужно остановиться, повернуться к противнику лицом и принять бой. Ухватив свою палку покрепче и замедлив и так черепаший бег, Белаква, выбравшись на более открытое пространство, резко остановился, развернулся и, сжимая палку обеими руками, попытался нанести удар ее острым наконечником в гипогастриум, то бишь в подчревную, или еще проще, в нижнюю область живота своего преследователя. Однако этот удар, хотя и хорошо задуманный, оказался нанесенным преждевременно. Tanzherr увидел замах, ловко увернулся от острия, направленного в указанную область его анатомии, крутанулся на месте и, наклонив голову, как бык, бросился на Белакву, обрушился на него всем своим весом и свалил на землю.

И началось жестокое сражение. Белаква, хоть и отбивался, как женщина — дрыгал ногами, пытаясь нанести ущерб противнику ударами коленей, царапался, кусался,— все же оказал доблестное

сопротивление. Но сил у Белаквы было столь же мало, сколь мало было скорости в его беге, и вскоре он оказался вынужденным просить пощады и сдаться на милость победителя. А победитель, перевернув побежденного лицом вниз и удерживая его за загривок, стал наносить нещадные удары по Белакковой же спине и по всем другим местам, предоставляющим себя для побоев. А сучка Керри, надо отдать ей должное, неистово лаяла и рвалась на помощь избиваемому хозяину, тщетно пытаясь сорваться с поводка, которым была привязана к дереву. Fraulein, прибежавшая к месту битвы в своей тоненькой, беленькой исподней сорочке, стояла, прижимая белы руки к вздымающейся пышной немецкой груди, похожая в полутьме на привидение, и завороженно наблюдала за поединком, подсознательно полагая, что мужское проявление доблести в драке с мужчиной свидетельствует о наличии у триумфатора больших мужских возможностей, проявляемых в нежных борениях с женщиной.

Вопли Белаквы становились все тише, и наконец Tanzherr, утолив жажду мести и погасив свой гнев, прекратил избиение и, нанеся прощальный удар ногой в поверженного неприятеля, развалистой походкой и с важным видом зашагал

прочь, а восхищенная подружка, повиснув на его могучей руке, семенила рядом.

Сколько времени Белаква в полуобморочном состоянии пролежал на земле, он, если бы его об этом спросили, сказать бы не мог. Когда же он, собравшись наконец с силами, на четвереньках дополз до своей собаки и отвязал ее от дерева, давно уже стояла глубокая ночь. Как ему удалось добраться домой, он бы тоже не смог объяснить — ведь ему пришлось перелезать через многочисленные заборы, изгороди и стены, обходить канавы, при этом, правда, не оказывая никакой помощи своей немощной собаке, которая тем не менее благополучно добралась домой вместе с ним. Вот сколько жизненной энергии оставалось еще в отнюдь не старом Белакве.

Но tempus edax[162], и теперь Белаква женат счастливым браком на Люси, и вопрос о чичисбее более не поднимается. Они часто слушают пластинки, особенно любят "An die Musik"[163], а глядя в ее большие глаза, Белаква видит миры, которые значительно лучше нашего, и они никогда не вспоминают былые дни, когда Люси была еще

---

[162] Примечания: 162
Досл.: разъедающее время (лат.); здесь — в значении "время лечит".

[163] Примечания: 163
Романтическое сочинение Франца Шуберта.

полна надежд на хорошее местечко под солнцем.

КАКОЕ НЕСЧАСТЬЕ

Белаква был так счастлив в браке с искалеченной Люси, что испытал острое чувство жалости к себе, когда она умерла, а случилось это как раз накануне второй годовщины того ужасного несчастного случая, который был описан нами в предыдущей главе. Два года пребывала Люси в постоянной телесной муке, которую она сносила с той стойкостью, на которую способны только женщины, перейдя от жестоких крайностей надежды и отчаяния, которые разрывали ей душу, жаждущую их благополучного разрешения, к спокойному принятию своего страдания, свершившегося за несколько месяцев до ее окончательного упокоения, вызывавшего восхищение ее друзей и явившегося немалым утешением для самого Белаквы.

Таким образом смерть Люси принесла своевременное облегчение Белакве, и вдовец не носил траурной повязки и не проявлял внешне никаких других признаков скорби, что вызвало крайнее возмущение одной из приятельниц усопшей. Не смог Белаква выдавить из себя даже слезы, так

как израсходовал весь их запас еще в молодости, прибегая к этому средству утешения излишне часто, а вот после смерти Люси Белаква не испытывал особой необходимости в утешении, ибо весь небольшой запас сострадательной жалости, которым он обладал, был направлен на живых, однако не на каких-то конкретных несчастных индивидуумов, а на аморфное коллективное множество, переживающее жизненные трудности; мы даже рискнем определить его сострадание как некий абстрактный принцип. Такое безличностное сострадание осуждалась в некоторых кругах как нетерпимое пренебрежение обязанностями доброго христианина, а некоторые вообще считали, что такое поведение Белаквы следует рассматривать как явное прегрешение не только перед Богом, но и перед Обществом. Но Белаква ничего не мог с собой поделать — для него жалость могла проявляться лишь в виде чувства, направленного на всех тех без изъятия, кто такой жалости достоин, без учета каких бы то ни было привходящих обстоятельств, без какой бы то ни было дискриминации по отношению к страждущим, но еще живущим, и без каких бы то ни было внешних проявлений такой жалости. Общественность же, воспринимая такое пони-

мание сострадания как проявление черствости и бездушия по отношению к тому или иному конкретному несчастному индивидууму, вообще отвергала такое сострадание, что отнюдь не уменьшало в глазах Белаквы преимущества, которые такое понимание сочувствия давало ему лично.

Все мерзкие и гадкие личности мужского и женского полу, преимущественно старые, которых ему доводилось видеть самому или о которых ему рассказывали, онемевшие от переполнившей их носоглотку сладостной слизи, избавились в конце концов от этой секреции, ставшей ненужной после того, как она утеряла свой сладостный вкус, viva sputa[164] и через посредничество почтовой службы доставки писем, предоставивший еще один выводящий проток для выхода чувств, связанных с его тяжелой утратой. Белакве казалось, что он весь, с головы до ног, обрызган цибетином[165] человеческой жалости и что он уже никогда не очистится и никогда не обретет хорошего запаха, иначе говоря, своего собственного,

[164] Примечания: 164

Быстрым плевком (лат.).

[165] Примечания: 165

Цибетин — ароматическое вещество из желез животных (виверры или циветты).

естественного, присущего только ему запаха, а свои запахи он всегда вдыхал с особым удовольствием. Однако его опасения были напрасны, и с течением времени дорогие ему собственные запахи стали возвращаться по мере того, как слюна жалости и сострадания старух все больше истекала на их собственные душевные травмы и на недавние душевные раны их родных и близких, и по мере того, как могила Люси стала оседать, зарастать зеленой травкой и даже цветочками. По восстановлении столь дорогих Белакве миазмов, истекающих из него самого, он, погруженный в этот газовый, остро пахнущий кокон, подобно цикаде-пеннице, заключенной внутри своей пены, прогуливался по своему садику и забавлялся с цветами, которые обычно называют "львиный зев". В предвечерний час, когда появляются тени цвета индиго, когда в застылой тишине единственным четко оформленным звуком остается приходящий из далекого далека, от подножия гор, собачий лай, так вот, когда звучит эта вечерняя пасторальная музыка как раз нужной степени надрывности, так приятно опуститься на колени в пыль или песок и осторожно сжать пальцами основание цветка таким образом, чтобы высунулся язычок— это было развлече-

ние Белаквы, наилучшим образом подходившее его меланхолическому настроению и наиболее удовлетворявшее ту сторону его натуры, которая жаждала сказочности, натуры, чьи кризисные состояния, казалось, наиболее полным образом соответствовали его драгоценной ипсиссимозии[166], если, конечно, предположить, что такое красивое слово и впрямь существует. Белакве нравилось думать о себе как о покладистом, беспечном Святом Георгии[167] при императорском дворе Мильдендо[168].

Цветки "львиный зев" стали умирать сами по себе, без помощи Белаквы, а Белаква начал ощущать, что ему не хватает тех окон, открывающихся в лучшие миры, которыми являлись черные глаза Люси, и начал Белаква все это испытывать в ту пору, когда, проснувшись прекрасным утром, обнаружил, что без ума влюблен в одну состо-

---

[166] Примечания: 166

...его драгоценной ипсиссимозии — от лат. ipsissimus — самый доподлинный; можно предположить, что придуманное Беккетом слово означает нечто вроде самого доподлинного естества, сущности.

[167] Примечания: 167

Св.Георгий — христианский мученик III в., святой покровитель Англии со времен короля Эдуарда; известен и на Руси; обычно изображается на белом коне, поражающим Дракона, который символизирует Дьявола.

[168] Примечания: 168

Мильдендо — столица Лилипутии ("Путешествия Гулливера" Дж.Свифта), в центре которой находился императорский дворец.

ятельную девицу — и было то чувство неким божественным безумием, а не какой-нибудь там похотливой страстишкой. И он, как только ему представилась возможность, предложил ей свои руку и состояние, которое, хотя было и весьма незначительным, обладало тем не менее одним немаловажным достоинством, а именно тем, что не было нажито тяжким трудом. Поначалу она сказала нет, но он не отступался; потом она сказала ах, нет, затем ну что вы в самом деле, потом надо подумать и наконец звенящим голосом она воскликнула да, я согласна, мой дорогой!

Когда мы сказали, что избранница Белаквы была девицей состоятельной, то имели в виду, что ей, если судить по поведению ее отца вообще и по его затрудненному дыханию, особенно после исполнения им застольных песен, в частности, в весьма, так сказать, скором времени могло достаться достаточно солидное наследство. Отрицать то, что Белаква не догадывался об этом обстоятельстве, было бы равносильно попытке изобразить его еще большим идиотом, чем он являлся на самом деле, хотя надо признать, что он проявлял полное тупоумие во всех тех случаях, когда требовалось понимание вещей само собой разумеющихся; с другой стороны,

предположение, пусть и самое осторожное, что любовная страсть охватила его так неожиданно именно потому, что предмет его страсти мог получить наследство, было бы возведением на него злостной клеветы, а мы к злословию совершенно не склонны. Поэтому давайте проявим хотя бы минимальное благорасположение и словно бы между прочим отмстим, с опущенной головой и отведенным в сторону взглядом, в ожидании того, пока настроится соответствующее состояние души, что Белакве просто невзначай случилось оказаться во власти одной из своих Олимпийских фантазий, направленных на достаточно молодую особу с хорошими видами на наследство.

А звали ее Тельма ббоггс[169], и была она младшей дочерью господина Отто Олафа ббоггса и его супруги, госпожи ббоггс. Она не была красивой в том смысле слова, которое как нельзя лучше подходило для описания Люси; нельзя было бы сказать о ней, что она столь совершенна, что превосходит самое понятие красоты, как это, по всей видимости, можно было бы сделать по отношению к Альбе; не успела она еще хлопнуть дверью в лицо ни своей жизни, ни своей личности, как

[169] Примечания: 169
Именно так, с маленькой буквы.

это, надо полагать, сделала Руби. За Тельмой не бегали пожилые мужчины, а молодые мужчины при виде ее не замирали в неподвижности. Если попробовать выразиться более просто и ясно, то можно сказать, что она всегда была столь явно и определенно некрасива, что раз увидев ее, трудно было ее забыть, что уже само по себе больше, чем то, что можно было бы сказать о Венере Каллипиге[170]. Однако ее главное жизненное затруднение состояло в том, чтобы быть замеченной вообще. Но она безо всякого сомнения обладала — и Белаква неустанно повторял это самому себе — качествами весьма обаятельно-отталкивающей[171] личности и той привлекательностью — с не меньшей настойчивостью Белаква отказывался это признать,— которую обычно называют "сексуальной".

Отто Олаф нажил капитал на туалетных принадлежностях и всем том, что необходимо для оборудования туалета. Его хобби, после того

---

[170] Примечания: 170

Венера Каллипига — Венера Прекраснозадая, римская мраморная копия греческого оригинала III века до Р.Х., изображающая богиню любви в изящном повороте, обнажающем ее сзади; хранится в Национальном Музее в Неаполе.

[171] Примечания: 171

...обаятельно-отталкивающей — Беккет для описания Тельмы изобретает слово cherharming, в котором есть элементы и очаровательности, и нанесения вреда, и еще некоторых других смыслов.

как он ушел от деятельного участия в делах великолепной фирмы, которая являлась его детищем, его воплощенной в жизнь идеей, его делом, которому он посвятил всю свою жизнь, его любимым созданием, ну и всем прочим, стало собирательство изысканной мебели. Говорили, что он обладает самой замечательной и самой полной коллекцией в районе улицы Большой Георгиевской, с которой он, несмотря на постоянный там уличный шум, несмотря на не менее постоянные просьбы жены и старшего отпрыска, умолявших его обзавестись собственным домом в Фоксроке, упрямо отказывался переезжать. Дорогие сердцу детские воспоминания, работа учеником слесаря-водопроводчика, обильное проливание пота и триумфальные достижения в период расцвета сил как в деловой сфере, так и в любовных делах (тут Олаф бросал угрюмый взгляд на госпожу ббоггс) от весеннего равноденствия, как он сам туалетно-водопроводчески выражался, до летнего солнцестояния своей жизни, все взлеты и падения на жизненном пути, наполненном напряженной работой, отразившиеся и в самых простых вещах домашнего

обихода, и в великолепии мебели Хепплвайт[172] и комодов закругленных форм — все это сосредоточилось в старой доброй плотно заставленной мебелью квартире на старой доброй улице Большая Георгиевская, и при осматривании всего этого, умственном и зрительном, он имел удовольствие отсылать жену и старшего отпрыска к той части своей анатомии, которую никогда бы не позволил пинать ногами и которую никогда не желал поцеловать у кого-либо другого.

Презрительное отношение господина ббоггса к Белакве и к согласию Тельмы стать женой Белаквы зиждилось на одном основании: господин ббоггс был поэтом. А поэт, как известно, исключительно любвеобильное создание, наделенное, как вам должно быть ведомо, способностью любить любовь, подобно женщине Ларошфуко[173], особенно ярко проявившуюся во время ее второго бурного любовного увлечения, и продолжающего

---

[172] Примечания: 172

Мебель Хепплвайт производилась в Англии во второй половине XVIII века при короле Георге III фирмой "A.Hepplewhite&Company"; отличалась широким использованием кривых линий.

[173] Примечания: 173

Герцог Франсуа де Ла Рошфуко (1613—1680) — а скорее всего именно его имеет в виду Беккет — известен своими мемуарами и собранием Максим; интриговал против всесильного герцога Ришелье; состоял в дружественных отношениях с мадемуазель де Лонгвиль, мадам де Совиньи и особенно с графиней де Ла Файетт.

присутствовать во всех остальных ее романах. Столь любвеобильны поэты, что женщины, да благослови их Господь, не могут перед поэтами устоять, да поможет им Господь. Исключение составляют, разумеется, те женщины, которые хотят лишь просто произвести на свет потомство, и те, которые обладают большой душевной простотой; и те, и другие предпочитают таких мужчин, которые обычно доставляют меньше огорчений и страсти которых не столь бурны и значительно лучше отмерены — например таких, как бухгалтеры или корректоры. Тельма же, хоть внешность ее оставляла желать много лучшего, отнюдь не выглядела просто как дурнушка из хорошей семьи, которую надо срочно выдать замуж[174], и обладала, по крайней мере, анаграммой приятного лица[175], не говоря уже о ее искрящейся душе — так обычно предпочитали

---

[174] Примечания: 174

...дурнушка из хорошей семьи, которую надо срочно выдать замуж — у Беккета сказано "brood-maid", что может интерпретироваться весьма широко, но что подозрительно похоже на brood matron или на brood mare, что соответственно означает "племенное домашнее животное" и "племенная кобыла"; из всех возможных интерпретаций выбрана та, что предложена в тексте.

[175] Примечания: 175

Анаграмма лица — очевидно, Беккет имеет в виду, что при некотором напряжении воображения можно было бы из черт лица Тельмы составить "хорошее" (так дословно у Беккета) лицо, подобно тому, как из букв составляется анаграмма или буквенная загадка.

описывать качества ее души,— которая являлась ее наиболее интересной составляющей, что и поясняет, почему Белакве оказалось достаточным проявить некоторую настойчивость, не смириться с ее первоначальным "нет" и с отказами принять его предложение и продолжать настаивать. И она в конце концов прилетела — как ласточка к своему гнезду под карнизом или как измученная жаждой птичка к озерочку — к нему в его холодные, как металлические перила на морозе, объятия.

Господин ббоггс, с другой стороны, разделял мнение Кольриджа[176] в отношении того, что каждому литератору приличествует иметь нелитературную профессию, которая вообще даже не требует знания грамоты. Более того, господин ббоггс пошел еще дальше Кольриджа и заявил однажды — к большому смущению госпожи ббоггс и Тельмы и к большому удовлетворению его старшей дочери Уны, специально для которой в аду уже было приготовлено обезьяноподобное чудище, а также к большому смятению Белаквы,— что когда он глядит по сторонам и видит того, кого обычно называют поэтом и кто поз-

[176] Примечания: 176

Сэмюэль Тэйлор Кольридж (1772—1834)— английский поэт-романтик и теоретик литературы.

воляет своим литературным благоглупостям мешать его работе, у него, господина ббоггса, развивается такая сильная Beltschmerz[177], что ему приходится покинуть комнату. Когда ббоггс провозглашал эту сентенцию, присутствовавший в комнате поэт, отметив, что господин ббоггс, несмотря на категорически сделанное заявление, продолжает преспокойно сидеть на своем месте, набрался духу и воскликнул:

— Сударь, вы изволили, кажется, сказать Bellschmerz? Я не ослышался?

Ббоггс закинул голову назад, да так сильно, что, казалось, его подгрудок, то бишь второй подбородок, вот-вот лопнет, и запел вполне благозвучным, хотя и ничем особо не выдающимся тенорком, который безотказно производил взбудораживающее впечатление на тех, кто слышал его в первый раз:

Он пояс крепкий надевал
Всякий раз, когда желудок
Голос громко подавал,
Стальной цеплял он нагрудок,

---

[177] Примечания: 177

Игра слов, неологизм Беккета, составленный но аналогии с немецким Weltschmerz (мировая скорбь) из английского belt (ремень) и немецкого schmerz (скорбь, боль).

Когда дубинкой ему угрожал
Тупой полицейский ублюдок.

Белаква, обращаясь к госпоже ббоггс, сказал опечаленным голосом (наверное, и он догадывался, что похвала особо эффективна тогда, когда высказана не прямо, а кружным путем):

— Я и не подозревал, что у господина ббоггса такой голос!

Столь высокую оценку его способностей господин ббоггс, после того как жировые складки его второго и прочих подбородков, напоминавшие мешок с хорьками, закончив сотрясаться, улеглись на свои места, тут же приуменьшил, запев:

Он принимал хиииииииииииииинин...

— Отто! — воскликнула госпожа ббоггс.— Достаточно, достаточно!

— Голосок, как серебряный колокольчик, звук такой же чистый! — восхищался Белаква.— А мне почему-то об этом ничего не говорили.

— Да,— согласился ббоггс,— голос, доложу я вам, у меня вполне оперный.

Сказав это, ббоггс закрыл глаза и вернулся в свои воспоминания, словно бы окунулся в воды ранней юности.

— Можно даже сказать, в некотором роде за-

мечательный голос,— пробормотал ббоггс с закрытыми глазами.

— Не менее замечательный, чем вы сами! — упоенно вскричал Белаква.— Я бы посмел сказать, сударь, что он у вас, как самый настоящий церковный орган, слово чести.

У госпожи ббоггс был любовник, работавший в Земельной Комиссии, и роман этот цвел столь буйным цветом, что некоторые из злонамеренных и злоречивых знакомых женщин семейства ббоггс не замедлили воспользоваться этим обстоятельством и стали прилюдно судачить о полной несхожести господина ббоггса и Тельмы, и не только в смысле внешности, но и в смысле темперамента: ббоггс такой сангвинический, жизнерадостный, такой душевно мягкий, такой солидный во всех отношениях— здесь следует отметить, что все эти качества столь же законно приписывались и Уне,— а вот Тельма какая-то темная, ветреная личность, о которой ничего определенного сказать-то и нельзя. "Чрезвычайно странная несхожесть, если не сказать больше,— говорили эти женщины, ходившие в друзьях семьи ббоггс,— разве можно такое не заметить? И должным образом не отреагировать?"

Упомянутый совратитель, хоть и сам состоял в

служащих, тем не менее совсем не был похож на тех вертлявых чиновничков, которые выглядят так, словно они приходят в мир в нарукавниках и в очках, обладал, однако, рядом черт, характерных для определенного типа соблазнителей: оплывшим жиром подбородком с ямочкой; блестящими карими собачьими глазками с немым постоянным собачьим вопросом в них; гладкой поверхностью, безо всякой ряби морщин, широкого белого лба, чья площадь по меньшей мере в два раза превышала таковую всего остального лица, располагавшегося под этим лбом, посреди которого имелся навечно там прилепленный мокрого вида чубчик, выглядевший так, словно он выделял из себя, как из железы, масло для волос, стекавшее по каплям прямо в глаз. Даже если он надевал туфли на высоких каблуках, то рост его достигал не более 165 сантиметров; нос у него был длинный и ровный, однако благодаря непомерно большому размеру обуви величина носа несколько скрадывалась. Усики затычкой торчали под ноздрями, напоминая маленького зверька, дрожащего от страха у своей порки и готового при первой же опасности юркнуть вовнутрь. Слова выходили из него мягко и хорошо звуково оформленными, подобно тому, как

кулинар выдавливает крем, украшая им торт. Голова у него была всегда переполнена грязными мыслями, он обладал большой уверенностью в себе и большими мужскими способностями и достоинствами, особо ценимыми женщинами, и он всегда давал резюме каждому анекдоту, старому или новому. На людях он пил немного, что называется, за компанию, по вот скрывшись от людских глаз, он позволял себе много больше. И звали его Уолтер Драффин.

Рога пришлись Отто Олафу как раз впору. Он знал о Уолтере Драффине все, что считал нужным знать, и относился к нему с должной предупредительностью. Любой человек, который избавлял Отто Олафа от каких либо забот — а Уолтер исправно это делал, в определенном смысле, в течение многих лет,— удостаивался уважения и высокой оценки Олафа. Именно поэтому пройдоха-чиновник и совратитель имел свободный доступ в квартиру на улице Большая Георгиевская, где, как в свое время он незаконным образом воспользовался мужниной привилегией проникать на супружеское ложе, так теперь он имел доступ к напиткам. И порой он позволял себе принять столько, что забирался на столь головокружительную высоту по лест-

нице Св. Августина, что не только бесстыдные постельные подвиги с госпожой ббоггс исчезали из его памяти в пропасти забвения, но и начисто лишался он способности вспомнить, где он, что он и когда он.

Брайди ббоггс не представляла собой ничего интересного ни как жена — в чем самым доскональным образом удостоверился Отто Олаф еще до того, как сделал ее своей супругой,— ни как любовница, что вполне устраивало Уолтера, который предпочитал умеренность во всем. Ничего интересного, если, конечно, не брать во внимание то восхищение, которое она, казалось, вызывала у домашних слуг, чье обычное упрямство на службе у хозяйки, ничем не примечательной и в этой своей заурядности доходящей чуть ли не до полного идиотизма, подвигало их, обладавших большими достоинствами, которые, однако, служили им хуже, чем полное их отсутствие, на выражение восхищения, не свободное тем не менее от злопыхательства.

Старшая дочь ббоггсов была глупа, уныла, скучна и вяла. Чтобы представить ее себе более зримо, возьмите образ блаженной Юлианы Норвичской, добавьте к этому образу немного кисля-тинки и эдак пудов пять дополнительного

весу, сосредоточенного в основном в адипозе (то бишь в жировой ткани), отнимите милосердие, отзывчивость, сострадание, снисходительность и молитвы, обрызгайте — хотя заведомо это не даст какого-либо существенного результата — опопанаксом[178] и асафетидой[179] и в итоге получите сияющую глупой улыбкой Уну, которая словно бы только что вышла из хамама[180] и насладилась массажем лица. Тем не менее она, в некоторой степени по праву, гордилась одним своим достижением, для выражения восхищения которого у Белаквы не находилось нужных слов, а именно: она могла сыграть по памяти любую сонату Моцарта, причем приглашать ее к исполнению того или иного опуса можно было, сыграв лишь первые такты, которые она тут же безошибочно распознавала; играла она с механической, ксилофонной точностью, mezzo forte[181], без какого бы то ни было чувства, не соблюдая каких-либо

[178] Примечания: 178
Опопанакс — род многолетних растений семейства зонтичных, содержит в корнях вещества, используемые в парфюмерии.

[179] Примечания: 179
Асафетида — смолистое вещество с резким чесночным запахом.

[180] Примечания: 180
Хамам — турецкая (восточная) баня.

[181] Примечания: 181
Не очень громко (итал).

различий между особо важными и менее важными нотами. Белаква, которому страстно хотелось расположить к себе Уну, питавшую к нему и ко всему, что было с ним связано, величайшее отвращение, иногда брался следить по нотам в издании Аугенера за ее исполнением той или иной Моцартовой сонаты, однако по прошествии совсем небольшого времени, не находя никаких несоответствий, он решал, что впору отказаться от этого бесполезного и трудоемкого занятия.

Однажды, разбирая почту, Уолтер Драффин обнаружил в ней приглашение, отпечатанное серебряными буквами по лазурному полю. Поднеся карточку почти к самому носу и словно бы слыша какое-то неясное щебетанье, он прочитал:

Супруги
Отто Олаф ббоггс и Брайди ббоггс
имеют честь пригласить
господина Уолтера Драффина
быть почетным гостем
на бракосочетании и венчании их дочери
ТЕЛЬМЫ
и
господина БЕЛАКВЫ ШУА,

имеющее место быть
в Церкви Святой Тамары
Гласневин,
в субботу, Первого Августа,
в 14.30,
и на свадебном приеме,
устраиваемом по адресу:
улица Большая Георгиевская, 55
R.S.V.P.[182]
Улица Большая Георгиевская, 55

"Как это похоже на эпитафию,— подумал Уолтер,— с тяжким надрывом в конце каждой строчки! А ведь можно было бы,— продолжал размышлять Уолтер, подавляя в себе желание подвергнуть нещадному осмеянию то, как было составлено приглашение,— хотя бы по такому случаю выразиться в... стихахах. Сти-Ха-хах! Ха!" Уолтер отодвинул от себя карточку на расстояние вытянутой руки, чтобы рассмотреть ее целиком. Типичное посланьице Брайди ббоггс! А что же все-таки оно ему напоминает своим способом изъясняться? Словеса бумаги Воскресной Ирландской Школы, удостоверяющей примерное

[182] Примечания: 182

Сокращение: Respondez, s'il vous plait — Ответьте, будьте добры (фр), т.е. дайте ответ на данное послание.

поведение и исправное посещение уроков?

Нет, не то. Такая бумага у него тоже имелась, в его старом доме, заложена в семейной Библии, в том месте, где закапчивалась Книга Плача Иеремии и начиналась Книга Пророка Иезекиля... Тогда, может быть, по стилю приглашение это напоминает меню Ужина, Поданного на Встрече Старых Одноклассников, с приложением эмблемы и цветов школы? Нет, тоже не то. Уолтер тяжело вздохнул. Он точно знал, что полученное послание напоминает ему что-то, но что именно, стоящее над и за пределами Брайди и ее понимания стиля, оставалось неуловимым. Можно не сомневаться, что рано или поздно вспомнится, причем как раз тогда, когда меньше всего этого ожидаешь. Но дурацкая словесно-звуковая шуточка ему пришлась по вкусу, и он повторил ее еще раз: сти-Ха-х! Ха! Единственное, что немного огорчает, так это то, что оценили бы ее очень немногие. Вряд ли, скажем, дворник скорчился бы от припадка смеха. Ну что ж, а в записную книжку занести все-таки стоит.

В той же почте в отдельном конверте Уолтер обнаружил записку от Брайди ббоггс: "Дорогой Уолтер! И мне, и Отто очень бы хотелось, чтобы ты в качестве старого друга нашей семьи пред-

ложил бы первым тост за здоровье счастливых новобрачных. Мы очень надеемся, более того, я уверена, что ты не откажешь нам в этой просьбе". И Уолтер тут же написал ответ: "Дорогая Брайди! Конечно же, я с величайшим удовольствием исполню вашу просьбу. Это для меня большая честь".

Душка Отто Олаф! Заставленный от мира своими раритетными столами и стульями, он позволял Уолтеру — и Белакве тоже — одурачивать себя, зная о том, что его одурачивают, точнее, лишь смутно догадываясь, что его одурачивают. Пускай, пускай этот Драффин, который оказывал кое-какие услуги, пьет его виски и пускай эта Тельма, этот побочный продукт любовной схватки, отдаст себя в дар, кому ей заблагорассудится. Пускай эта свадьба будет церковным представлением, пускай, пускай его дом подвергнется вторжению, пускай его мебели будег нанесен непоправимый ущерб! Зато какими спокойными покажутся дни, которые последуют за всей этой сумятицей! Ах, душка Отто Олаф!

Белаква приготовил себя к тому, чтобы путем переговоров получить денежный заем, достаточный для выполнения всех обязательств, выпадающих на долю жениха, и весьма разорительных,

надо заметить, для такого человека, как он, располагающего лишь скромными средствами. А ведь сколько всего требовалось: обручальное кольцо (здесь, правда, очень пригодилось кольцо Люси, которое было выкуплено у ростовщика); какие-то бесконечные расходы, связанные с брачной церемонией; подношения, полагающиеся викарию, жезлоносцу, церковным служителям, звонарям; большой букет цветов для невесты и букетики поменьше для подружек невесты; новое постельное белье и масса других вещей, необходимых в семейном быту, не говоря уже об издержках, связанных с проведением — пусть и укороченного — медового месяца, фиаско которого он не имел ни малейшего намерения допустить и который предполагалось провести — целую неделю, ну максимум, десять дней,— катаясь по Коннемаре во взятой напрокат машине.

Шафер Белаквы помогал ему все это продумать, распивая с ним бутылку.

— Не думаю, что я могу себе позволить...— пробормотал Белаква, когда сумма издержек, которую они прикидывали каждый по отдельности, независимо от другого, возросла на десять фунтов после того, как к ней добавились накладные расходы.

— Накладные расходы! — гоготнул шафер.— Отлично! А то мы чуть о них не забыли!

Белаква весь сжался, да так, что на него было страшно смотреть.

— Послушай, или я чего-то недопонимаю,— простонал Белаква,— или ты просто забываешься!

— Извини, извини,— слегка пьяным голосом воскликнул шафер,— извини, ради Бога, я хотел как лучше.

Белаква решил переиначить сказанное в более благоприятную для него сторону.

— Я хотел сказать, что не могу себе позволить раздавать всем подарки и боюсь оскорбить тебя неудачным презентом, сделанным по поводу такого особого случая...

Шафер напустил на себя смущенный вид, словно бы самая мысль о подарке вводила его в смущение.

— И все же,— поспешил Белаква подтвердить свое желание проявить благородство и утонченность духа,— мне было бы приятно, если бы ты согласился принять оригинал рукописи моей книги "Hypothalamion"[183], откорректированную, с автографом, с датой, с дарственной надписью,

---

[183] Примечания: 183

Беккет обыгрывает слово "эпиталама", epithalamion — дословно: "над брачным ложем", hypothalamion — "под брачным ложем".

переплетенную в кожу, облагороженную временем. Ну, по крайней мере, часть обложки будет в коже. Подойдет такой подарок, а?

Кэппер Квин, ибо именно так мы будем его называть, известный в кругу его почитателей под прозвищем "Волосатик" — на самом деле он был почти начисто лишен волосяного покрова,— а в женских кругах его называли "Крошкой", хотя размеров он был огромных, был не просто холостяк, что позволяло ему играть роль шафера Белаквы, не нарушая никаких правил этикета, связанных с исполнением шаферских обязанностей, но еще и одним из тех, кого принято называть "начинающими писателями", что объясняет ту живость, с которой он стал выражать согласие принять от Белаквы литературный подарок. Он чуть ли не задыхался от благодарности.

— Это... это... я и не представлял... ты так... ну, просто...— спотыкаясь на каждом слове и хватая ртом воздух, пытался высказать Кэппер свое восхищение. Надо сказать, что и не будучи взволнованным, Квин испытывал некоторые затруднения в выражении даже простых мыслей, а для того, чтобы выстроить предложение подлиннее, в котором имелись бы такие его составляющие, как подлежащее, сказуемое, до-

полнение и обстоятельства, ему понадобились бы карандаш и лист бумаги.

— Кэппер,— прервал Белаква бульканье Квина,— можешь ничего больше не говорить. Я и так понял, что мой подарок придется тебе по вкусу. Я закажу переплет, ну, и сделаю все остальное, что обещал.

Несколько отдышавшись от попыток выразить свой восторг, Квин поднял руку в знак того, что он хочет еще что-то сказать.

— Да, слушаю? — вежливо спросил Белаква.

— Коза, облагорозенная временем? — Квин шепелявил и испытывал трудности в произношении многих других звуков,— Я правильно понял?

— Ну, в общем, да,— несколько неуверенно подтвердил Белаква.

— Серо-селёная? — воскликнул Волосатик и стал всхлипывать от восторга.— Да?

В мертвой тишине, которая воспоследовала за этим предположением Квина, у него создалось впечатление, что дух его собеседника покинул свою телесную темницу, получив разрешение отсутствовать для присутствия на всех предстоящих мероприятиях, и уже начал разыскивать что-нибудь такое легкое или подходящее, что

можно было бы приспособить для прикрытия и скрытия своего отсутствия, но тут Белаква тишину эту нарушил, произнеся голосом, вспухшим волдырями взволнованного чувства:

Ouayseau bleheu, couleurre du temps,
Vole a mouay, promptement.[184]

И неожиданно разразился слезами.

Квин встал из-за стола и, намеренно мягко ступая, направился к двери. "Тактичность,— произносил он в уме при каждом шаге,— тактичность и такт, такт и тактичность, такт — вот что сейчас нужно",— думал он.

— Внимательно изучи обязанности шафера,— всхлипывая, бросил Белаква вслед Квину,— и заходи за мной не позже двенадцати.

Семейство ббоггсов тем временем собралось на тайный семейный совет.

Мысли Тельмы, убежав от сложных действий и обязанностей, выпадающих на долю облаченной в белоснежные одеяния невесты, улетели на крыльях, на которых обычно летают мысли, в Галвей, к Вратам Коннота, к грезе, воплощенной в камне,

---

[184] Примечания: 184

Эти две строчки записаны по-старофранцузски и, прочитанные фонетически, могут означать: "Голубая птичка, цвета (времени) поры года (погоды), лети к болоту (тростнику) побыстрее".

а если быть более конкретным, к церкви Святого Николая, куда Белаква намеревался отправиться после церемонии без задержки, преклонить там колена в молитве — если, конечно, эта церковь будет открыта, когда они к ней прибудут,— и во исполнение давно данного обета взывать к духам Крузо и Колумба, которые когда-то, в далеком прошлом, молились, стоя на коленях, в той церкви; и Тельма будет наконец располагаться для приятного разнообразия по правую руку от Белаквы. А потом они, конечно, отправятся мимо гавани в свою новую комнату в Грейт Сазерн, которую им придется еще обживать, и она будет смотреть, как солнце опускается в море. Разве можно было полноценно участвовать в беседе, которую вели ее родители и сестра, обсуждая какие-то важные вопросы, когда мысли так далеко, когда открываются такие восхитительные перспективы? Блажен ты, и благо тебе![185]

Отто Олаф запел песенку, а супруга его просто сидела без движения, и казалось, что в этой большой, невыразительной, стареющей, некрасивой женщине почти уже не осталось жизни. Уна громко стукнула большим карандашом об стол.

---

[185] Примечания: 185
Пс.127,2.

Когда ей удалось наконец восстановить порядок и привлечь некоторое внимание присутствующих к тому, что они собирались обсуждать, Уна громко объявила, заглядывая в листик бумаги, на котором были записаны вопросы, требующие обсуждения:

— У нас пока всего пять подружек невесты: двойняшки Клегге и трое близнецов Пьюрфой.

Это заявление не подверглось оспариванию. Отто Олафу представлялось, что пять невестиных подружек — вполне респектабельное число, и надо сказать, что в те времена так и считалось.

— Но нам нужно не менее девяти! — воскликнула Уна.

И тут по счастливой случайности в голову госпожи ббоггс пришла удачная мысль, которую она тут же и высказала:

— Дорогуша, а разве семеро не было бы достаточно?

Уна уже была готова все бросить, встать и покинуть семейный совет.

— А я считаю, что этого недостаточно! — заявила, едва сдерживаясь, Уна.

Но идея была подана. В ней присутствовала некая окончательность, как в конце футбольного сезона.

— Хотя, конечно,— ледяно-ироничным тоном добавила Уна,— в конце концов, празднуется не моя свадьба.

Этот тон, которым было выражено уточнение, вызвал раздражение Тельмы, и она тут же стала на сторону матери. А обсуждаемую проблему никак нельзя было отнести к числу легкоразрешимых. При этом госпожа ббоггс в целом занимала почти такую же нейтральную позицию, какую в свое время занимал папа Целестин Пятый[186], а за такую непроясненность ее позиции Брайди ббоггс Дангу бы не понравилась.

— Я за то, чтобы их было как можно меньше,— сообщила свое мнение Тельма,— ну, настолько, насколько позволяют приличия.

— Семь — это вполне выдающийся кворум,— высказался Отто Олаф,— ведь, как известно, цифра семь имеет особое значение и уже хотя бы поэтому предпочтительнее девяти.

— Как старшая подружка я протестую! — заупрямилась Уна.

---

[186] Примечания: 186

Целестин V, Святой (1215—1296)— настоящее имя Пьетро ди Мурроне — был бенедектинским монахом, много лет жил отшельником; основал монашеский орден Целестинцев; в возрасте восьмидесяти лет (1294) был избран папой, но отказался от папского престола через пять месяцев после избрания; содержался папой Бонифацием VIII под стражей для предотвращения раскола в церкви.

И туг снова Брайди ббоггс пришла на выручку. Она никогда еще не была в такой отличной форме.

— Итак, вместе с Уной у нас уже есть шестеро. Значит, нужно пригласить всего лишь еще одну!

— Как насчет Эны Нэш? — предложила Тельма.

— Совершенно невозможно! — вскричала Уна.— От нее всегда очень дурно пахнет.

— Ну тогда, эту, как ее — МакГиликадди! — внес свое предложение Отто Олаф.

Брайди ббоггс выпрямила спину.

— А это кто такая? — удивилась Уна.— Никакой Гиликадди я не знаю. Мама, а ты знаешь, кто такая Гиликадди?

Нет, Брайди ббоггс понятия не имела, кто же такая эта МакГиликадди. И опа вместе с Уной с возмущенным видом стала ожидать от Отто Олафа пояснений.

— Ну, это, просто так,— промямлил Отто Олаф.— Не хотите ее и не надо.

— Нет, ты скажи, кто это женщина? — стали наседать на Оно и дочь, и жена.

— Да я просто так сболтнул, не подумав,— отбивался Отто Олаф.

Брайди ббоггс была крайне озадачена — как это можно было просто так "сболтнуть, не подумав" и

назвать при этом фамилию какой-то женщины? С психологической точки зрения это было просто невозможно! С трясущимися губами и раздувающимися ноздрями она глядела вытаращенными глазами на мужа, и взгляд ее вопил о психологических невозможностях.

— Чтоб вам обеим гореть в геенне огненной! — вдруг вскричал, осердившись, Олаф.— Да я просто пошутил, назвал какую-то придуманную фамилию, вот и все!

Брайди ббоггс, хотя по-прежнему пребывая в полной растерянности, тем не менее пришла к мгновенному решению принять это объяснение своего мужа. Уна же ничего забавного в странной оговорке не видела. Более того, она подверглась серьезнейшему искушению умыть руки и вообще устраниться от каких бы то ни было дальнейших обсуждений.

— Я предлагаю Альбу Пердью,— тем не менее высказала она свое следующее предложение, которое прозвучало скорее как уведомление о принятии Альбы в число подружек, а не как выдвижение очередной кандидатуры.

— Судя по тону, других предложений поступать не будет,— заметил Отто Олаф.

Альба Пердью, как читатель, может быть, пом-

нит, уже появлялась на страницах нашей книги. Тельма, которой Белаква уже когда-то рассказывал, в отредактированном варианте, о своей давней и теперь смутно вспоминаемой любви, не очень старалась скрывать свое большое удовлетворение, и когда волнение в крови у нее несколько улеглось, она объявила голосом громкости достаточной, чтобы его хоть и с трудом, но можно было услышать:

— Я выступаю в поддержку этой кандидатуры.

Выразилась она, как мы видим, с некоторой излишней напыщенностью и церемонностью, которая была совсем не к месту.

Теперь пришел черед Отто Олафа задавать вопросы.

— Насколько мне известно,— ядовито сообщила Уна, которая, в отличие от своего отца, умела давать ясный ответ на ясно поставленный вопрос,— и если я ошибаюсь, пусть меня поправят, эта Альба являлась предметом пусть ныне и угасшего, но бурного любовного увлечения жениха Тельмы.

— Ну, в таком случае, она не годится! — воскликнул простодушный Отто Олаф.

Даже Брайди ббоггс не смогла устоять и присоединилась к общему веселью, вызванному

высказанной Олафом благоглупостью. Особенно сильно смеялась Уна, настолько сильно, что возникло опасение, не нанесет ли она ущерба своему здоровью. Она вся сотрясалась в пароксизмах смеха и ужасно потела.

— Ах, Боже мой! — говорила она, задыхаясь,— Это же надо так выразиться: не годится!

Однако часто так бывает, что все устраивается само собою — раздался громкий треск чего-то рвущегося. Уна немедленно прекратила смеяться и замерла в полной неподвижности — ее лифчик отдал свою скромную жизнь ради спасения жизни Уны.

В течение двух недель, предшествовавших брачной церемонии, Белаква пребывал в нехарактерном для него состоянии молчаливой сосредоточенности, и казалось, что он на пороге какого-то полного преображения. Все хлопоты, связанные с подготовкой к венчанию и свадебному приему, он передал Кэпперу Квину, сказав при этом: "Вот деньги, делай все, что нужно".

Но прежде чем Белакву охватило это состояние инертности и бездействия, которое было в какой-то степени вызвано внутренней усталостью и, конечно же, в не меньшей, если не в большей, степени желанием дать себе время на само-

очищение, он проявил изрядную жизненную активность, сделав, среди прочего, пару очень важных вещей: нашел ростовщика, у которого было заложено кольцо Люси, и выкупил его, и вел поиски среди, как он говорил, стариков и старух, выискивая двоих, которые по возрасту и некоторым другим своим особенностям приблизительно соответствовали бы господину и госпоже ббоггс и подошли бы в качестве гостей на свадьбе. Во время исполнения этого тяжкого задания Белаква не раз получал оскорбительные отказы. Ему в лицо швыряли обвинения в непочтительности к памяти покойной Люси, словно та была бокалом ледяного белого бургундского, которое выплескивают в лицо обидчику. Наконец розыски увенчались успехом: одна дальняя родственница, настолько дальняя, что родственная связь становилась весьма призрачной, и давний знакомый, которого отец Белаквы когда-то называл "Гусак Джимми", согласились уважить просьбу Белаквы. И звали этих давно уставших от жизни людей Гермиона Нойцше и Джеймс Скырм. Белаква в последний раз видел их много лет назад, когда был еще малолетним вундеркиндом.

Если не считать быстротечных посещений

Тельмы, которые Белаква терпел как неизбежную часть той игры, которую сам затеял, его уединение никем не нарушалось. Свадебные подарки исправно лились обильным потоком, но поступали они не к Белакве, не имевшего друзей, которые могли бы делать подарки, а к Тельме, которая ежедневно подробно информировала его о новых поступлениях.

Однажды пополудни Тельма появилась у Белаквы в состоянии некоторого душевного возбуждения. Белаква приподнялся на постели, вяло подставляя лицо для поцелуя, и был зацелован с такой жадностью, что у него в конце концов закружилась голова и его охватила слабость. Бедняга, он явно не уделял должного внимания своему питанию.

— Для тебя получен подарок,— сообщила, несколько угомонившись, Тельма.

Белакву, который каждый день уделял весьма значительную часть времени полиглотным радостям, это сообщение привело в состояние шока. Оставалась, правда, надежда, что информация о том, что представляет собой этот подарок, выведет его из шокового состояния.

— А в котором часу был получен этот подарок? — спросил Белаква, пытаясь успокоить нервы

своей обычной насмешливостью.— Это очень важно.

— Какого черта ты ведешь себя так гадко! — воскликнула Тельма, радостное настроение которой тут же улетучилось.

Ах, если бы он сам знал, почему он так себя ведет!

— Несмотря на нелепость твоего вопроса, я могу с большой точностью назвать время, когда его доставили,— сказала Тельма.

Белаква некоторое время обдумывал, брякнуть ли что-нибудь еще такое этакое, но решил воздержаться и промолчать.

— Я знаю потому,— продолжала пояснения Тельма,— потому, что первое, что я сделала, так это завела пружину и поставила нужное время.

Ужасная догадка пронзила его.

— Это что, часы? — вскричал Белаква.— Только не говори мне, что это какие-нибудь большие, старинные напольные часы!

— Действительно, старинные,— подтвердила Тельма,— в прекрасном состоянии и очень стильные.

Белаква отвернул голову к стене. Подумать только, он, который в последние годы, а потом и с согласия и даже одобрения Люси, не терпел

в доме каких бы то ни было устройств, показывающих время, который избегал каких бы то ни было сообщений о течении времени, он, которого изменение положения теней, вызываемое перемещением солнца по небосклону и таким образом отмечающее движение времени, вызывало муку душевную, вынужден будет теперь до конца дней своих страдать от тиканья часов, заглушающего все остальные домашние звуки и возвещающего о неумолимом беге времени! Да, из-за этого можно было бы и разорвать помолвку!

Вечером, спустя много времени после ее ухода, он ворочался и крутился в постели, не будучи в состоянии уснуть. Заснул он только под утро под молитвенное бормотание и воркование витютеней[187], после того как ему в голову пришла спасительная мысль, подобно Богу, являющемуся душе, страждущей в аду, что ведь он всегда может сломать какое-нибудь там колесико внутри этого часового монстра, засунуть внутрь гвоздик, повернуть циферблатом с черепным оскалом к стене. Да мало ли что еще можно придумать. Спал Белаква спокойно.

---

[187] Примечания: 187
Витютень — разновидность голубя.

А в это время Кэппер Квин летал повсюду, делая все то, что было в интересах Белаквы, поручившего ему предсвадебные хлопоты. Понимая, что ему много не достает для успешного исполнения поручений, которые были так далеки от занятий, вовлекающих всю личность и направленных на самовыражение, Квин привлек, пообещав скромное вознаграждение, для помощи в осуществлении некоторых из возложенных на него дел некоего Спраула, недавно потерявшего работу маклера одной из фирм в Сити, который обладал обаятельными манерами и хорошо знал магазины и торговые центры к северу от реки, что являлось в глазах Квина бесценным качеством. И вот в ту судьбоносную субботу рано поутру они встретились и отправились покупать букеты — большой для невесты и семь поменьше для ее подружек.

— А госпоже ббоггс не нужно ли? — вопросил Квин.

— Не нужно ли что? — не понял Спраул.

— Ну, я подумал, не нужно ли и ей купить какой-нибудь цветочек,— пояснил Квин.

— Это было бы, если употребить биологический

термин, суперфетацией[188],— отрезал Спраул и уверенным шагом направился в цветочный магазин, располагавшийся совсем рядом с улицей Мэри. Квин семенил рядышком. Владелица магазина испытала двойную радость — во-первых, появился такой покупатель, как Спраул, а во-вторых, она только что обнаружила у одного из множества цветков львиного зева пятую тычинку, пусть и в зачаточном состоянии.

— Ах, господин Спраул! Как я рада вас видеть! — воскликнула она.— Представьте себе, сударь, я вот обнаружила...

— Доброе утро,— отрывисто бросил Спраул.— Одну очень большую орхидею, пожалуйста, и семь гвоздик, наилучших из всего того, что у вас есть.

Кэппер Квин, хотя и абсолютно не умевший настаивать на своем при совершении какой-либо покупки, обладал тем не менее чувством, позволяющим предвидеть, что наилучшим образом приличествует той или иной ситуации, причем в

---

[188] Примечания: 188

Суперфетация — биологический термин, означающий второе зачатие после того, как одна яйцеклетка уже оплодотворена; образование второго плода в матке, которая уже несет один плод; такое иногда случается у животных, но очень редко у женщин; этот термин употребляется также и в ботанике для описания состояний в растениях, аналогичных суперфетации у животных; в переносном смысле, придуманном Беккетом,— нечто излишнее.

такой развитой степени, что смог ясно выразить то, что это чувство ему продиктовало.

— От имени моего клиента,— заявил он с несколько излишней напыщенностью,— я вынужден настаивать на приобретении двух орхидей.

— Бога ради, сколько хотите, столько и закажем! — успокоил Квина Спраул.— Три? Десяток?

— Нет, нет,— быстренько проговорил Квин,— двух будет вполне достаточно.

— Итак, две большие орхидеи и семь белых гвоздик, наилучших из всех, что у вас имеются.

И словно по мановению волшебной палочки в руке владелицы цветочной лавки появилось девять цветков.

— Прекрасно,— проговорил Спраул, оценивающе осматривая цветы.— Это следует отправить по нескольким адресам.— И он быстро написал на листике бумаге адреса, фамилии и указал, кому какие цветы следует доставить. Закончив писать, он удовлетворенно сказал: — Так, первая часть дела сделана.

Объявление общей стоимости покупки вызвало крайнее изумление Спраула. И он воззвал к Квипу:

— Господин Квин, скажите, мне это снится или

все это происходит наяву? А может быть, я просто ослышался?

Цветочница заверила Спраула, что опа не только тщательно выверяет свои счета, не набавляя ни пенни, но и к тому же ей ведь тоже надо както жить. Спраул не увидел связи между двумя частями этого заявления. Он даже демонстративно ущипнул себя за щеку, чтобы, так сказать, проснуться и убедиться, что он находится не в самом дорогом цветочном магазине на улице Нассау, а в маленькой цветочной лавке.

— Мадам,— сказал Спраул,— мы с вами не на улице Нассау, в том шикарном цветочном магазине.

Этот выпад настолько ослабил оборону его противницы, что она даже не сопротивлялась, когда он вложил ей монету в руку.

— Вот берите,— проговорил Спраул тоном священника, совершающего обряд причастия,— а не хотите, как хотите.

На ощупь определив, что монета вполне солидного достоинства, цветочница вспомнила о наступивших тяжелых временах, о том, что надо ведь как-то жить, и все это вместе решило дело в пользу Спраула. После чего обе сражавшиеся стороны с большой теплотой пожали друг другу

руки. И впрямь, откуда могли бы взяться неприязненные чувства по отношению друг к другу, если каждая сторона считала, что одержала победу?

Спраул, по завершении всех дел, которые на него возложили, получил свое вознаграждение в Овальном Баре. Он настаивал на том — и ничто не могло бы его заставить отступиться,— чтобы Квин выпил за здоровье Белаквы, нанявшего его. Спраул считал, что самым подходящим для этого напитком был бы джин с мятным тоником.

— Повезло собаке,— вздохнул Спраул. Сам он прошел через всю Великую войну[189], не получив ни единой царапины.

Гиперестезия, или, иначе говоря, повышенная чувствительность Квина, которого, как мы помним, за почти полное отсутствие на нем волосяного покрова прозвали "Волосатиком", была столь велика, что простое нахождение в питейном заведении, даже без приобщения к тем вольным радостям, которые там можно было получить, уже само по себе веселило и даже пьянило его. И вот теперь, находясь в таком возбужденном состоянии, Волосатик с восхитительной бессвязностью принялся распространяться по

---

[189] Примечания: 189
Великой войной в Британии часто называли первую мировую.

поводу глубокого противоречия, заложенного в самой возможности превращения Белаквы в счастливого человека, и по поводу дерзостного желания увидеть его опустившимся до такого аномального для него состояния.

— Блуд и разврат! — гудел он голосом ветхозаветного пророка.— Блуд и разврат перед лицом Шекины[190]!

Это жизненное наблюдение сопровождалось и облагораживалось спазмом такой страшной гнусности, что бывший маклер Спраул, можно сказать, проявил милосердие и сострадание и незаметно заменил все еще полный стакан Квина своим, уже пустым.

Выйдя на ярко освещенную улицу, Спраул оказался охваченным сладко-горестной печалью: сладкой от того, что пришло время расставаться, а горькой от осознания того, что в его услугах уже больше не нуждаются.

— Прощайте, прощайте,— горестно пропел он, резким движением выставляя для рукопожатия свою гадкую руку,— да пребудет с вами удача на вашем многотрудном пути.

---

[190] Примечания: 190

Шекина — видимое, слышимое, ощущаемое присутствие Бога; явление Бога человеку; это понятие иудейской теологии было принято и христианством.

Однако Квин, находясь во власти своей гиперестезии, пребывал под столь сильным влиянием паров и самой атмосферы того питейного заведения, из которого они только что вышли, что не был в состоянии не то что ответить что-нибудь вразумительное, но даже не смог пожать протянутую ему руку. Он шагнул в поток движущихся по тротуару прохожих, словно бы ступил на эскалатор метро, и поток его тут же унес. Спраул воздел очи свои, полные печали, горе и узрел там весь прошедший день, счастливые часы которого уж не счесть, в виде Красивой и Крепкой Девицы, возлежащей среди облаков и явно, судя по всем внешним признакам, состоявшей в Организации Образцовых Девушек, Указывающих Путь. Девица поманила Спраула пальцем, словно приглашала его сыграть на рояле во время экзамена на получение соответствующего диплома в Лайнстерской Школе Музыки. Сделав над собой мягкое усилие, закрывающее для него это сладостное видение, и чувствуя себя так, словно воспаленный мозг жаждал прикосновения губки, смоченной в уксусе, он двинулся вперед, в поисках этого эфемерного облегчения.

И кого, как не Уолтера Драффина встретил Квин на самом гребне Металлического Моста. Драффин

после своих каких-то женственных обливаний выглядел очень свежо и чисто, словно только что наточенный тесак. Маленького роста, он был одет и в маленький полосатый костюмчик с фалдами. Солнце заливало его невыразительную макушку еще яркими лучами — Драффин нес свой цилиндр в руке, верхней частью опущенным книзу. Квин и Драффин, увидев друг друга, сошлись и остановились. Они хоть и не состояли в друзьях, знали тем не менее друг друга достаточно хорошо, чтобы перебросится несколькими словами.

— Вот тут и пребываю,— сказало это маленькое создание, называемое Драффином, с таким вздохом, что Квин стал нервно оглядываться, ища взором тюрьмы и дворцы,— и наблюдаю за тем, как течет Лиффи[191].

— Кошки с голубыми глазами всегда глухи,— сообщил вычитанное где-то Кэппер, казавшийся колоссальным рядом с миниатюрным Драффином, и сделал это по той единственной причине, что фраза эта застряла у него в мозгу и он решился воспользоваться представившейся возможностью вывалить ее на кого-нибудь.

Уолтер улыбнулся очень довольной улыбкой

---

[191] Примечания: 191
Лиффи — река в Дублине.

и поднял маленькое личико к солнцу, как дитя, подставляющее свое личико для поцелуя.

— Роющий норы тукутуку[192],— сообщил в ответ Драффии,— слеп, а вот крот *никогда* не бывает трезвым.

Крот никогда не бывает трезвым. Какое глубокое наблюдение, и как отлично сказано. Квин, попытавшийся сказать в ответ что-нибудь столь же замечательное, повесил голову, осознав, что это у него не получается, но встретил свой проигрыш достойно, утешаясь тем, что Уолтер примет на свой счет это свершение. Бедняга Волосатик, он столько всего понимал, и осознавал, и ощущал, но он не мог передать этого никому другому по причине отсутствия навыков писательства и должного набора писчих материалов.

— Невыразимое,— воскликнул Уолтер,— более, чем что-либо другое, не терпит анжамбемана[193]!

Теперь он упрочился в своем изначальном предположении, что Квин, очевидно, не имеет

---

[192] Примечания: 192

Тукутуку — небольшой южноамериканский грызун, роющий норки в земле и похожий на суслика, но без таких сильно оттопыренных щек.

[193] Примечания: 193

Анжамбеман — термин, обозначающий в поэзии особый вид переноса.

четкого представления о том, что говорит. И это вполне заслуживало быть записанным в записную книжку, но вынималась эта книжка не сразу, а по истечении некоторого времени, ибо Уолтер рассматривал ее лишь как свалку того, по поводу чего ему не удавалось высказаться каким-либо другим способом и тем самым облегчить душу.

— Ну что ж,— сказал он,— отправляйтесь дальше заниматься делами вашего счастливого клиента, я пойду покупать себе бутоньерку[194].

Услышав такое заявление, воспоследовавшее сразу за кротом и анжамбеманом, Квин почувствовал, что мозги у него вскипают от умственного напряжения, а с его губ сорвалось, как большой пузырь, лишь слово "розу?".

— Красную как кровь, только что пришедшую в этот мир,— возвестил Уолтер,— обреченную на ароматическую боль. Вы это хотели сказать?

Квин, внезапно охваченный ощущением того, что он понапрасну тратит время, оплаченное человеком, на свадьбе которого ему предстояло выполнять обязанности шафера, и бессмысленно растрачивает свою собственную энергию, болтая с кем-то, кто напоминает игрушечного резино-

---

[194] Примечания: 194

Бутоньерка — маленький букетик или цветок, вставляемый в петлицу.

вого Сталина, бесцеремонно и крайне неучтиво развернулся и, даже не попрощавшись, ушел, оставив Уолтера наслаждаться в одиночестве созерцанием величественной архитектуры, выставив на солнышко, так сказать, для просушки свой чуб. Какой-то прохожий шутник бросил монетку в цилиндр, который Уолтер, устремив взгляд вдаль, все еще держал в руке, но монетка упала на дно цилиндра, снабженного мягкой и толстой подкладкой, без малейшего звука, так что шутка оказалась незамеченной.

На улице Парламентской Квину повстречалась похоронная процессия, но он не снял шляпу. Многие из тех, кто составляли похоронную процессию, заметили эту непочтительность, проявленную Волосатиком, но, негодуя в душе, они, конечно же, не позволили себе в тот момент каклибо высказываться. Некоторое утешение они находили в тех знаках соболезнования и почтения горю, которые молча выказывали остальные прохожие. Пусть это послужит уроком всем тем молодым людям, которые несколько обделены чувством сострадания и скорби — при виде похоронной процессии следует снимать головные уборы не столько из почтения к усопшему, сколько из проявления чувства соболезнова-

ния, выражаемого по отношению к живым, но охваченным скорбью утраты родственникам и друзьям покойного. Скоро, ох как скоро, в один прекрасный день Квин, сидя в окружении родных и близких совсем другого покойника, в экипаже, следующим сразу за катафалком, увидит, как у дороги человек, ковырявший землю киркой, откладывает ее в сторону и замирает, а какой-то разнаряженный франт вынимает из карманов руки, и в жестах этих — в откладывании кирки и в вынимании рук из карманов — больше почтительности и утешения, чем в тысяче лилий, брошенных безо всякого проявлении чувств на гроб. Возьмите, к примеру, Белакву, который после перехода Люси в мир иной на постоянное место жительства, выходя на улицу, всегда носил шляпу, дабы при встрече с похоронным кортежем было что снять с головы.

Шафер получил — среди прочих — задание забрать на улице Кротовой автомобиль "морган", скоростной, но очень шумный, который был одолжен на самый важный свадебный период одним из друзей ббоггсов. Стоит ли упоминать о том, что какой-то безмозглый дурак поставил эту машину так близко к тому концу улицы, который обычно заставлен всякими шикарными и худо-

жественного вида машинами, что незадачливый Квин, добиравшийся туда с западной стороны дальней дорогой, спешивший по тротуарам по теневой южной стороне и полагавший, что время терять уже больше нельзя, бегал от машины к машине, выискивая ту, которая, как ему было сказано, имела одно заднее колесо, расположенное по центру. Когда он уже совсем было отчаялся обнаружить искомое по указанной ему примете, он наконец набрел на нее, испытав при этом невыразимое облегчение, почти в самом конце длинного ряда других автомобилей. Радость обнаружения "моргана" была несколько подпорчена одновременным обнаружением группы мальчишек и праздношатающихся, которые рассматривали "моргана" и обсуждали несколько странный вид этого автомобиля и скрытые в нем скоростные возможности. Квин не потерял, однако, головы и, протиснувшись сквозь кольцо любопытствующих, сам стал тщательно осматривать машину — как ему было строго-настрого предписано сделать — в поисках каких-либо посторонних предметов или знаков, которые могли быть прицеплены где-нибудь на кузове машины с целью обозначения — несомненно с наилучшими намерениями — ее свадебного

предназначения, а также возможных надписей непотребного содержания или еще чего-нибудь неприличного. Удостоверившись в отсутствии чего бы то ни было такого, Квин погрузил свое громоздкое тело на борт легенькой машины, которая стала раскачиваться, как утлое суденышко на волнах, отчего экспертные оценки любопытствующей толпы сменились насмешливыми замечаниями и даже откровенным смехом, хотя, поспешим добавить, во всеобщем веселье не принимал участия человек, поставленный наблюдать за припаркованными машинами — он выглядел очень серьезным и внимательным. Квин, сидя на водительском месте, охваченный паникой, лихорадочно размышлял, что же ему делать дальше, и обильно краснея, в полной растерянности взирал на руль, рычаги и педали. Он в общих чертах был знаком с основными принципами включения двигателя и вождения машины, и теперь, комбинируя эти принципы в своем воображении в разных наборах, он безуспешно пытался отыскать ту комбинацию необходимых действий, которая, как можно было надеяться, могла бы привести к желаемому результату. Мальчишки проявили страшное желание подсобить и подтолкнуть машину сзади;

праздношатающиеся предложили привязать к машине трос и таким образом отбуксировать ее в нужное место, а парковочный надзиратель давал советы и предупреждал об опасности нанесения ущерба "кальбуратору" и излишнего "форсирования двыгателя", который, в какой-то момент подло, без предупреждения, завелся. Сзади что-то стрельнуло, машина резко дернулась, сломав при этом услужливому служащему руку. Квин, решив, что у него времени в обрез, ожесточил свое сердце, доведя его до безжалостной непоколебимости Uebermensch'а[195], нажал еще какие-то педали, мотор взревел, и после пароксизма прыжков и рывков[196] Квин, к своему большому удивлению, обнаружил, что он срезает угол улицы Килдар, проносится прямо перед носом автобуса, кото-

---

[195] Примечания: 195

Сверхчеловек (нем.).

[196] Примечания: 196

...и рывков — один из примеров того, как богат и изощрен словарный запас Беккета (а надобно сообщить читателю, что английский язык является самым богатым, в смысле количества слов, далеко опережая ближайшего конкурента — испанский язык); там где у нас "рывок" в оригинале стоит слово "saccade", которое имеет такие значения: резкая остановка лошади одним рывком поводьев; резкое прижимание смычка к струнам, в результате которого начинают звучать сразу две, три или даже четыре струны одновременно; быстрое скачкообрзное движение глаз (при рассматривании предметов); можно было бы, конечно, изобрести слово "саккад" и ввести его в текст, но переводчик не рискнул этого делать, хотя бы потому, что его тоже пришлось бы комментировать.

рый успел, к счастью, лишь содрать номерной знак с хвостовой части "моргана", чем явил не только чистый случай поэтического возмездия и утверждения справедливости, но и обеспечил пострадавшего служащего вещественным доказательством и возможностью найти обидчика и вытребовать компенсацию за нанесение телесного повреждения.

Напомним, что все эти небольшие происшествия и неприятности происходят в Дублине, залитом ярким солнечным светом.

Белаква провел прекрасную ночь, как это случалось с ним всегда, когда он снисходил до того, чтобы приписать ясно обозначенную ценность содержанию своих мыслей — не важно, были они радостные или печальные,— и не проснулся даже тогда, когда Квин с грохотом остановил машину под Белакковым окном ровно в полдень. Жестокие часы уже отбивали полуденный час, а Белаква по-прежнему пребывал в оцепенении. Можно было бы предположить, что в эту спячку его ввергло большое количество алкоголя, выпитого предыдущим вечером в тайне ото всех, однако такое предположение имело бы под собой мало оснований, ибо не счесть, сколько раз бывало так, что он уже и на ногах держаться не

мог, а сон все не шел, а часто и в трезвом виде Белаква никак не мог настроиться на сон, и ворочался, и крутился в постели, и какую бы позу он ни принимал, все никак не мог улечься так, чтоб где-нибудь в теле что-нибудь да не ныло.

Но вот наконец Белаква разодрал веки, глянул красными глазами на Волосатика, воздвигся, принял ванну, побрился, приоделся, и все это в полном молчании и без какой либо помощи со стороны. А вот упакованную сумку Белаква и Квин укладывали в "морган" вдвоем, словно опускали ведро в колодец. Вернувшись к себе в комнату, Белаква разместился перед трюмо и стал разглядывать свое отражение в зеркале.

— А знаешь ли, Кэппер,— задумчиво произнес Белаква, и голос его после столь продолжительного молчания резанул слух,— возлюбленных разделяет совсем малое...

— Да уж, не горная цепь,— согласился Квин.

— Да, и не городские стены,— продолжил Белаква.

Квин, которому почудилось сожаление, прозвучавшее в голосе Белаквы, сделал неуклюжую попытку его утешить — он просто не мог этого не сделать,— но попытка была отвергнута.

— Ты мне лучше скажи, как там у меня сзади,

все нормально? — спросил Белаква, все еще смотрясь в зеркало.

— Ну, ты же сам прекрасно знаешь, что и как там у тебя сзади,— сказал Квин, проявляя, и притом с необычной для него ясностью, независимость своих мнений, равно как и неприятие каких бы то ни было задних видов,— ты гибнешь от того, что тебя слишком много.

Белаква указательным пальцем раздвинул губы и пробормотал:

— Ах, если бы то, что я люблю, встречалось лишь в Австралии...

Квин, обычно готовый поддержать беседу, на сей раз стушевался и этот поворот в беседе никак не продолжил.

— А я вот неустанно ищу,— продолжил Белаква излагать то, что могло почти показаться его ходом мысли,— то, чего никак не нахожу, нигде этого не вижу, где бы не смотрел.

— Vobiscum[197],— прошептал Квин.— Я угадал?

На солнце набежала туча, в комнате потемнело, свет схлынул с зеркала, и Белаква, чьи глаза увлажнились, отвернулся от своего отражения, потерявшего отчетливые очертания.

---

[197] Примечания: 197

С вами (лат.)-, возможно Квин намекает на то, что искомое Белаквой находится при нем самом.

— Помни,— сказал Белаква,— ко мне в моем теперешнем состоянии, когда я, бывший, исчез, а новый еще не родился, приложимо сказанное:

Dum vivit aut bibit aut minxit[198]. Возьми себе это на заметку.

Квакерово отродье!

Уже в машине Белакве пришло в голову, что цветочек в петлице совсем не помешает, а его отсутствие наверняка будет воспринято пусть и не как ложка, но уж точно как наперсток дштя в бочке меда. Поэтому Белаква попросил Квина остановиться у цветочного магазина, нырнул туда и вскоре появился уже с фиолетовой кисточкой вероники, воткнутой в петлицу, да не в том лацкане, что нужно. Квин уставился на Белакву в некотором изумлении. И поразило его не нарушение правил этикета, а то, что, как он только сейчас заметил, Белаква собирался венчаться в перелицованном костюме.

Следующей остановкой была гостиница, это средоточие всякой заразы. Квин переоделся и стал еще больше похож на шелудивого царя зверей. Белаква пообедал луковым пирогом, который запивал пивом, что, как посчитали бы

---

[198] Примечания: 198
Пока живет, или пьет, или мочится (лат).

многие, вряд ли являлось обедом, подобающим человеку, который собирался жениться да еще во второй раз. Однако...

У церкви Святой Тамары, имевшей почти до неприличия много всяких остроконечностей, на паперти плотной стайкой стояли подружки невесты, облаченные в плотно, как перчатки, прилегающие легкие одежды и щеголявшие ужасной волоокостью. К ним присоединились: госпожа ббоггс, приколовшая кисею и букетик невыразительных цветочков, больше похожих на семена, и Уолтер, выглядевший очень неуверенным в себе и одновременно экзальтированным. Морганта и Моргютта, по поводу которых когда-то крайне ядовито высказалась Уна, не под ручку, а одна за другой вышли вперед. Все, пожалуй, кроме Уолтера, оказались прямо-таки ошеломлены мощным луковым запахом, исходившим от жениха. Брайди ббоггс все старалась спрятать лицо в своих цветочках ("Ах, бедная, бедная Тельма!" — словно бы восклицала она), близнецы Клеггс одновременно пунцово покраснели, семейство Пьюрфой дружно отступило в тень, а Уну удержало от высказывания в самых крепких и жестких выражениях, что она по этому поводу думает, лишь крайняя ее неприязнь ко всему

тому, что может называться святотатством или богохульством. А вот Альба Пердью нашла этот запах вполне освежающим. Дурно пахнущий невежа и его верный компаньон проследовали вовнутрь церкви, двинулись по направлению к алтарю и заняли, держа шляпы в руках, место, им предписанное,— один несколько впереди, а другой несколько позади.

Скамьи с южной стороны были обильно заполнены членами и приверженцами клана ббоггсов, а вот скамьи с северной стороны были пустыми за исключением двух гротескных личностей, сидевших на значительном друг от друга расстоянии: одной из этих личностей был Джимми, по прозвищу Гусак Скырм, пожилой кретин, седина которого выглядела как-то особенно нелепо, при галстуке, в пуловере, то скрежещущий зубами, то жующий невидимые бесконечные спагетти; а второй личностью была Гермиона Нойцше, нимфоманка могучего сложения, тяжело отдувающаяся под весом собственных телес и множества черных и розовато-лиловых одежд, зажатых приставленными с двух сторон костылями, временно оставшимися без работы. Несмотря на то, что она всю жизнь везде и зорко высматривала свою сексуальную половину, она

так никого и не отыскала, никто не вошел в сферу ее притяжения, а теперь, когда она достигла таких размеров, что при каждом ее движении все, что было на ней, грозило разъехаться по швам, у нее уже не оставалось надежд осуществить свои, несколько особого свойства притязания. И не подозревала она, какую бурю учинила она в душе Скырма, жующего воздух, бормочущего и сидящего в некотором отдалении позади нее, как раз на нужном расстоянии, чтобы оказаться очарованным.

— Ессе[199],— прошипел, как и было договорено, Квин.

И сердечко Белаквы прыгнуло в безуспешной попытке выскочить, ударилось о стенки темницы, в которой оно было заключено. Церковь для Белаквы вдруг сделалась крестообразной клеткой, небесные сторожевые псы ворвались на клирос, процессия на паперти вот-вот должна была загоготать, трансепты сделались каменными мешками. Органист по-воровски прокрался на свое место и привел в движение все те силы, которые в нужное время должны были, как им и положено, произвести веселый музыкальный

[199] Примечания: 199

"Вот!" (лат.)-, известны слова Пилата, выставляющего Иисуса перед толпой: "Ecce homo" — "Се человек!"

всплеск. Тельма, выглядевшая замечательно и совершенно не к месту в серо-зеленой, в шашечку, юбке с разрезом и с черно-розовыми вставками пике, широким шагом шла по проходу, опираясь на правую руку Отто Олафа, в голове которого с того самого момента, когда он вышел из дому, вертелась песенка, которая никак не хотела отвязаться:

Пей, но понемногу, мой дорогой,
Разбавляй вино чистой водой,
Не пей вообще, если не тянет,
И сила твоя во век не увянет.

Мудрый старина Отто Олаф! Через некоторое время он умрет от тромба и оставит свое гнездо во владение любовнику жены.

Во главе стайки подружек невесты треугольником любопытной конфигурации стояли Альба, госпожа ббоггс и Уолтер, и их перемещения и скорость движения находились в строгой зависимости от перемещений и скорости движения невесты, а выражение на их лицах приводилось в соответствие с таковым на лице Уны, старшей подружки, и в результате подружки невесты и иже с ними двигались быстро, а вид при этом у

них был весьма мрачный. А Уна имела угрюмый вид от того, что она, заметив дигесценцию[200], крайне не вовремя образовавшуюся на вуальке ее шелковой шляпки, оказалась охвачена опасениями, что это может привести ну просто к катастрофическим последствиям и именно в тот момент, когда в соответствии с установками разворачивающейся церемонии ей, Уне, придется принимать у своей гаденькой сестрички перчатки и букет; это грызущее Уну беспокойство в сочетании с ее обычной мизантропией привело к тому, что она сделалась мрачнее самой черной тучи, а у нее соответственно угрюмое выражение позаимствовала и вся остальная бригада невестиных подружек, которые стали выглядеть крайне обозленными и пасмурными. Правда, за исключением Альбы, которую никак нельзя было бы представить с таким выражением на лице, а она, между прочим, в тот день усилием воли постоянно разгоняла разгулявшуюся боль, выбравшуюся из самой глубины ее внутренностей,

[200] Примечания: 200

Дигесценция — биологический термин, означающий: раскрывание, разрыв семенных коробочек, растрескивание плодов и другие подобные биологические процессы; в данном случае — просто разрыв; собственно, по-русски такого термина нет, переводчик его создал на основе английского, поскольку употребить просто "разрыв" — значит, не показать, до каких словесных изысков доходит Беккет в самых, казалось бы, простых ситуациях.

где она обычно пряталась; боль эта давно сделалась неотъемлемой частью ее существования, и Альба была настолько поглощена своей борьбой с ней, с этой болью, что будь она самой невестой, а не в общем-то лишней по счету подружкой на свадьбе, то и тогда она вряд ли бы обращала внимание на происходящее вокруг нее. К тому же Уолтер постоянно находился рядом с ней и пытался развлекать ее разговорами.

Мы не посмеем утверждать, что как раз тогда Белаква пришел к ощущению того, что Бог, воплощенный, как казалось ему, в Тельме, является именно таковым, каковым Его представляют Апостольские Писания, нет, мы не пойдем так далеко. Но даже и не делая таких излишне смелых предположений, надо отметить, что Белакве казалось будто надо всей торжественной церемонией витает некое трудно определимое и трудно улавливаемое мистическое сияние, которое, скажем, Джозеф Смит[201] нашел бы весьма трогательным. Передавая кольцо, Белаква оказался охваченным

[201] Примечания: 201

Джозеф Смит (1805—1844)— основатель Мормонской Церкви; по его собственным словам, у него в юношеском возрасте начались видения, в которых ему сообщалось, что истинная Церковь Христова забрана у людей; потом ему явился ангел и принес книгу с текстом "Книги Мормона", которая якобы дополняет Библию; в свое время Мормоны подвергались преследованиям; в настоящее время главный центр Мормонства в г. Солт Лейк Сити, штат Юта.

странным ощущением того, что он этим простым жестом словно бы ставил себя в весьма опасное положение, и он не замедлил прочитать в уме молитву, в которой просил, чтобы фаланга пальчика его возлюбленной, на которую надевалось кольцо, поскорее бы раздалась до такой степени, что снять этот символ единения и обета хранить семейные узы сделалось бы невозможным, а это, в свою очередь, избавило бы Тельму от неприятного огорчения, в которое она наверняка была бы ввергнута, если бы ненароком прочитала надпись, выгравированную — и не уничтоженную — на внутренней стороне кольца: *Mens mea Lucia lucescit luce tua*.[202] Описывая душевное состояние Белаквы, пришлось бы сказать, что оно было напряженным и сложным (что само по себе никоим образом не удивительно, особенно если мы вспомним о всех тех напастях, обрушившихся на него в относительно небольшой промежуток времени: тяжелую утрату, вынудившую его в знак скорби и траура носить шляпу и в жару, и в холод; его неожиданно вспыхнувшую сладостно-горькую, несколько болезненную страсть к Тельме ббоггс; длительное пребывание в постели

[202] Примечания: 202
Разум мой, Луция, просветился светом твоим (лат.).

с редкими подъемами, приведшее его в весьма жалкое состояние; крепкое пиво с луком; а теперь еще и прибавившееся ко всему прочему ощущение окольцованности и заклейменности внешним и видимым знаком[203]) и его можно было бы сравнить с тем состоянием, в которое впадала его дражайшая бедненькая Люси, когда слушала музыку, бледная и объятая сладостными предвкушениями повтора музыкальной фразы

первой части "Непринужденной симфонии"[204]. Говорите, что хотите, а воспоминаний об усопших под спудом не удержать.

Кстати о кошках — на протяжении всей церемонии Тельма имела какой-то непроницаемый, загадочный вид, какой бывает у кошек, и ее, по всей видимости, никак не задел знаменитый виноградарский отрывок,[205] который до такой

---

[203] Примечания: 203

Знак — т.е. кольцо.

[204] Примечания: 204

..."Непринужденной симфонии" — возможно, имеется в виду "Неоконченная симфония" Шуберта № 8 си минор (1822 г.).

[205] Примечания: 205

...знаменитый виноградарский отрывок — Беккет, видимо, имеет в виду Псалом 127, 3 — "Жена твоя, как плодовитая лоза в доме твоем".

степени смутил, а точнее, рассердил Белакву, что его тарелкообразная физиономия сменила свой обычный грязновато-белый цвет на пунцовый, а затем вернулась в свое исходное цветовое состояние, пройдя при этом лиловато-пепельную стадию. Может быть, ему воспользоваться первой же представившейся возможностью и... окурить невесту серой? Так, чтоб уж наверняка? Нет, это было бы низко и подло по отношению к человеческому простодушию и невинности... А собственно, наверняка что?.. Нелепость происходящего, музыка и слова как muscae volitantes[206] вызвали его на обильные насмешки и глумление, которые окончательно бы разрушили святость таинства венчания, если бы священник не проявил должное хладнокровие и не предпринял действия, сгладившие Белаквову грубость и несдержанность...

Кстати о руках — Тельмова правая рука, порхавшая с превеликой легкостью, руководила литургическим пением, предписанным для брачной церемонии, с такой легкостью, что совершенно заворожила хор. Младший священник клялся потом, что ему доводилось видеть такое

---

[206] Примечания: 206
Летающие мухи (лат.).

изящество рук лишь в Музее Скульптуры Родена и больше нигде, а клирику-служке ее руки напомнили знаменитый рисунок рук Дюрера; священник почему-то вспомнил о своем собственном бенефиции[207], а Белаква, постанывающий от того, что приходилось крутить глазами в разные стороны и производить разные жесты, да еще в течение такого длительного времени, оказался пристыженным Мопассановой уничижительной фразой: он страдал филлоксерой[208] духа.

И вот наконец жених и невеста дали свое согласие, безо всяких оговорок, пребывать веки вечные в люби и согласии, и выкрикнули последнее "да", а исполнение Отто Олафом эпиталамы

> *Возрадуйся, внушающий трепет Отец,*
> *Замуж выдающий дочь свою, красную девицу!*

---

[207] Примечания: 207

Бенефиций — в католической церкви доходная должность или земельный участок, полученные духовным лицом как вознаграждение.

[208] Примечания: 208

Филлоксера — насекомое, вредитель винограда, питается соком листьев и корней.

столь тронуло Сиднеевское сердце[209] Скырма, что он переместился — к обоюдной радости или огорчению сказать трудно — на ту скамью, на которой, словно на бревне, сидела Гермиона, и под предлогом заявленной "сродственности душ", с такой быстротой, свиноподобной жадностью и похрюкиванием добился ее расположения, что это вызвало бы отвращение и неприязнь у любого приличного человека, не знакомого с явлением кристаллизации[210]. Церемония венчания подошла к концу, все, что положено, было выполнено, подписи, где положено, поставлены, лобызания завершены, и казалось, органист едва успел привести свой инструмент в рабочее состояние и сыграть лишь первые аккорды, как все уже стали расходиться. Госпожа ббоггс вернулась домой и принялась снимать кисею

---

[209] Примечания: 209

...Сиднеевское сердце — кто именно из аристократического семейства Сиднеев имеется в виду, сказать трудно, особенно заметную роль это семейство играло в XVI—XVII веках; Филипп Сидни (Сидней) из этого рода оставил по себе особую память как один из выдающихся военачальников и литераторов времен Елизаветы I; может быть, имеются в виду его сонеты "Стелле", которые он писал и после женитьбы на другой.

[210] Примечания: 210

...с явлением кристаллизации — одна из теорий отношений между мужчиной и женщиной, согласно которой для "вызревания кристалла любви" необходимо время.

со всяких Delikatessen[211], Альба отправилась с Уолтером на такси, Отто Олаф и Моргютт поехали на трамвае, две гротескных личности как-то добрались, но как именно, они не могли бы сказать, а подружки невесты, все, за исключением Уны, которая благоразумно завернулась в плащ и выклянчила у кого-то, чтобы ее подвезли,— так вот, все они, похожие на девочек-скаутов или на молоденьких добродушных ведьм, стайкой пропорхали по шумным улицам, завешенным аляповато яркоцветной рекламой.

В жизни так часто случается, что на первый взгляд нечто совсем незначительное оказывается весьма важным.

Сказать, что гостиная была переполнена народом — это не сказать ничего. Плотность наполнения помещения гостями была столь высока, что любое движение представлялось затрудненным. Отто Олаф оказался в особо ужасном положении, наихудшем из возможных, причинявшем ему тяжелые муки — он с трудом мог различить среди тел свою любимую мебель, он чувствовал, как он

---

[211] Примечания: 211

Слово это записано именно по-немецки, хотя имеется и английское слово (разница: вместо "к" — "с"), правда, с несколько другим значением; по-немецки — это прежде всего именно деликатесы или сладости, а по-английски — это и колбасы, и сыры, и уже приготовленные салаты (т.е. продукты вроде тех, какие можно купить в наших Кулинариях).

страдает, и, что особенно ужасно, понимал, что не может прийти к ней на помощь.

В собравшихся, стоящих неправильными спиралями и ожидавших первой возможности двинуться, было нечто столь яркоцветное и сочное, нечто такое закрученное, что у Вальтера волей-неволей и мало-помалу в мозгу стало всплывать некое сравнение с фреской Беноццо[212], и он об этой возникшей ассоциации не замедлил сообщить Альбе отвратительно высоким голосом.

— Да, ослы и все прочее,— ответствовала Альба с неописуемой горечью.

Уна топнула ногой подобно тому, как топают вожаки овечьего стада, и подобно ведомым овцам все присутствовавшие повернули к ней головы с несколько испуганными выражениями на лицах... Ей уже к этому времени удалось каким-то незаметным образом придать видимость цельности своей вуальке, но теперь у нее появились уже другие основания для недовольства, а именно: новобрачные, которые должны были

[212] Примечания: 212

Беноццо Гоццоли (настоящее имя Беноццо ди Лезе ди Сандро) (1420—1498)— итальянский художник эпохи Возрождения, особо прославился своими фресками, изображавшими всяческие нарядные процессии, например "Поклонение Волхвов"; в процессиях этих появляются разные вьючные животные, в том числе и ослы; это делает более понятной следующую строкой ниже ремарку Альбы про ослов.

прибыть домой первыми с тем, чтобы встречать гостей и прини-

мать поздравления, как оказалось, еще не прибыли! В результате чего все замерло. Собравшиеся в гостиной не могли развернуться и двинуться, как это было предусмотрено поздравительной процессией, так как отсутствовал ведущий, который мог бы их возглавить и направить в нужное русло, а раз так, то зажатые в плотную массу дамы и господа, многие из которых друг друга вообще не знали, не могли привести главную пружину, раскручивающую спираль, в действие и соответственно не могли высвободиться из человеческих тисков. Но пусть же наконец новобрачные, манкирующие своими обязанностями, появятся и займут свое, предназначенное им место, и посмотрите, тут же, словно по мановению волшебной палочки, толчея в гостиной рассосется, люди потекут мимо вступивших в брак, радостно и весело направляясь в столовую. Принимать пищу, правда, им придется стоя. Но прежде чем наша парочка объявится, сколько слюны пропадет понапрасну!

— Приподнимите меня, господин Квин! — крикнула Уна, в гневе своем начисто позабывшая о всякой осторожности.

Волосатик в смятении глянул на бюст своей напарницы, которая, как и он, должна была выполнять распорядительские функции. Они вдвоем пребывали в самой гуще свадебной толчеи и располагались сразу за госпожой ббоггс и Скырмом, который, в свою очередь, упивался разглядыванием массивных боков Гермионы, столь разительно похожих на огромные свиные копчености; Гермиона провисла и зависла между своими костылями, словно бы ноги ее уходили в зыбучий песок; Отто Олаф дрожал всем телом и каждой конечностью — на все это в смятенном трепете взирал Квин, одновременно выискивая глазами то место на Уне, за которое можно было бы ухватиться и которое должно было отвечать двум требованиям: оно должно было быть достаточно удобным для поднятия Уны вверх и одновременно таким, чтобы Квину не пришлось выйти за рамки приличия. Очевидно, ему следовало осуществить нечто вроде нельсона или балетной поддержки, но, размышляя надо всем этим, он так и не сподобился спросить, зачем, собственно, ей понадобилось быть поднятой.

Но прежде чем он, краснея, потея, сопя, приступил к неловкому исполнению этой просьбы, а исполнив ее, наверняка допустил бы непозво-

лительную оплошность, из прихожей донесся громкий шум, над которым взвивался голос Белаквы, выкрикивающего ругательства. Ага, наконец прибыли новобрачные, но явились они в сопровождении самого настоящего полицейского — причем наивысшего ранга — и пострадавшего служителя автомобильной стоянки, белого как мел и державшего в несломанной руке автомобильный номерной знак, благодаря которому были разысканы Белаква и семейство ббоггсов.

Отто Олаф изловчился и, прицелившись локтем в пространство между поперечинами костыля Нойцше, сумел нанести тычок в телеса Гермионы, чем привлек наконец ее внимание. Добившись своего, он прохрипел разрушенным голосом:

— У меня очень слабое правое легкое. Гермиона издала писк притворного ужаса.

— Но зато мое левое легкое,— бодро выкрикнул Отто,— в прекрасном состоянии! Не хуже церковного колокола!

— Полагаю,— поспешила обратиться к Джеймсу Скырму госпожа ббоггс, которой показалось, что Скырм намеревается храбро вступиться за Гермиону, женщину, в которой он нашел духовное родство (на эту мысль ее навело бурное движение различных выступающих частей его лица),— и

считаю, и думаю, что я права, что господин ббоггс в своем собственном доме волен делать и говорить все, что ему заблагорассудится.

Джеймс, выслушав госпожу ббоггс и согласившись с ее неопровержимым аргументом, тут же подчинился правилам дома ббоггсов.

Сбитая набекрень кепи служителя, ее зеленый околышек, золотая кокарда на тулье, столкновение белого и черного цветов в его непослушных волосах, торчащих во все стороны из-под кепи, а также размеры его лба произвели на Уолтера такое сильное впечатление, что он тут же закрыл глаза, чтобы .мысленно отправиться в Пизу. У этого ирландца, проникнутого итальянским духом, сила вызывать мысленные образы была поразительно велика, и если его пьеса "Мечтания о Пригожих и Невзрачных Женщинах", которая в течение десяти или даже пятнадцати лет пребывала в состоянии limae labor[213], когда-нибудь будет поставлена — что, по утверждению Уолтера, обязательно, рано или поздно, но обязательно произойдет,— нам непременно следует пойти и посмотреть ее.

Белаква крайне злобно поносил того, кто со-

---

[213] Примечания: 213
Работы напильника, оттачивания (лат.).

бирался его "увести для выяснения", и того, кто обвинял его в нанесении ему "тяжелого телесного повреждения". Отто Олаф, желавший во что бы то ни стало установить в своем доме мир и порядок, прорвался сквозь толпу на помощь Белакве; за ним удалось пробиться и Кэпперу Квину, который воспользовался возможностью сбежать от Уны, хотя и с трепещущим сердцем, но с чистою душой. Служителя совместными усилиями довольно быстро приперли к стенке и заставили сознаться в том, что он получил свое "телесное повреждение" не в ходе выполнения своих прямых служебных обязанностей и не во время оказания помощи, о которой его просили, а лишь в результате проявления им совершенно излишнего рвения, которое, как можно не сомневаться, проистекало из жадности и желания получить чаевые.

Был проведен сбор денег, и быстро набралась небольшая сумма, которую, как было заявлено, никоим образом не подлежало рассматривать как компенсацию за нанесенный ущерб, но которую из чисто благотворительных побуждений передали пострадавшему как вспомоществование. На этом инцидент был исчерпан.

— Я очень сочувствую этому несчастному,—

заявил Уолтер,— У меня прямо сердце кровью обливается.

— Ничего страшного не вижу,— бросила Альба.— Он, что, не застрахован?

И тут ей в голову пришла неожиданная мысль.

— Проводите меня домой,— сказала она Уолтеру тоном, не терпящим возражений.

Уолтер начал пояснять ей, что его пригласили сюда, на свадьбу, для того, чтобы он произнес за-стольную здравицу в честь молодоженов, но что по завершении этой миссии, он был бы более чем счастлив проводить ее — если, конечно, ее предложение будет оставаться в силе — домой; и пойти они могли бы кружным путем, совершая длительную прогулку, а он просто обожает прогулки...

— Я никогда не делаю никаких обещаний,— отрезала Альба.

Свадебный обед оказался большим разочарованием для всех — и выпить было мало, и закуска скудная. В какой-то момент Белаква закрыл глаза, и перед его мысленным взором предстала пивная бочка. Видение было столь реалистичным, что к бочке захотелось прильнуть. Перешли к сладкому, а Тельма вдруг отказалась нарезать большой торт на порции. Странная, однако, девица, эта

Тельма. На нее насели Уна и мать, а она обратилась за поддержкой к мужу. Подумать только — Белаква теперь ее муж! Его совет, как приходится честно признать, данный после того, как он хотя и с большим трудом, но наконец понял, что от него хотят, сводился к тому, что раз уж все так настаивают, то без дальнейших пререканий следует "взять и разрезать эту дурацкую штуку". Войдя во вкус, Белаква стал призывать Тельму продержаться еще немного, "уже недолго осталось", "скоро все закончится". То, что начиналось как поспешный ответ на просьбу дать совет, который, к тому же, не предполагал участливого внимания всех собравшихся, переросло в обыкновенную беседу тет-а-тет, и когда наконец Тельма вознамерилась "взять и разрезать эту дурацкую штуку", то обнаружила, что торт уже расхватали и от него остались лишь исковерканные кусочки. А торт этот, между прочим, был сверху для украшения посыпан апельсиновыми цветками. Подобрав пару цветков, ускользнувших от внимания тортопожирателей, она спрятала их у себя на груди. Она решила, что схоронит их в самом дальнем уголке шкатулки и будет хранить до самого своего последнего вздоха рядом с двумя орхидеями и Белаквовым цветком вероники.

Что бы там ни было, а она сбережет эти проявления любовной преданности и страсти! Vogue la galere![214] Да, безжалостное время превратит эти цветы в пыль, пусть, но и в таком виде они будут принадлежать ей вечно. Весьма и весьма странная девица, эта Тельма.

Уолтер взобрался на оттоманку в стиле ампир[215], столь любимую Отто Олафом, вытер подошвы своих ботинок о обюссоновский[216] ковер, укрывавший эту антикварную тахту, цокнул по краю своего бокала, наполненного золотистым шампанским, металлическим веничком для размешивания шипучих напитков в целях удаления из них пузырьков, призывая этим к тишине, и когда она установилась, начал свою речь и вел ее так монотонно, словно щелкала собачка по зубьям храпового механизма (как известно, храповик допускает вращение только в одну

---

[214] Примечания: 214

Идиоматическое французское выражение (досл.: "плыви, галера!"), обозначающее: во что бы то ни стало; как бы то ни было.

[215] Примечания: 215

Стиль ампир — можно сказать, что то был стиль эпохи Наполеоновской империи, проявившийся особо ярко в одежде и мебели, когда несколько подражали древнеримскому императорскому стилю.

[216] Примечания: 216

Обюссон — ковровое изделие, изготовленное в городе Обюссон во Франции; такие изделия обладали своим особым рисунком и цветом с преобладанием голубого.

сторону, и точно также речь Уолтера текла лишь в одну сторону, не допуская никаких изменений сказанного). А сказал он вот что:

— Одна дама, член Нижней Палаты и к тому же, если изъясняться языком закона, феме коверт, то бишь замужняя женщина, поднялась со своего места на ноги — а ступни у нее были особо большого размера, ибо по происхождению она была исконная дублинка, а еще Свифт порицал ирландских женщин за то, что те совершенно не обращают внимания на свои нижние конечности, которые, по словам Свифта, вообще ни на что не годятся — их бы впрямь снять да выбросить! — так вот, та дама, о которой я начал вести речь, встала и заявила — между прочим, существует официальная запись ее слов: "Я скорее совершила бы адюльтер, чем позволила бы себе проглотить хоть одну каплю какого бы то ни было опьяняющего напитка". На что один из Лейбористов, взращенный на традициях этих Трудовиков, в прошлом грубый булочник, ответил так: "А что, сударыня, разве все мы не поступили бы точно так же?"

Этот вступительный пассаж оказался столь перенасыщен всякими вставными предложениями, что трудно было ожидать всеобщего

восторга и поддержки. А вот Отто Олаф разразился безудержным и даже немножко истерическим смехом, правда, не сразу же, а через несколько минут. Истерическое настроение вызывалось у Отто Олафа созерцанием Уолтера, бесцеремонным образом обращающимся с фантастической обивкой его, Отто Олафа, драгоценной мебели. А что этот Уолтер выделывал с коврами, топая по ним, словно он был каким-то диким животным, посаженным в клетку и мечущимся из угла в угол, или каким-нибудь там политиком, выступающим на предвыборном митинге,— все это столь сильно действовало на нервы Олафа, что сердце его быстро наполнялось злобой и безумным гневом.

— "*Il faul marcher avec son temps*"[217],— заявил депутат от крайне правых,— продолжал свою речь Уолтер,— "*Cela depend,*— ответил Бриан[218] на реплику депутата от правых со своей замогильной улыбочкой,— *dans quoi il marche*".[219]

---

[217] Примечания: 217

"Следует идти в ногу со временем" (фр.).

[218] Примечания: 218

Аристид Бриан (1862—1932)— французский политический деятель; в период с 1909 по 1929 г. несколько раз был премьер-министром Франции; выдвигал план создания "Соединенных Штатов Европы".

[219] Примечания: 219

"Это зависит от того, в каком направлении идешь".

Поэтому не терзайте меня, Herrschaften[220], своими вопросами и запросами, потому что это может окончательно прикончить меня.

Уолтер склонил голову, как пеликан после длительного путешествия, подкрутил кончики ужасающих усов, переступил с ноги на ногу, пошаркал ногами как человек крайне смущенный тем, что его застали за каким-то позорным или постыдным занятием.

— Похоже, что он просто не в своем уме,— пробормотала дама, возглавлявшая фракцию добропорядочных женщин.

Отто Олаф начал подбираться поближе к стойке с пудингами.

Уна демонстративно уселась на пуф.

— Уведомьте меня, когда он снова начнет,— сказала она, ни к кому конкретно не обращаясь.

Взгляд Тельмы шнырял по столу в поисках апельсиновых цветков, Белаква не спускал глаз с Тельмы, а Альба не сводила взора с Белаквы. Джеймс и Гермиона, осмелевшие после выпитого, разглядывали себя в зеркало трюмо времен Регентства (начало XIX века). Госпожа ббоггс маневрировала, перемещаясь так, чтобы

---

[220] Примечания: 220
Высокородные господа (нем).

занять позицию, удобную для наблюдения сразу и за мужем, и за любовником. В углу стоял возвышавшийся над толпой на целую голову, здоровенный, одетый в цивильное полицейский, обычно приглашаемый на подобные сборища, и читал газетку. В другом углу рядом оказались две общительные личности.

— Похоже, тут все упились,— сказала одна личность.

— Да, местечко тут ничего, освещение хорошее,— ответствовала другая.

Если быть справедливым по отношению к Уолтеру, то следует отметить, что его непривлекательная, чтобы не сказать больше, внешность совсем не означала того, что и внутренний его мир был столь же непригляден; если бы заглянуть к нему вовнутрь, то там можно было бы найти и умилостивление, и киот завета, и Шекину, и его душу, облаченную в сверкающую броню, и раны его, омываемые и перевязываемые Альбой-Моргеной[221], глядящей на солнце, так неудачно заходящее в голубое мелководье... Вздрогнув,

[221] Примечания: 221

Альба-Моргена — видимо, имеется в виду фея Моргана из легенды о короле Артуре. В ранних вариантах легенды Моргана, владевшая искусством врачевания как ученица Мерлина, излечила Артура от ран на своем острове.

Уолтер вернулся от своих грез к реальности и, сбросив с себя уныние, внезапно накрывшее его, словно плащом, произнес первое, что пришло ему в голову:

> — *Semper ibi juvenis cum virgine, nulla senectus*
> *Nullaque vis morbi, nullus dolor...*[222]

Госпожа ббоггс, уже успевшая содрогнуться от запоздавшего смешка Отто Олафа, напряженно следила за его продвижением по направлению к горке пудингов на стойке, и когда Отто, добравшись к заветной цели, неожиданно открыл по своему врагу беглый огонь пудингами, то это никого особенно не удивило. Уолтер, однако, легко защитился от этих снарядов, не способных нанести серьезного вреда; один из них он даже изловчился перехватить в полете и тут же съесть, а силы и вместе с ними ярость престарелого Отто Олафа быстро иссякли. Уже к тому времени его кровеносные сосуды были весьма изношены, а вспышка неистовства на свадьбе Тельмы положила начало их быстрого дальнейшего распада,

---

[222] Примечания: 222

Навсегда там юность и невинность, без старости / без болезней, без боли и страданий... (лат.).

приведшего, как упоминалось ранее, к роковой развязке в результате закупорки одного из сосудов тромбом.

— Я поднимаю сей бокал,— торжественно произнес Уолтер, отнюдь не пострадавший во время обстрела, но тем не менее ради предосторожности выставивший перед собой руку с бокалом как щит,— я поднимаю сию чашу, наполненную до краев великолепным шампанским, от имени и по поручению всех тех, кто здесь присутствует, и всех, кто хотел бы здесь присутствовать, но не смог по причине преклонного возраста, тяжкой болезни или делового свидания, которое уже нельзя было отменить, за тебя, драгоценная Тельма, милая сердцу всех нас, и за вас, господин Шуа, столь любимого Тельмой, а от нашей любви к ней, любимого, как я это чувствую, и нами, и желаю вам, стоящим на пороге блаженства, всех тех свершений — телесных, земных и всех прочих,— которые вы сами себе желаете!

Уолтер бурно поболтал метелочкой в бокале, изгоняя пузырьки, резким движением, словно нанося себе апперкот, поднес бокал к губами и осушил его на две трети.

— Я закрываю очи свои,— продолжил Уолтер, вперив взгляд этих очей в госпожу ббоггс и ставя

бокал зуда, откуда он его взял,— и вижу я наших новобрачных на одном из островов блаженных: то ли на Авалоне[223], то ли у Гесперид[224], то ли в Атлантиде, не все ли равно, на каком из них, блаженствующих в объятиях совершенной любви, соединенных как Сиамские близнецы, наслаждающихся счастьем пребывания на лоне райской природы. О, пусть та звезда, то светило, та суть их желаний и устремлений — не моя звезда, друзья мои, и не ваша, ибо, как говорил Апостол Павел, звезда от звезды разнится в славе[225], приносит им нескончаемые законные радости!

Уолтер одним махом допил то, что оставалось в бокале.

— Да порадует их Гименей своими славными дарами, да поможем мы сохранить счастливые

---

[223] Примечания: 223

Авалон — в кельтской мифологии "остров блаженных", потусторонний мир, чаще всего помещаемой на далеких "Западных островах"; именно на Авалоне, по средневековым представлениям, вечно пребывают в счастии и согласии король Артур, Фея Моргана и некоторые иные герои Артуровского эпоса.

[224] Примечания: 224

Гесперииды — в греческой мифологии нимфы, обитающие на берегу реки Океан на крайнем Западе. Охраняют золотые яблоки вечной молодости.

[225] Примечания: 225

Первое Послание Коринфянам, 15:41.

плоды их, отныне и во веки веков! Слонте[226], как мы говорим по-ирландски!

На этом завершилась речь Уолтера, и окончание ее все собравшиеся признали вполне достойным, учитывая то, какой плохой оказалась сама речь, но поскольку Уолтер оставался стоять на оттоманке в позе оратора, довольного своим выступлением и упивающегося аплодисментами, которыми его — из вежливости — наградили, Белаква решил, что вот-вот воспоследует продолжение, и даже вздрогнул, когда услышал капризный голос Уны, которую даже малейшее промедление в чем бы то ни было ввергало в страшный гнев и которая явно обращалась к нему с призывом сделать то, что от него требуется, а именно произнести речь, положенную жениху.

— Ну, а теперь, попросим господина Шуа... Господин Шуа! Мы ждем! Господин Шуа!

Это гадкое подстегивание привело к тому, что Белаква принял приглашение сказать свое слово со значительно меньшей сердечностью, чем ему хотелось бы. И произнес он свою речь с того места, на котором стоял, и таким голосом, которым он особо хорошо владел.

---

[226] Примечания: 226
Ваше здоровье! (англ-ирл).

— Ну что ж, правда, вот так, сразу, экспромтом... Прежде всего я хотел бы выразить благодарность госпоже Уне ббоггс, да позволительно мне будет так к ней обратиться, за напоминание, как всегда очень своевременное; господину Драффину за потоки добрых пожеланий, выраженных изящным мейозисом[227]; господину и госпоже, фамилия которых так мило начинается с двух маленьких "бэ", за их щедрость и изобилие угощения; всем подружкам невесты и особо их главе, за столь умелое выполнение всех тех хлопотных обязанностей, которые на них были сегодня возложены; Скырму и Нойцше, которые, как мне радостно видеть, не воспользовались представившейся возможностью, как они это вполне могли сделать; моему другу, шаферу, и вообще отличнейшему человеку, Кэпперу Квину, известному также под прозвищами Малютка и Волосатик, который денно и нощно поддерживал и меня, и многих других, и оформление духовного тела которых, я полагаю, с достаточной долей уверенности можно считать fait accompli[228]; всем служителям

---

[227] Примечания: 227

Мейозис — риторический прием, заключающийся в том, что о чем-то говорится значительно более сдержанно, чем оно того заслуживает.

[228] Примечания: 228

Свершившийся факт (фр).

церкви, где сегодня имела место быть наша торжественная церемония; аббату Габриэлю особо; и всем тем, кто был столь любезен и нашел время прибыть на церемонию, поприветствовать, засвидетельствовать и прочее, и прочее, и позволить себя вовлечь в круговерть сегодняшних событий. Эле-лё! Жу-жу![229]

В толпе гостей исследователь Плутарха оказался рядом с физиком, исповедующим самые последние достижения физической науки.

— Если кратко подсуммировать, этим он открыл свою глубинную сущность,— заявил первый.

— Да, этот симметричный двустворчатый мир,— глубокомысленно проговорил второй.

Взгляды их встретились, и глаза наполнились слезами.

Если и был какой-то малый шанс того, что речь Белаквы принесет некоторое удовлетворение слушающим, то он, шанс то есть, начисто улетучился оттого, что, как тут же было подмечено, Белаква загибал очередной палец при упоминании очередного человека, которому следовало выразить благодарность. Никто вслух никаких

---

[229] Примечания: 229

Жужу — французское детское слово, означающее "игру", "играть"; можно предположить, что Белаква призывает гостей веселиться.

замечаний не высказал, однако же все своим видом и вздохом облегчения, когда он закончил, дали по нять, что они думают по этому поводу. Тельма демонстративно прошествовала к двери в сгустившейся атмосфере молчания и легкого шока, от крыла дверь и закрыла ее за собой, хотя и без стука. Такое независимое проявление неудовольствия выдернуло почву из-под ног Уны, которая вознамеривалась с максимально возможным шумом усесться на свой пуфик как раз в тот момент, когда в ее услугах возникла особо острая нужда, и тем самым проявить свое пренебрежение к невесте.

А вот Квин, напротив, будучи до конца верным своим обязанностям шафера, подскочил к Белаквe, готовый исполнять Белаквовы просьбы.

— Незаметно выйди из дому,— шепнул ему на ушко Белаква,— и подгони машину к черному входу, ну к тому, что выходит на проулок Датский.

А тем временем гости, явно чувствуя себя неловко, уже выходили из столовой в гостиную. Уолтер и Отто Олаф, выступая как противники, затеяли какую-то дурацкую игру, вроде пятнашек, вокруг личности Альбы, причем Олаф сразу оказался явно более слабым соперником. Замыкали ис-

ходящую процессию Гермиона, расползшаяся в глубоком, как могила, кресле на колесиках, и Джеймс, который толкал кресло сзади. Этот гротескный экипаж затормозил, а потом и вовсе остановился в узком коридоре по причине того, что пассажирка выставила одну ногу и уперлась ею в пол, сделав это по кокетству или потому, что ногу свело,— мы этого точно не знаем и предоставляем решать эту загадку самим читателям.

— Джим, мои костыли остались в столовой,— уведомила Гермиона Скырма.

Джим отправился назад за костылями. Уолтер отступил под прикрытие Гермионы, но Альба отправила Отто Олафа от себя куда подальше. Джим вернулся с костылями, Гермионе, хоть и с трудом, но все же удалось выбраться из могильно-глубокого кресла и взгромоздиться на костыли, а Уолтер тем временем присоединился к Альбе. Так они и стояли в коридоре, все четверо, обсуждая то да сё, способы и пути, поначалу раздельно, а потом, когда невольно услышав, что тема обсуждения совпадает, стали обсуждать все вместе. Четыре головы лучше, чем две, а восемь голов лучше, чем четыре, ну и так далее.

По истечении весьма продолжительного промежутка времени, достаточного, по мнению

Белаквы, для соблюдения приличий, он извинился и, сказав, что ему нужно отлучиться на минутку (подобный же трюк, если читатель помнит, он как-то раз проделал с Поэтом в баре "Гросвенор"), выскочил из комнаты, взлетел по ступеням вверх, нашел свою невесту, ухватил ее за руку, как лихой казак, и потащил по нехоженым лестницам черного хода вниз в сад, который примыкал к задней стороне дома. Отворив замок калитки в заборе ключиком, который ему в свое время вручила Тельма, наивно полагая, что это облегчит ему ухаживание на ранних стадиях их знакомства, Белаква вывел Тельму на узкую улицу. Он уже собирался закрыть за собой калитку и отряхнуть с ног своих пыль места, к которому он питал такое отвращение, когда какой-то сдавленный оклик, прилетевший из глубины сада, остановил его. Приглядевшись, Белаква увидел, что оклик издавала неугомонная и необузданная четверка: Гермион, Альба, Уолтер и Джеймс, которые, обливаясь потом и умоляя подождать их, тоже совершали побег.

Белаква в полном замешательстве замер на месте, неподвижный, как деревянный чурбан. Он оказался охваченным странным чувством, что нечто подобное с ним снова произойдет во

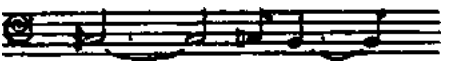
сне или в иной, чем нынешняя, жизни. Выйдя из своего кратковременного оцепенения, Белаква, чтобы не загораживать проход, отступил в одну сторону от калитки, а Тельма в другую. Глядя на то, как беглецы рвутся в проем распахнутой калитки, словно штурмуют двери переполненного трамвая, Белаква молча, про себя повторял одну и ту же фразу: "Любимые по праву должны жить..." Именно с того момента он, глядя из будущего в прошлое, отсчитывал резкую и почти полную потерю интереса к самому себе, глядя на себя так, как лисица из басни глядела на гроздь винограда, находившегося вне пределов ее досягаемости.

А в доме уже был подан сигнал тревоги: Уна верещала так, что, казалось, она вот-вот лопнет от собственного визга, в окнах, как чертики на пружинках, стали появляться головы любопытствующих, любители пообщаться — и полицейский в штатском — выскочили в сад. Белаква, краем глаза заметив Квина, спешившего к нему, надо думать, с сообщением о выполнении задания, неожиданно схватил его и швырнул навстречу преследователям так, как когда-то китобои для отвлечения внимания разъяренного кита швыряли в море старую пустую лодку, потом тут же захлопнул калитку и закрыл ее на

замок с внешней стороны. Вглядевшись, он увидел совсем рядом стоявшего у бровки "моргана" и, подхватив жену под руку, повлек ее к машине. Им удалось усесться в ней достаточно быстро, хотя и произвели они при этом очень много шуму.

Четверо же других, спасшихся из дому ббогг-сов, не чувствовали себя в безопасности, пока не добрались до проулка Капелла, где была расположена отличная кенотека[230]. Там уж их никто не стал бы разыскивать.

Atra cura[231] Люси незримо присутствовала на заднем откидном сиденье машины большую часть пути в Гэлвэй.

По пути остановились, чтобы чего-нибудь выпить. Тельма, оказавшаяся как всегда не с той стороны Белаквы, с которой ему бы хотелось, чтоб она находилась, стала объявлять во всеуслышание, что вот теперь она "госпожа Белаква" и к ней посторонние должны обращаться именно так, и сердечко Белаквы нехорошо защемило.

---

[230] Примечания: 230

Кенотека — слово состоит из двух греческих корней, первый из которых обозначает нечто пустое (kenos), а второй — некое хранилище (theke).

[231] Примечания: 231

Сумрачная забота (лат.).

Он повернул к ней голову, и на лице у него было такое выражение, какого ей никогда еще не приходилось видеть.

— Ты что-нибудь слышала о бабилане? — спросил Белаква.

— Я не поняла — о чем о чем? — несмотря на странное выражение на лице Белаквы смело переспросила Тельма. О, она была храброй девочкой.

Белаква принялся старательно называть это слово по буквам.

— Нет, никогда ничего такого не слышала. Не знаю, что это такое. Это что, еда какая-то?

— Нет, это к бабе, ромовой например, не имеет никакого отношения.

Белаква ощутил резь в глазах и, закрыв их, увидел под веками видение, которое являлось его мысленному взору и раньше, но теперь оно выглядело четче и реальнее, чем когда-либо раньше: мул, стоящий по колени в топкой грязи, а на спине его сидит бородатый карлик, похожий на бобра, и лупит мула по бокам деревянным мечом.

А Тельма, которая была не только храброй девочкой, но еще и скромной и созерцательной, спросила:

— У тебя в петлице был цветочек, вероника, я так хотела его сохранить. Где он?

Белаква хлопнул себя рукой по тому месту, где должен был находиться вдетый в петлицу цветок. Увы, увы, в какой-то момент, в какой именно — осталось неизвестным, кисточка цветка поникла, стебелек червячком выскользнул из петельки, упал на землю и был безжалостно, хоть и не преднамеренно, растоптан.

— Переместился в мир иной,— сказал Белаква.

И они отправились дальше.

BILLET DOUX[232] СМЕРАЛЬДИНЫ[233]

Мой возлюбленный Бел, Бел, любов моя, сегодня мой и навеки мой!

Письмо твое всьо намочено сльозками и ничево другова как смерть не остаеца. Я сама горька плакала и плакала и плакала! Сльозы, сльозы, сльозы и больше ничево! А потом твойе письмо пришло, а в нем еще сльозы, а после того как я прачла и читала снова и снова, у меня лицо всьо было в чирнилах. И сичас сльозки текут по моему лицу. Сичас рано утром, совсем рано, сонце только встает, поднимайеца за чорными

---

[232] Примечания: 232
Любовное письмо fфр).

[233] Примечания: 233
Billet doux Смеральдины — письмо стилизовано под текст, написанный человеком, знающим английский фактически как родной, но никогда не обучавшимся английскому правописанию (которое действительно весьма нелепо и невероятно далеко стоит от произношения; правил, которые регулировали бы написание слов, по существу, нет) и соответственно записывавшим все, так сказать, на слух; в переводе сделана попытка воссоздать такую речь; судя по всему, в момент написания письма Смеральдина находится в Германии, откуда, как можно заключить из самого текста, она родом; в романе она появляется снова лишь в последней главе; подчеркнем еще раз: по-английски она изъясняется совершенно свободно, не знает лишь как записать английские слова; вставляет по ходу немецкие фразы.

деревами, скоро всьо паминяеца, небо станет голубым, а дерева станут залатистакаричневыми, но одна толька вещ не миняеца — эта боль и эти сльозы. Ах Бел, люблю тебя страшно, хочу тебя страшно, хочу тваего мягкаво тела белова тела Nagelnackt![234]Тело мое хочит твоево тела, страшно хочит, аж кричит всьо — хачу!!! Руки мои и губы мои и сиськи мои и всьо остальнойе что у миня есть хочут тебя, иногда мне трудно сдержать обищанье но пока обищанья своево не нарушила и не нарушу! Буду ждать тебя и когда мы наканец встретимса я смогу обладать тобой мой Geliebte![235] Что больше: боль разлуки когда мы далеко друг от друга или боль близкости когда мы вместе и плачим от красоты друг друга? Думаю что второйе больше а то мы оставили бы всякую надежду быть не только нещасными.

Вчера вечером была в кино, смотрела шикарную фильму, в ней не было никаких там обычных обниманий и целований, кажица никогда раньше мне так кино не нравилось как вчирашнее, но и печальная была я тоже от этого кино, "Sturm

---

[234] Примечания: 234
Совсем голенький, доел.: голый, как гвоздь (нем).

[235] Примечания: 235
Возлюбленный (нем.).

uber Asien"[236] называеца если эту фильму будут паказывать в Дублине пойди посмотри обязательно, кажица реги[237] та же самая что и в "Der Lebende Leichnam"[238], эта фильма что я смотрела вчера была точно говорю совсем другая чем другие, там была не про любов, ну не про ту любов что между мущиной и женщиной, никаких там не было красивеньких глюпеньких девиц, каторые строят глазки, почти все там пажилые серьозные люди из Азии с замичательными лицами, черные озера и шикарные Landschaften[239]. А когда я шла домой в небе была моладая луна над чорными деревами и это было так шикарно что мне захателас плакать. Я развила руки в стороны и стала воображать что ты лежит у меня на груди и глядит на меня как ты глядел в те луносветные ночки когда мы гуляли под большими каштанавыми деревами а звездочки мигали сквозь ветки.

---

[236] Примечания: 236

"Гроза над Азией" (нем.) — фильм режиссера В.Пудовкина (1928), в советском прокате известен под названием "Потомок Чингисхана".

[237] Примечания: 237

Режиссура.

[238] Примечания: 238

"Живой Труп" (нем.) — фильм режиссера Ф.Оцепа (1929), в котором снимался В.Пудовкин.

[239] Примечания: 239

Пейзаж (нем).

Я познакомилас с новой знакомой, она моладая очень красивый чорные волосы очень бледная говорит почти только по цыгански или по-египетски[240], не понятно. Она рассказала мне про мущину катораво она любит сичас но каторый в америке далеко в какомто одиноком месте и не приедет еще четыре года и не может писать ей потомучто там где он живет нет пошты и она получает от него письмо раз в четыре месяца, представляет если б мы получали друг от друга одно письмо раз в четыре месяца в каком мы были бы сечас состаянии, бедная девочка мне так ейе жаль! Мы пошли с ней на танцы в пять часов, было давольно скушно но все равно немножко забавно смотреть на то как люди ни о чем не думают кроме как о том что на них надето а мущины поправляют себе галстухи каждую минуту. А по дороге домой я вдруг попала в страшное состая-ние опечаленной печальности и не могла сказать ни слова и не захатела ничево говорить и все на меня очень сердилис а мне было наплевать а когда я села в автобус я достала мою

---

[240] Примечания: 240

...по-египетски — дело в том, что английское слово Gypsy (цыганский, цыган) образовалось от слова Egypt, что значит "Египет"; в средневековье считалось, что цыгане пришли из Египта, т.е. были "Египтянами", в произношении слово Egyptian превратилось в Gypsy, но и до сих пор при нечетком произношении их можно спутать.

маленькую книжечку и карандашык и написала сто раз Любимый мой Бел, Бел мой возлюбленый. Мне никогда в жизни не хателас так мущину катораво я люблю и никогда так не хотелос быть с ним с ним с ним, с тобой значит. Я хочу тебя по всякому, по всякому тому что значит хотеть мущину и ждать. Я хочу тебя так сильно, только и только тебя. По-еле того как сошла с автобуса и все время кричала во весь голос ванзиних! ванзиних! ванзиних![241]Фрау Шланк принесла мне твой носок который ты тут забыл и от этого носка когда я его увидела я еще больше заплакала. Наверно я не пошлю тебе этот носок я спрячу его в ящичек вместе с твоими сладкими письмами. Еще я получила записку от одново мущины который просил меня пойти с ним на танцы в суботу вечерам, думаю я пойду. Я знаю ты мой возлюбленый Бел не будеш против и еще когда ходиш на танцы и в кино время идет быстрее а мущина тот что меня пригласил совсем дурачок но танцует совсем хорошо и к тому же подхадящего для меня роста. Флирт очень развликает но дальше легкого флиртования не должно итти.

А потом я встретила старика с трубкой и он

[241] Примечания: 241

Wahnsinnig — безумный, сумасшедший (нем.); в данном контексте: безумная.

сказал мне что мне прислали письмо в голубом канверте а потом встретила другого старика с ключами в каридоре и он сказал Grüss Gott[242] но что он сказал еще я не слышала.

Скоро скоро я уже начну щитать часы когда уж наканец я пойду на станцию чтоб встречать тебя и увидеть тебя на платформе в толпе но если будет слишком холодно я не смогу надеть мой черный кастюм и мне тогда придеца надевать мамину шубу. Ты приедешь ко мне двадцатьтретьева, правда Бел? мой дорогой Бел с красивыми губами и глазами и лицом и всем остальным что у тебя есть а теперь у тебя бедненькаво личико совсем больное но это не имеет никакова значения. Двадцатьтретьева! Это значит еще две недели ожидания страдания и печалания. Четырнадцать дней! Ох Боже эти бесоные ночи!

Прошлой ночью мне приснился очень страный сон про тебя и меня в темном лесу мы лежали рядышком на тропинке а ты вдруг превратился в совсем малинькаво и не понимал что такое любое мущины и женщины, а я хотела тебе обяснить что такое любов и гаварила тебе что люблю тебя больше всего на свете но ты все равно ни-

[242] Примечания: 242
Приветствие (нем.).

чего не понимал и не хотел итти ко мне но это был просто глупый сон и поэтому это не имеет значения. Я никогда не сумею пояснить тебе как сильно я тебя люблю как бы я ни старалас но я знаю наверняка что любов моя больше всяких слов. А тот ли человек, этот Бел, катораво я всегда искала? Да, да тот! А почему же тогда он не может мне дать того чего мне так хочеца, хочеца и хочеца вот уже полгода хочеца? Я часто думаю отчего я люблю тебя так сильно. Я люблю тебя über alles in dieser Welt, mehr als alles auf Himmel, Erde und Hölle[243]. Я говорю спасибо Богу за то что любов наша такая большая. Я вот часто думаю кого мне благодарить за то что мы вообще есть на свете и за то что встретилис но думаю мне не стоит искать кто виноват что мы родилис. Какая разница когда главное это то что Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ И ВСЕГДА БУДУ ТВОЕЙ СМЕРАЛЬДИНОЙ! Вот что главное и больше ничего, а в нашей жизни самое важное это что ТЫ ЛЮБИШЬ МИНЯ И ВСИГДА БУДИШ МАИМ МОЙ ДАРАГОЙ БЕЛ!

Анальезе бренчит на своей пианине так что спокойствия мне нету и поэтому я буду заканчивать это письмо. А теперь я снова сяду читать свою

[243] Примечания: 243

Больше всего в этом мире, даже больше всего на небе, земле и в преисподней (нем.).

книгу которая называеца "Die Grosse Liebe"[244]а потом наверно пойду и буду бороца с сонатой Бетховена. Только эта музыка может отвликать меня от моих душевных страждений. Я люблю по вечерам играть тихо для себя самой это меня так успакаивает.

Бел! Бел! Я уже собиралас закрывать это письмо как принесли твое письмо! Я прочла ты написал что даже если ты не всегда будеш полностью моим то... Ой Боге! Как ты мог такое сказать! Ради Бога никогда больше такого не говори! Ради Бога никогда такого не смей думать! Я вот опускаю голову на руки и слезьми мочу твое письмо. Бел! Как ты мог сомневаца во мне? Meine Ruh ist hin mein Herz ist schwer ich finde Sie nimmer und nimmer mehr. Господи Господи Господи ради Бога скажи мне поскорей что я таково сделала? Что что именно? Или тебе уже равнодушно? Тебе уже все равно про меня? Видно что такая коза как я тебе не нужна тебя не достойна зачем тебе тратить на меня время? Если я сичас не перестану плакать ты не сможешь прочитать это письмо потомучто листики все будут мокрые в слезах. Бел! Бел! моя любов такая широкая и большая что когда меня

---

[244] Примечания: 244
Большая любовь (нем.).

знакомят с каким нибудь молодым человеком и он начинает бывать со мной вежливым ну ты знаешь что я имею в виду, меня всю в дрожж бросает! Я *точно знаю* зачем я живу я живу ради тебя! Моя жизнь ты! Твое письмо всегда на моей груди утром когда я просыпаюс и вижу как встает сонце. Ich seh' Dich nicht mehr Trünen hindern mich! Мой Бог! мой мальчик! мой пьосик!

Мне нужно взять другую ручку эта уже совсем не пишет потомучто этой ручкой я писала так долго долго. Мне ее дал еще Вулворт. Представляеш сколько долго я ей писала?

Мама хотела чтоб я пошла прогуляца а я ох как не люблю прогулки пешком ходить. Меня так утомляет старательно ставить одну ногу перед другой. Помниш прошлое лето? Как замечательно было лежать на траве и слушать как зузжат пчелки и поют птички. А помнишь тот огромный шметтерлинг, ну как это бабочку! Огромную бабочку которая однажды прилетала? Она была такая шикарная темнотемнокаричневая с желтыми пятнашками и на сонце она выглядела такой красивой и мое тело тоже было таким каричневым везде везде а мне не было даже холодно. А теперь снег уже растаял и дерева стоят совсем черные а небо всегда такое серое. Только

вот утром когда совсем рано небо другое а иногда можно видеть по вечерам красные пятна неба между облаков.

Я вот только недавно помыла волосы и у меня сичас больше бодрости чем обычно но все равно я чувствую себя какойто вялой. Ради Бога не сверхработай и пастарайся не напиваца как было. Я хочу сказать не пей так чтоб тебе стало плохо.

Сегодня мы приехали домой на автобусе но ехали не по обычной большой дороге а по другой потомучто большую дорогу репарируют. Мама всегда спрашивает про тебя и спрашивает как ты поживаеш. Она говорит что время просто летит и до Рождества остаеца *совсем мало* времени. Она надееца что Фрау Холле будет в порядке. Я както слыхала как она говорит Папе: почему так получаеца что когда Айви и Билл вместе они действуют ей на нервы а когда Смера и Бел вместе это на нервы ей не действует. Я думаю она говорила про нас когда мы сидим у друг у друга на коленях и все такое прочее. Я думаю это потомучто любов между Айви и Биллом не настаящая а в Айви много всего что понарошке.

А еще я ругаю свое глупое тело целый день потомучто у меня чтото такое там на ноге и я еле-еле от этого хожу. Не знаю что это такое и

отчего это и откуда оно взялось но оно есть. Хотя ну его все к черту вот и все.

Сегодня один из тех дней когда я все вижу и все понимаю лучше чем вседа. Я уверена все будет в конце конца нормально.

Der Tag wird kommen und die stille Nacht!!![245]

Если бы я не думала о тебе я б совсем погибла от этих стражданий! Не знаю genau[246] когда но погибла бы точно! Эти ужасные длинные темные ночи! Только твой образ меня утишает! Мне так нравица эта меленькая белая статуйка. Я жду не-дождусь того дня когда ты и я будем рядом и я не буду думать что ктото там стоит за дверью и может зайти в каждую минуту.

Аршлохве женился и уехал в Schweiz[247] с своей женой.

Ты просиш чтоб я дала тебе какое нибудь задание. Кажеца я уже тебе надавала и так слишком много заданиев. Мне страшно хочеца увидеть ту "штуку" (ты так *сам* выразился) которую ты написал об моей "красоте" (и это ты сам так сказал).

---

[245] Примечания: 245
Придет день и спокойная ночь (нем).

[246] Примечания: 246
Точно (нем).

[247] Примечания: 247
Швейцария.

Это стихи? А я должна сказать что мне кажица обо мне писать ничево не нужно потомучто не о чем писать (а никаких камплиментов мне не нужно) кроме тех глупостей которые мущины обычно пишут о женщинах.

Милый и родной Бел тут уж мне точно нужно заканчивать. Моей пастельке одиноко без меня и твоя фотокарточка ждет когда ее наконец поцелуют так что я лучше пойду и успокою и мою кроватку и твою карточку. Но вот скоро это мучение закончица и ты будеш рядышком с мной и опять будем чуствовать ту замечательную сладкую боль которую чуствовали когдато в темных горах у черного озера черной ночью когда дул ветер и мы опять будем прогуляца по полям а поля уже будут покрыты первоцветом и Flieder[248] и ты опять будеш обнимать меня твоими руками

твоя печальная возлюбленая Смеральдина

P.S. Еще один день прошол еще ближе стало к вечной немой Ночи!!

---

[248] Примечания: 248
Сирень (нем.).

ЖЕЛТАЯ СТЕНА, ЖЕЛТЫЕ ВСПЫШКИ

Ночная медсестра заскочила в палату ровно в пять и включила свет. Белаква пробудился, чувствуя себя очень освеженным сном и готовым бороться с подбирающимся новым днем. Когда-то давно, когда он был еще совсем неоперившимся юнцом, он подчеркнул в книге Томаса Харди "Тэсс из рода д'Эрбервилей" фразу: "Как только скорбь теряет власть над мыслями, сон тут же спешит воспользоваться открывающимися для него возможностями". С тех пор Белаква на протяжении многих лет постоянно возвращался к этой фразе, тасовал ее составляющие, скажем, вместо "скорби" подставляя "радость", приспосабливая ее ко всем новым, меняющимся ситуациям своей жизни, иногда даже используя эту фразу в тех случаях, к которым она, как он ясно видел, совсем не подходила, и все же, несмотря ни на что, фраза эта прошла с ним сквозь годы и ни разу не подвела его. И вот теперь, при пробуждении, он обнаружил ее наличие в своих мыслях, так, словно она пребывала там и во время сна, удер-

живаясь на месте, несмотря на бурную толчею сновидений.

Медсестра принесла на подносе целый чайничек чаю и стакан с какой-то, судя по ее виду, лекарственной сильнодействующей солью. Явно слабительное, и Белаква, передернувшись лицом, воскликнул:

— Тьфу, пакость.

Бессердечная девица предпочла не обратить внимания на горький возглас Белаквы.

— А когда меня будут?..— предательски дрогнувшим голосом спросил Белаква.

— Назначено на двенадцать.

Назначено! Ну и словечко...

И медсестра удалилась.

Белаква выпил соль, скривился, быстренько запил ее двумя чашками чаю. И пошли они все к черту! После принятия соли, выпивания чая и обращения к черту, из него, бедняги, сон начисто улетучился. Ну и что? Наплевать. Разве может такой бойкий человек, как он, Белаква, переживать по всяким таким незначительным поводам? Он выключил лампу, откинулся на подушку, закурил.

И в этот самый тяжкий предрассветный час он понял, что как бы он ни прикидывался, что

его предстоящее ему совершенно безразлично, на самом-то деле он пребывал в страхе напряженного ожидания. Подумать только, ровно в двенадцать возьмут бистури[249] — и раз! фьюить! — и вспорют его. Эта мысль, как ни старался он ее отогнать, упорно грызла его. Если беспокойство, возбуждаемое этой мыслью, внедрится со своей гуннской жестокостью в его и так развинченную психику (а ведь он и без того не готов к предстоящему испытанию), прибавится к треволнениям предыдущего дня, наполненного гадким, смутным и вязким страхом ожидания, который не развеял даже его крепкий, хороший сон, то психика его может просто взять и не выдержать напряжения. А он, конечно же, предпочел бы, чтобы не выдержала натиска эта гадкая мысль о предстоящей операции, а не его психика. При этом, надо отдать Белакве должное, его совсем не заботило то, что, собственно, произойдет с ним, пусть даже его мозги, которые ему самому так уже осточертели, съехали бы совсем набекрень, но дело в том, что ежели он и впрямь впадет в истерическое состояние, то это, конечно, отразится на его поведении — что если он, когда за ним при-

[249] Примечания: 249
Бистури — хирургический нож.

дут, начнет истошно вопить, лягаться, кусаться, царапаться, нести всякую ахинею, требовать отложить казнь, а то еще обмочится в постели?! Как такое отразится на его родных и близких? А ведь он из семьи старой доброй гугенотской закваски, он не имеет права так их всех опозорить. Да, его вполне естественное беспокойство следует как-то пригасить, чем быстрее, тем лучше.

Под наркозом я чувствовать ничего не буду, уговаривал он сам себя, хоть тело и будет страдать чрезвычайно, но эти страдания в онаркозенной памяти не останутся.

Белаква резким движением загасил сигарету и снова включил лампу, надо думать для того, чтобы сохранить ощущение ночи, тем самым отсрочить приход дня и соответственно получить дополнительное время на то, чтобы внутренне собраться и прибавить уверенности в себе, а вовсе не для того, чтобы уютный свет лампы составил ему компанию. Белаква терпеть не мог рассвет, нарождение нового дня, в котором скрытно, подспудно присутствовало напоминание о всяком ином рождении, приходе в этот мир, особенно о том отвратительном событии, называемым рождением человека. Не мог он выносить зрелища мучительного рождения нового

дня, приходящего точно в определенное время — такая пунктуальность казалась совсем излишней и ненужной. Но все это, конечно, глупости, и Белаква ясно отдавал себе в этом отчет. Он предпринял новую попытку избавиться от колючей тревоги, напугать себя чем-то другим, посмеяться над собой, все что угодно, лишь бы отогнать от себя недостойную слабость, но ничего из этого не получалось. Безуспешные попытки скоро утомили его, и он сказал себе: "Я таков, каков я есть, и все тут,— И на этом его размышления и борения с собой закончились,— Я есть таков, каков я есть". Эту фразу он когда-то где-то вычитал, она ему понравилась, и он сделал ее своею.

Но уж, по крайней мере, Бог был добр и милостив, как Он обычно и бывает, если мы только знаем, как принимать Его милости, и подарил Белакве еще целых шесть часов, отделяющих его (Белакву) от начала его (Белаквы) тяжкого испытания, целых шесть часов, подаренных для того, чтобы не спеша приготовить себя к этому испытанию, подобно тому как хорошенькая кокотка готовится к особо важному для нее любовному свиданию. Ланцет, взрезающий ему шею, мучительные страдания, которые охватят его, пусть и пребывающего в состоянии глубо-

кого и внешне покойного сна, уже, как можно надеяться (надежда — великая вещь!), не будут страшить — если вот только ему удастся овладеть своими мыслями, неизменно возвращающимися к одному и тому же. Ему следует устроить у себя в голове горячий прием размышлениям о добрых деяниях, направленных на его особу со стороны других людей, его окружающих, еще до истечения сегодняшнего дня. Однако с присущей ему медлительностью он все откладывал обдумывание того, как же это устроить наилучшим образом. А ведь тогда он смог бы сделать отличную мину при весьма плохой игре. А вот если ему это не удастся... да, если ему это не удастся сделать, он не удержится, и когда за ним придут, начнет визжать, царапаться, ну и все такое прочее... Больше всего теперь волновало то, насколько ему удастся выглядеть достойно. Важнее всего, чтобы на лице его сохранялась маска спокойствия, а лучше всего — выражение "а-мне-все-равно". Ну и конечно, он должен держаться так, чтобы глядя на него, было видно — он надеется, что все будет сделано с должным тщанием и все закончится самым удовлетворительным образом. Белаква не хотел размышлять над тем, каким образом предстоящее испытание отразится на нем самом,

на его глубинном понимании и ощущении себя... его собственный разум, стервец, так уже утомил его, так утомил... нет, он думал прежде всего об окружающих, о тех, кто будет сопровождать его в операционную, медсестрах, нянечках, о враче, который будет давать наркоз, о хирурге, светиле медицинской науки, о тех, кто должен быть под рукой, чтоб все потом помыть, почистить и отправить кое-что в печь для сжигания хирургических отходов, и о друзьях семейства его покойной супруги, которые, если что не так, растрезвонят по всему миру. И совсем неважно, как он там сам по себе, он есть таков, каков он есть. Но вот все эти посторонние люди, эти родственнички и прочие, и прочие, вот об этих нужно побеспокоиться.

В палате этажом выше, прямо над головой Белаквы, натужно кашлял астматик. "Дай Бог тебе здоровья,— мысленно обратился к кашлявшему Белаква,— когда я думаю о том, что кому-то еще хуже, чем мне, то даже как-то легче становится. Но когда ж он спит? Если так кашлять, то можно себе все внутренности выкашлять... Наверное, спит днем, спит себе целый день, дрыхнет деньденьской, и минуют его все дневные волнения..." А ровно в двенадцать и он, Белаква, погрузится в крепкий сон, хотя, конечно, было бы лучше,

если бы он просто задремал у себя в постели, а не там, на операционном столе... А тот наверху все кашляет, словно какую-то мучительную работу делает, чтоб наконец избавиться от того, что внутри... как Робинзон Крузо, который таскал на берег, хоть и ох как трудно это было, с затонувшего корабля всякие вещи, которые могли сделать жизнь более приятной...

Белаква вытянул руку во всю ее длину и выключил лампу. Но и без света лампы в комнате уже ползали рассветные тени — вставало солнце. А он глаза закроет и таким образом обманет рассвет. В конце концов, что такое глаза? Окна и двери рассудка. И лучше их держать закрытыми.

Жаль, что он не благородных кровей, ну или хотя бы не отважен и не решителен. Голубая кровь и бойцовый петух! Вот было бы сочетание!.. И если б... хоть бы ему набраться побольше духу... тогда б он не мучился так, пытаясь подготовить себя достойным образом... тогда бы все стало так просто — найти удобное положение на этой чужой больничной кровати, заснуть или почитать книжку в спокойном ожидании своего часа. А он — ленивый, мещанский трус, в некотором смысле очень талантливый, но совершенно непригодный к частной жизни, частной жизни

в ее самом наилучшем и ярком смысле, в том смысле, который он вкладывал в это понятие, когда хвастался тем, как удобно обустроил свой разум и как уютно ему в нем жить, словно в том последнем окопе, из которого уже, в общем-то, отступать некуда. Но он предпочел бы все-таки, чтобы не пришлось ему забираться в этот окоп под давлением внешних обстоятельств, и склонялся к мысли, что лучше было бы сразу же спрятаться там, возможно, как раз в тот момент, когда он начнет чувствовать себя в этом мире, как в своем доме. Он не мог спрятаться в своей душе, равно как не мог не обращать внимания на то, что в этой душе творится. Так что ему остается лишь пребывать в полутьме, становящейся все светлее, и искать помощи у своего талантливого рассудка. Можно, конечно, было бы выкинуть нечто такое, что огорчило бы друзей прежней семьи (не говоря уже о том, что такая выходка могла бы поставить под угрозу лечение, за которое эти люди платили). Однако у него хватало обычного здравого смысла, чтобы ничего такого все-таки не учинить. Он будет ублажать свою психику, свою душу, он будет готовить ее к тому, чтобы с честью выйти из испытания...

Бедненький Белаква, оттого что ему приходится

так себя готовить к предстоящей хирургической схватке, похоже, утречко для него выдалось скучное и нудное. Но он наверстает свое, для него еще настанут счастливые дни, врачи дадут ему возможность некоторое время пребывать в замечательном состоянии полной отрешенности от мира.

Ну а все-таки, как ему вести себя в этой кризисной ситуации?

При каких-нибудь других, менее жестких обстоятельствах он вполне мог бы забаррикадироваться в своем рассудке и не пускать туда мысли о предстоящем, однако в нынешнем своем положении, какие бы он преграды не возводил, каких бы часовых не ставил, эта подлая мысль все равно проскользнет, проникнет в какую-нибудь малую щелку, и тогда все проиграно. Да, если б его ожидало нечто другое, не такое неизбежное, он бы просто-напросто отдался своей лени, заставил бы себя размышлять о чем-нибудь другом, о чем угодно, и надеяться, что все обойдется. Но ему предстоит не просто выполнять какую-нибудь неприятную работу по дому, выполоть сорняки в огороде или что-нибудь еще в таком духе, нет, он, можно сказать, крепко влип, ему идти под нож, так что для того, чтобы душе справиться с тягост-

ным ожиданием этого мрачного события, следует применить какие-то особо действенные меры...

И вот он решил не сражаться с мыслью о предстоящем, не пытаться препятствовать ее внедрению в душу, а попробовать держать ее, так сказать, на расстоянии вытянутой руки до тех пор, пока он не будет готов принять ее... а потом он набросится на нее и уничтожит... изничтожит ее, стерву, не оставит от нее и мокрого места... Белаква зубами вцепился в подушку. Порхает, стерва, ловить ее, ловить, гнать, как священник гонит беса... Правильно, но как это сделать? И Белаква стал ломать себе голову в поисках наинадежнейшего способа прихлопнуть гадкую мысль, как муху.

И в этот критический момент милостивый Бог еще раз пришел к нему на помощь, вызвав из памяти Белаквы фразу из одного из парадоксов Донна: *Ныне, уверен я, среди наших мудрецов можно найти многих, кто посмеялся бы над Гераклитом плачущим, и не сыскать ни одного, кто расплакался бы при мысли о Демокрите*

смеющемся[250]. Да, без сомнения, фраза эта явилась Божьим даром для Белаквы, ну, не столько сама по себе фраза в целом, сколько заложенные в ней идеи, некие крайности, в которые может впадать мудрость, вот что импонировало Белакве прежде всего. Вообще-то, в целом, Белаква, надо отметить, не был сторонником применения в рассуждениях принципа разделения всего на черное и белое. Более того, он даже рискнул составить свой собственный парадокс: противоположности никогда не меняются между собой местами... И вообще, когда следует проявлять сочувствие? Да, да, это интересная проблема, и Белаква тут же вцепился в нее, надеясь, что размышления над нею, отвлекут его от *той*, крайне неприятной мысли, его главного сейчас врага... Следует смеяться над несчастьями других или плакать? В конце концов, это одно и то же, но вот что ему делать *сейчас*, плакать или смеяться? Слишком поздно пытаться все устроить так, чтобы можно

---

[250] Примечания: 250

...одного из парадоксов Донна — имеется в виду Джон Донн (1573—1631), английский поэт так называемой метафизической школы; был известен также своими блестящими проповедями; Гераклит, древнегреческий философ из города Эфес (VI—V вв. до Р.Х.), получивший прозвище "Плачущего Философа" из-за его мрачного взгляда на земную жизнь; Демокрит, древнегреческий философ из города Абдеры (V—IV вв. до Р.Х.), получивший прозвище "Смеющийся Философ" за свою веселую и радостную натуру.

было и поплакать, и посмеяться... а как это было бы здорово... Вот сейчас он возьмет и наполнит свой рассудок вот этими таинственными лучами, которые мелькают в его под-вечной темноте, выберет он, ну, скажем, что-нибудь из невидимого спектра, инфракрасные и ультрафиолетовые, ухватит их покрепче и проткнет своего противника во многих местах!..

"Тьфу ты, более гадкого утра в моей жизни еще не случалось,— подумал он,— но ничего не поделаешь, обстоятельства, как говорят, сильнее нас, идешь туда, куда дьявол тебя гонит..."

И в этот исключительно важный момент в развитии своего бреда Белаква вдруг обнаружил, что глаза у него раскрылись, что он быстренько ими моргает, прямо настоящая никтация[251], и в них, в глаза то есть, вливается мутным потоком рассвет. Распахивал он веки не намеренно, так уж вышло, само собою, но обнаружив, что утренний свет, несмотря на выявленные и высвеченные им всяческие мерзости, действует на него в целом благотворно, он не смежал веки

[251] Примечания: 251

Никтация — моргание (переводчик отнюдь не уверен, что такое слово имеется в русском языке, но он позволил себе его создать на основе латинского слова, которое корнем вошло в тот редкий английский медицинский термин, употребленный Беккетом).

более, а позволял ручьям и рекам света наполнять его. Только тогда, когда голова его настолько переполнилась светом, что кости черепа начали ныть и, казалось, готовы были уже разъехаться в стороны, Белаква схлопнул веки снова и опять погрузился в подвечную темноту и в решение своей дилеммы.

Итак, постановил Белаква сам себе, главное сейчас принести себя в жертву в том смысле, что он должен исчезнуть как личность, ничем не проявлять свою исконную сущность с тем, чтобы произвести некоторое определенное впечатление на других, показать храбрость и отвагу, стать не Белаквой, а бравым солдатом, ать-два, пиф-паф... он станет Смеющимся Демокритом, а Плачущим Гераклитом он будет в других, более подходящих случаях, не на людях. Да, то был, если хотите, акт самоотречения, ибо Белаква питал большую симпатию к слезоточивому философу и был, как и Гераклит, в некотором смысле, столь же темен[252]. Белаква чувствовал себя в своей стихии, когда речь шла о слезах, он купался, нежился в них, в этих слезах, пролитых

[252] Примечания: 252

...был, как и Гераклит в некотором смысле столь же темен — другое прозвище Гераклита "Темный", оно дано ему за "темноту" многих его высказываний.

досократиком[253], притом общепризнанно выдающейся личностью. Сколько раз он уже готов был воскликнуть (но так и не сделал этого): "Еще мгновение, и я посвящу остаток своей жизни Гераклиту Эфесскому, я стану как тот делосский ныряльщик[254], который после третьего или четвертого погружения более не возвращается на поверхность!".

Да, все это хорошо, но лить слезы в этой покойницкой, в этой юдоли скорби не пристало, ибо слезы будут неправильно истолкованы. Весь персонал больницы, от нянечки до швейцара, тут же приписал бы, совершая при этом, конечно же, ошибку, его слезы, равно как и его мрачнотрагический вид не следствию воздействия на него осознания всей глубины человеческой глупости, неисправимости грехов всего человечества, что, несомненно, включало и их самих, а опухоли величиной с порядочный кирпич, которая сидела у него на затылке. Такая ошибка была бы совер-

---

[253] Примечания: 253

Досократиками называют древнегреческих философов, живших и создававших свои философские системы до Сократа, который произвел своего рода революцию в философии; взгляды Сократа изложены в основном его великим учеником Платоном.

[254] Примечания: 254

...делосский ныряльщик — имеется в виду фраза Сократа о трактате Гераклита: "Необходим делосский ныряльщик, чтобы достичь дна его работы".

шенно естественной, и Белаква никоим образом не винил бы их за нее. Да, за свершение такой ошибки никого, ни одну живую душу, нельзя было бы винить. Но тут же бы распространилась молва, что он, Белаква, не только не весел и не жизнерадостен, а наоборот, истекает слезами, или, по крайней мере, вот-вот начнет рыдать. А это навлечет позор на его голову и соответственно на его предыдущее семейство.

Итак, курс ясен. Он вооружится смехом, веселье, хотя эти слова и не совсем подходят, но что поделать, придется, за неимением лучших, воспользоваться этими... так или иначе общая идея ясна. Он позволит мысли о предстоящем проникнуть поглубже, а потом жестоко расправится с ней. Он будет весь забрызган буйной веселостью, подобно лицу мальчишки, объевшегося черники и обляпавшегося соком этих ягод... нет, и веселость тоже не подходящее слово, и сравнение не очень удачное... по на его устах будет играть веселая улыбка, когда он отправится *obne Hast aber ohne Rast*[255], уверенно печатая шаг, в камеру пыток. И все отметят его стойкость и бесстрашие.

И как же он взялся за выполнение этого пла-

---

[255] Примечания: 255
Без спешки, но и без остановок (нем.).

на?

Увы и ах, он тут же все позабыл, и план этот ему оказался не нужен.

Ночная медсестра появилась без стука в семь часов, снова с чаем и двумя кусочками хлеба.

— Больше вам ничего есть нельзя,— объявила она.

Вот стерва! Белаква чуть не послал ее куда подальше.

— Ну что, слабительное уже заговорило? — осведомилась она.

Больной оценивающим взглядом окинул медсестру, пока она мерила его температуру и пульс. Плотненькая, аккуратненькая, вкусненькая.

— Оно начало мне что-то нашептывать,— сообщил Белаква.

Когда медсестра уходила, Белаква глядел ей вслед и думал: какая брюнеточка, безупречных форм, чистенькая, аккуратненькая, свеженькая, а ведь моталась по палатам всю ночь, бегала к каким-нибудь там мерзким старухам, которые просили, кто книгу подать, видите ли, сама не может достать, кто пятку почесать, а кому шум с улицы, понимаете ли, мешает... Тьфу ты, а какая, собственно, разница?

А восток уже совсем посветлел, на небе полосы

облаков, как вспухшие рубцы от ударов плетью, день, как ему и положено, вступает в свои права...

Медсестра вернулась, чтобы забрать поднос. Так, это она уже, значит, третий раз приходит, если он, конечно, не сбился в счете. Скоро ее сменят, она отправится домой, съест свой ужин, нет, это уже будет завтрак, и наверное, ляжет в кровать, холодную, и она не сможет заснуть, уже слишком светло, слишком шумно; похоже, она никак не может привыкнуть к этим ночным сменам, ну просто никак, она худеет, щеки вваливаются, вечные проблемы с женихом... Что за жизнь! Не только ему, Белакве, плохо...

— Ну, пока,— подхватив поднос, попрощалась медсестра.

Ну что на такое ответишь? Белаква лихорадочно соображал, что бы такое сказать в ответ, что-нибудь такое, что было бы и ей приятно и одновременно выставило бы его в выгодном для него свете. Сказать Au plaisir?[256] Это было бы как раз то, что нужно, жаль только вот, что по-французски. Наконец Белаква неуверенно и вяло промямлил: "Надеюсь, скоро увидимся",

---

[256] Примечания: 256
Нечто вроде: "мне было приятно с вами познакомиться" (фр).

но, может быть, она его и не услышала, так как к этому моменту уже была в дверях. Наверное, лучше вообще было бы ничего не говорить.

Пока он ругал себя, обзывая дураком за растрачивание ценной жизненной энергии на какую-то чепуху, дверь снова распахнулась, на этот раз с шумом, и в палату ворвалась дневная медсестра, топая ногами и хрустя накрахмаленными до состояния фольговой жесткости халатом и передником. Она сообщила Белакве, что зовут ее Миранда и что теперь он будет находиться под ее присмотром. Из дальнейшей краткой беседы Белаква выяснил, что она пресвитерианка из Абердина. Из Абердина, это ж надо! И красивой ее никак не назовешь...

Обменявшись с медсестрой несколькими словами, Белаква как бы между прочим, obiter[257], обронил, словно бы это ему неожиданно пришло в голову, хотя на самом деле то, о чем он говорил в течение некоторого, пусть и не очень продолжительного времени, беспокоило его со все возрастающей силой:

— Дакстатизнаетелиячтотоподзабылгдетуттуалетнемоглибывыподсказать...

---

[257] Примечания: 257

Вскользь, мимоходом (лат.); слово это безо всяких изменений вошло в английский язык, но прежде всего как юридический термин.

Именно вот так и проговорил, скороговоркой, очень проворно, словно бы без знаков препинания.

Сестра рассказала, как туда добраться, и Белаква смутно припомнил, где располагается ретирада, но, допустив большую оплошность, не сразу бросился туда, а предпочел остаться в кровати со своим тяжким грузом, убеждая себя (при этом заведомо обманываясь), что будет более приличным не проявлять излишней торопливости по получении сведений такого сугубо интимного характера. Испытывая страстное желание найти хоть какой-нибудь предлог своему ненужному промедлению, он спросил сестру, когда ему "назначено".

— А что, разве ночная сестра вам не сказала? — довольно резко ответила Миранда.— Начнем ровно в двенадцать.

Ага, значит та хорошенькая ночная сестра уже ушла... Ах, милая предательница!

Белаква выбрался из койки и отправился, следуя полученным указаниям, на поиски туалета. Миранда принялась оправлять постель. Когда он вернулся, в палате ее уже не было, и он залез в аккуратно свежезастеленную постель.

А вот и солнышко, исправно следуя своему

распорядку, заглянуло в палату сквозь окно.

В палату мелким скоком заскочила уборщица, маленького роста, бодренькая, грязненькая, похожая на Aschenputtel[258], с ведром и шваброй.

— Здрасте,— поприветствовала она Белакву.

— Ага, привет,— буркнул Белаква, но тут же спохватился и вежливо добавил: — Такая палата хорошая, светлая, вот утреннее солнышко светит.

Вполне достаточно для этой Золушки.

— Хорошая, хорошая,— зло повторила уборщица,— кому хорошо, а кому вот полы тереть.

Ну что ж, можно на мир глядеть и с такой точки зрения.

Уборщица резким рывком пошире раздернула шторы.

— Светит, а чо ж тода шторы не раздвинули,— пробурчала она.— До вас отут старик лежал, храпел, все тряслось, а вот шторы никада не задергивал.

Судя по всему, предыдущий больной чем-то ей крепко досадил.

— И грязнуля был, страх, только подотру, опять нагадит.

---

[258] Примечания: 258
Золушка (чем.).

В великом усердии, тыча шваброй под кроватью, уборщица опустилась на колени. Белаква услужливо подобрал ноги, спущенные было на пол.

— Да, бывает,— невнятно промямлил Белаква.

Уборщица, с покрякиванием, шуровала пол шваброй.

— Так я ему тут маленько болотцо устраивала,— уборщица хихикнула,— воды поболе на пол налью, штоб не очень шастал. Рваные тапки у его были...

Она говорила и говорила, а Белаква, делая вид, что слушает, кивал головой и мычал что-то нечленораздельное. И ему даже удалось создать о себе очень хорошее впечатление.

— Ну, вроде усё,— объявила наконец уборщица с тем неподражаемым произношением и той особой интонацией, которые отличают нижние классы общества.— Досвиданьица вам, болейте на здоровье. Приду ишо попозжее.

— Хорошо, хорошо, спасибо,— с плохо скрываемым облегчением воскликнул Белаква.

Ну зачем, спрашивается, ему знать, что она, эта Золушка, давно уже, несколько лет, как обручена с каким-то там "умельцем" Энди, но пока они еще "не поженились" и она "ему устраивает собачью

жизнь"?

Белаква не смог устоять перед искушением сесть поближе к окну и подставить себя лучам солнца. Он сидел на стуле в своей тоненькой голубой пижаме и прислушивался к кашлю, доносившемуся сверху. Кашель звучал теперь намного тише, чем раньше. Успокаивается или умирает?.. А вот на той стене яркая полоса, как столб, свидетельствующая о том, что солнце медленно, но неумолимо выкатывается все выше и выше... время сочится по каплям, как гной, скапывающий в подставленный сосуд, кап-кап... весь мир нужно вычистить и вымыть, а не только пол его палаты... Нет, хватит этого солнца! Вон оно уже как высоко! Пора задергивать шторы!

Однако осуществлению этого намерения помешало появление сестры-хозяйки, которая принесла ему утреннюю газету. Мысли Белаквы убежали в сторону от штор и поднимающегося солнца. Описать сестру-хозяйку невозможно, достаточно будет сказать, что у нее все было на месте. Белакву несколько пугало то, как сновала она по палате, проверяя все ли в порядке. Он открыл рот, и слова хлынули, как вода из до конца открытого крана:

— Такая палата хорошая, светлая, вот утреннее

солнышко светит...

Но сестра-хозяйка взяла и исчезла, другого слова и не подберешь. Вот только что она была здесь, а в следующее мгновение — раз, и нет ее. Просто поразительно.

Затем пришла сестра, которая должна была ассистировать хирургу во время операции. Сколько, однако, тут, в этой больнице, всяких женщин!

Вновь пришедшая была большая, на вид грубоватая и несколько мужеподобная, но не без какого-то романтического оттенка в духе Шатобриана. Она произвела быстрый осмотр шеи Белаквы и огромной опухоли.

— Ну, это совсем пустяк,— фыркнула она.

— Да, совсем пустяковая штука,— охотно согласился Белаква.

— И это все?

Белакве не понравился ее тон.

— Ну, и там что-то с пальцем ноги, сказали, что надо удалить, ну то есть не весь палец, а что-то там на пальце.

— Ясно. И сверху режем и снизу. Хо-хо! — по-мужски хохотнула операционная сестра.

И опять-таки, что на такое можно сказать? И Белаква, уже наученный горьким опытом, промолчал.

Как ни странно, эта большая женщина оказалась, стоило ее узнать хотя бы чуть-чуть получше, совсем иной, чем представлялась поначалу. Да, у нее были весьма резкие, мужиковатые манеры, но по натуре она была очень мягким и добрым человеком. Она учила всех больных, к которым испытывала по каким-либо причинам большее расположение, чем к другим, как делать себе, если это вдруг почему-либо потребуется, ладную, плотную перевязку, не позволяя бинту запутываться. Более способных больных, подчиняющихся слепо ее указаниям, она хвалила, говоря: "Отлично! Пожалуй, и у меня самой так не получится!" А когда устанавливались дружеские отношения, которые начинали развиваться в направлении — как бы это поудачнее выразиться,— ведущем к чему-то более существенному, чем просто милые беседы и обучение обращению с бинтами, как больной либо выздоравливал, либо умирал, но так или иначе уходил из больницы и из ее жизни. Эту женщину преследовал какой-то злой рок. Некоторые больные, спустя многие годы, вспоминали почему-то ее, а не кого-либо другого из всех тех, с кем им приходилось иметь дело в больнице. Белакву она почти сразу отнесла к тем, кого можно учить делать перевязку.

Ушла операционная сестра, но почти тут же пришла Миранда, на этот раз с подносом на котором располагались всякие лекарства, перевязочные материалы и прибор для бритья.

А какой у нее, однако, чувственный рисунок губ, и нижняя челюсть слегка выдается вперед, так вызывающе, и нос почти римский... Почему он ничего такого не заметил раньше? А может быть, это какая-то другая сестра?

— Ну что ж, начнем,— повелительно и кратко сказала сестра.

Шею ему сзади вокруг опухоли побрили, обработали какими-то лекарствами и эфиром, совсем не туго обмотали бинтами. Обращались с ним довольно сурово, и Белаква не понимал, почему. И вообще, зачем все это нужно?

Затем внимание сестры было перенесено на пальцы ноги, один из которых должен был подвергнуться операции. Сестра тщательнейшим образом обработала всю стопу, уделив особое внимание несчастному пальчику, и вдруг в какой-то момент она начала хихикать. Белаква едва сдержался, чтобы не лягнуть ее ногой в глаз! Он был просто потрясен. Как посмела она! А ведь он так старается не поддаться щекотке, он закусил нижнюю губу, он рвет ногтями себе ладони, все

делает, чтобы не захохотать истерически от щекотки, а она его своим смешком так провоцирует! Да что она такое, в конце концов!? Всему есть предел, даже Демокрит не всегда смеялся!

— Такая забавная ножка! — просюсюкала она, словно обращалась к ребенку.

Господи Боже мой, да что ж это такое! Забавная ножка! Белакве с величайшим трудом, но все же удалось справиться с приступом гнева.

— Я бы назвал это не ножкой, а ножищей,— подхихикнул Белаква, пытаясь показать, что и он не лишен некоторого чувства юмора. Но попытка эта не произвела никакого видимого впечатления на Миранду, которую Белаква мысленно прозвал "Гранитной Медузой".

— Да, следует признать,— добродушно продолжил Белаква,— что стопа у меня, некоторым образом, необычно длинна. Это мне и самому известно. Я вот даже знаю, что обычно говорят: большая нога — большой нос. Ну и наоборот, соответственно. Но вот что интересно: а есть ли какая-нибудь связь между длиной стопы и длиной пальцев?

И снова Белаква не получил никакого ответа. А может быть, эта Миранда просто кретинка? Или, может быть, она туга на ухо?.. Мажет и мажет ему

ногу какой-то медицинской пакостью, отдающей мочой... и молчит, и молчит, словно язык проглотила... Ну ладно, еще раз попробуем.

— Знаете,— взревел Белаква во всю мощь своих слабеньких легких,— а тот пальчик, который вы так любовно обрабатываете, скоро исчезнет и, так сказать, останется, бедненький, в одних лишь воспоминаниях!

На этот раз его попытка внести юмористическую нотку если и не была оценена, то, по крайней мере, услышана, и эта странная женщина хоть что-то сказала в ответ слабым умирающим голосом:

— Да уж, ему немного осталось...— голос совсем сошел на нет, но через мгновение возродился снова: — Да, да, уж не будет больше мучить ни себя, ни вас.

Женщина еще что-то говорила, но голос ее снова быстро угас до полной неслышимости.

И тут Белаква не выдержал и разрыдался. Он ничего не мог с собой поделать. Этот голос, словно долетающий до него от человека, убегающего в ночную даль, этот странный выговор, этот пальчик, вымазанный вонючим лекарством — все это растравило Белакве душу, а фраза про то, что "не будет больше мучить", оказалась последней

каплей. Белаква опустил голову — ему вдруг сделалось все равно, как его воспринимают со стороны — и, прикрыв лицо руками, бормотал сквозь всхлипывания:

— Ну и пусть... пускай его... пускай его отрежут и отдадут какой-нибудь кошке! Пусть!.. отдадут... если это, конечно, позволено...

Медсестра продолжала обработку, проявляя особую тщательность при обмазывании всех тех мест, которые непосредственно прилегали к обреченному пальцу. Белаква по достоинству оценил ее старания, но они все же казались ему несколько чрезмерными и излишне настойчивыми. Но вот наконец медсестра завершила работу, обмотала обработанную стопу бинтами, аккуратно расставила и разложила все бутылочки, пузырьки, бинты и все прочее на подносе и покинула палату. Большинство людей просто "выходят", а вот такие, как Миранда, "покидают помещение". У Белаквы вдруг возникло чувство, непонятно откуда взявшееся, что его в самый ответственный момент оставили, бросили одного, в ночи, в постели... Наверное, он чем-то обидел эту Миранду... а ведь сколько лекарств она на него извела... наверное, от нее много зависит... ну, по крайней мере, она все делала так старательно...

Merde![259]

Сердечко Белаквино прыгнуло в своей тесной клетке, произвело внутренний грохот, и Белакву укололо острое осознание своей ошибки касательно того, что гнев ему мог бы помочь больше, чем смех, который, если уж быть честным до конца, в его исполнении уж очень напоминал хныканье или скуление... однако, если все взвесить еще раз, то при зрелом размышлении получается, что вроде как и без гнева не обойтись... а вот в самый тяжкий момент он будет как ягненок... агнец, ведомый на заклание... ну, как бы там ни было, назад пути нет, и ему придется пройти сквозь все... Белаква осторожно заглянул в свои мысли, чтобы посмотреть, как там поживает "мысль о предстоящем", впущенная в святая святых... так, ничего, вроде бы все спокойно, никаких особых потрясений... ага, вот тут мы ее, голубушку, и пришпилим! Это уже кое-что!

Как раз в этот момент он ощутил мощный позыв отправиться туда, где он уже побывал, и на этот раз произошла, если можно так выразить-

---

[259] Примечания: 259
Дерьмо (фр).

ся, полная эвакуация[260], и все, что подлежало выведению, оказалось выведенным — слабительная соль подействовала как непререкаемый военный приказ. Возвращаясь назад в палату, Белаква говорил себе: "все будет хорошо" и после непродолжительного самоуговаривания уже не сомневался, что так оно и будет. Он даже стал насвистывать. Вернувшись в палату, он обнаружил там Миранду, которая, выставив вперед челюсть, что придавало ее физиономии еще более четко выраженные прогнатические[261] черты, сосредоточенно наполняла какой-то жидкостью шприц. Белаква опять попытался сделать вид, что относится к предстоящему с некоторой долей юмора.

— Ну а теперь какую часть себя вам представить? И что у вас там в этой штучке?

Однако Миранда, ничего не сказав, быстренько метнулась ему за спину и всадила иглу в седалище прежде, чем он сообразил, что же, собственно, происходит. Но надо отдать ему должное — он не издал ни звука.

---

[260] Примечания: 260

Эвакуация — по-английски evacuation может иметь множество значений, среди них и "испражнение"; для сохранения некоей игры слов переводчик позволил себе употребить это слово в русском языке в несколько расширенном значении.

[261] Примечания: 261

Прогнатический — с выступающей вперед челюстью.

— Вы слышали, о чем я спросил? — вдруг взревел он,— Я настаиваю! В конце концов, это мое конституционное право! Неотъемлемое право пациента знать, какова цель этой инъекции, и вообще!.. Вы меня слышите?

— Это делают всем больным,— спокойно и тихо сказала медсестра,— которым предстоит хирургическая операция, незадолго до того, как им идти на стол.

Идти на стол! Господи Боже мой! Они что, тут все сговорились? Неужели нельзя изъясняться нормальным человеческим языком!? Они все тут хотят погубить его, расчленить его тело, иссечь душу! Белаква хотел что-то проговорить вслух, но язык у него прилип к нёбу. От всех этих штучек у него прекратилось функционирование органов внутренней секреции! Даже слюней во рту не осталось! Вот она, первая понесенная им жертва!

Надевание бахилов, без которых не позволялось входить в операционную, оказалось для Белаквы делом весьма сложным. Да, здесь, видно, очень серьезно подходят ко всему, что имеет хоть какое-то отношение к операциям... Черт бы побрал эти штуки на ногах! И зачем они вообще нужны! Спокойно, спокойно, сейчас важнее всего сохранять спокойствие и рассудок!

А события меж тем стали развиваться все быстрее. Поначалу ангел Господень пришел Белакве на помощь и вывел из глубин его памяти на поверхность одну забавную историю, вспоминая которую Белаква неизменно смеялся, да так, что из глаз у него начинали катиться слезы. А история была такова: одного приходского священника пригласили принять участие в любительской постановке какой-то пьесы. Роль священнику определили совсем эпизодическую — ему требовалось лишь в нужный момент, когда раздавался выстрел, схватиться за грудь и воскликнуть: "О Боже, я убит!" и тут же грохнуться на сцене замертво. Пастор принял приглашение, заявив при этом, что с удовольствием сыграет свою роль, но при одном маленьком условии: если не будет особых возражений, он бы просил позволения не упоминать имя Божие всуе, ибо по его мнению, как сама пьеса в целом, так и та сцена, в которой он задействован, являются сугубо светскими, а из этого вытекает... ну и все такое прочее, а посему он просил бы соизволения соучастников заменить восклицание "Боже!" на "Клянусь!", или на "Ах!", или на какое-нибудь другое восклицание в таком же духе. Ну вот, например: "Ах, я смертельно ранен, умираю!" Подойдет?

Согласие на устранение упоминания имени Божьего было дано, но постановка оказалась настолько дилетантской, что револьвер случился заряженным боевым, а не холостым патроном, и после выстрела пронзенный пулей человек Божий, валясь на пол, успел еще вскричать:

— О... о... Господи, Боже мой, Иисусе Христе! Умираю!

Слава Богу, Белаква был гадким, подлым, низким интеллигентиком, принадлежащим Протестантской Низкой Церкви[262], поэтому мог позволить себе посмеяться над этой дурацкой историей. И смеялся Белаква тогда, перед операцией, до слез...

Отсмеявшись, Белаква принялся приводить себя, насколько это было возможно, в порядок. Причесываясь, он все еще слышал просачивающийся сквозь потолок кашель астматика, располагавшегося наверху, прямо у него над на головой, по теперь кашель звучал намного тише, и чтобы его услышать, приходилось прислушиваться... А денек, гляди, совсем разошелся, и солнышко так высоко уже забралось, прогнало ночь окончательно, не вернется

[262] Примечания: 262

Низкая Церковь — название одной из протестантских церквей, особо отрицательно относившейся ко всякой ритуальности.

она больше... Взгляд, возвращаемый от окна в глубь палаты, чиркнул по столику у стены, на котором стояла картонная коробка. Белаква прочитал на ней надпись, сделанную большими, корявыми, валящимися в разные стороны буквами: АМПУЛЫ С ЖЕЛЕЗИСТЫМ РАСТВОРОМ ДЛЯ ВНУТРИМЫШЕЧНЫХ ИНЪЕКЦИЙ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ИНТЕНСИВНОГО ЛЕЧЕНИЯ АНЕМИИ. Сбоку на коробке была приклеена бумажка, на которой уже типографским способом было напечатано: "Аптека Фрэса". Зарегистрированный товарный знак — "Моцарт". Какая фантастическая, несусветная глупость: маленький великий Hexenmeister[263], творец Дона Джованни, превращенный в товарный знак,— на дурацкой картонной коробке, которую таскают Бог весть куда! Н-да, забавненько. Что за утро! Во что превратился этот мир! Гадко, но развлекает.

В палату заявились две женщины — прекратится ли вообще это женское снование туда-сюда или нет!? Одна вполне определенного возраста, другая — возраста неопределенного. Явно обслуживающий персонал. Они поснимали предписанные правилами резиновые перчатки

---

[263] Примечания: 263
Колдун, чародей, чудотворец (нем.).

— наверное, работать в них было просто неудобно — и принялись сдирать с постели простыни, вынимать подушки из наволочек. Добрались до матраса, стянули с него клеенку, которую было поло-жено подстилать под больных независимо от характера заболевания, докопались до рамы с железной сеткой и пружинами... А Белаква нервно выхаживал по палате из угла в угол. Нижние части его пижамных штанин были засунуты в пугающего вида бахилы — подобным же образом велосипедисты иногда затыкают нижние концы брюк в носки.

Ну что ж, выкурит он еще одну сигаретку, дополнительный расход, правда, получится, ну да черт с ним... Удивительно, однако, если подумать, насколько здесь, в этой больнице, все, во всех мельчайших деталях, устроено так, чтоб облегчать телесные недуги (обрати внимание, читатель, на то, какое направление приняли мысли Белаквы — последнюю сентенцию вполне можно было бы включать в благодарственную речь, произносимую излеченным больным; похоже, однако, на то, что в запасе Белаквовых средств борьбы с терзающей его тревогой, мало чего остается, кроме выспренних слов).

На Белакву украдкой бросали взгляды, на-

верное, в надежде обнаружить явственные признаки беспокойств на его пожелтевшем лице, но напрасно — его лицо превратилось в маску, никаких эмоций не выражающую. Ну что ж, в таком случае, может быть, у него будет дрожать голос? И одна из женщин, та, которую, как свидетельствовал ее вешний вид, жизнь весьма крепко потрепала, взяла на себя задачу выудить у Белаквы несколько слов. И она брюзгливо бросила в его сторону:

— Старшая сестра Бимиш будет очень недовольна, если эти ваши бахилы замараются! Бегаете, понимаешь, туда-сюда, туда-сюда!

Скажите, пожалуйста, сестра Бимиш будет недовольна!

Голос женщины, предупредившей о возможном недовольстве сестры Бимиш, был преизрядно изломан и изношен, однако ее это не смущало и она продолжала насиловать свои голосовые связки:

— А может, вы все-таки встанете вон на тот специальный коврик, а?

И несмотря на крайне неприятный тон, которым было отдано это распоряжение, Белаква почему-то мгновенно решил подчиниться. Он прекратил свое хождение и послушно замер на указанном коврике. Хорошо, он сделает то, что

от него хотят, ведь в противном случае, как будет выглядеть его своеволие в глазах этих женщин? Прямо скажем — крайне неприглядно.

— Я готов сделать все, что угодно, для ублажения сестры Бимиш.

И не успел Белаква закрыть рот, как в палате снова появилась Миранда. Да, утречко у нее сегодня выдалось хлопотливое — в четвертый или даже в пятый раз приходит! Белаква даже со счета сбился. В этот раз, правда, опа объявилась не одна, а в сопровождении еще каких-то женщин, облаченных в бесформенное серое. Палата прямо кишела женщинами в сером! И от этого все сделалось похожим на средней пакостности кошмар.

— Пора,— объявила Миранда.— Кстати, если у нас вставные челюсти, самое время их вынуть и передать мне.

Итак, пришел его час, моргай не моргай, а этого факта не сморгнешь.

Спускаясь в лифте с сопровождавшей его Мирандой, Белаква вдруг обнаружил, что держит в руках свои очки. Это случайное открытие произошло как нельзя кстати, в тот самый момент, когда молчание становилось уже тягостным.

— А можно передать вам на сохранение вот это?

И он протянул Миранде очки.

Она взяла их и довольно бесцеремонно засунула в кармашек в верхней части своего передника, прямо на груди. Божественное создание! Вот он сейчас возьмет и бросится на нее, свершит насилие прямо в лифте!

— Нет, нет! — воскликнула Миранда, увидев, что Белаква достает из нагрудного кармана пижамы пачку сигарет.— Вы что, курить вам уже нельзя.

Белаква, пытавшийся напустить на себя важный вид, ковылял к операционной, а хирург уже мыл свои бесценные руки. Тот, у которого руки неповинны и сердце чисто, да получит благословение и силу![264] Хирурга Белаква не удостоил своим вниманием, а вот операционную сестру, ту самую, которая приходила к нему в палату утром и нашла его подходящим кандидатом для обучения искусству наложения бинтовых повязок, одарил ослепительной улыбкой. Такую улыбку она не скоро забудет!

Белаква живчиком подскочил к операционному столу. Врач был в прекрасной форме — он явился на операцию прямо со свадьбы, где ис-

---

[264] Примечания: 264
Перефразирован Псалом 23, 3-5.

полнял обязанности шафера, и сними он свой хирургический халат, обнаружился бы его шаферский наряд. Хирург произнес какие-то свои врачебные заклинания и надел Белакве на лицо наркозную маску.

— А вы уверены, что делаете все правильно? — успел промычать Белаква.

Та смесь газов, которую давали Белакве, оказалась слишком насыщенной — да, в этом не было никакого сомнения! Он получал слишком сильную дозу наркоза! Сердце Белаквы странным образом трепыхалось и дергалось, словно хотело куда-то убежать, а в голове вертелась фантасмагория вспыхивающих желтых огней... "Один из лучших..." смутно донеслось до Белаквы, и хотя слова эти относились не к нему, услышанное приободрило его... А хирург, ломая пальцы, пытался перекрыть кран подачи наркоза.

Белаква, подобно незадачливому пастору, мог бы вскричать: "Господи, Боже мой! Умираю!", но не успел.

Просто потому, что взял и действительно умер.

Перед операцией забыли провести кардиологическое обследование на предмет определения, как будет реагировать на наркоз его сердце.

ДРЯНЬ

Хотя госпожа Шуа сама поместила заметку в газету (сделав это по телефону), однако, читая ее в утреннем выпуске этой газеты, несмотря на то, что сообщаемое не являлось чем-то новым и неожиданным, она испытала небольшое потрясение, смешанное с некоторой долей удивления, сродни тому, которое возникает, когда открываешь только что полученную телеграмму и обнаруживаешь, что в ней, в этой телеграмме, подтверждается, что место тебе в гостинице забронировано, хотя на это было мало надежды, так как гостиница эта обычно переполнена. Затем пришла мысль о друзьях, предающихся скромной, непритязательной скорби, не мешающей им с аппетитом поедать яичницу с беконом; подумала она и о первых соболезнованиях по поводу такой "страшной потери", высказываемых по телефону в момент перехода от овсяной каши к мармеладу и чаю, о возгласах удивления и сокрушения, которые начнут раздаваться во многих домах, где знали семейство Шуа, по прочтении печальной заметки. "Не может быть", "Ах, Боже

мой!" Вот какие мысли бродили у нее в голове, оказывая воздействие на общее душевное и телесное состояние, и последствия такого воздействия совершенно явственно начали появляться на ее лице. Закрутились колеса скорби, да так быстро, что все мысли и чувства ее разлетелись в разные стороны и осталось лишь хлюпанье носом, слезливость и ценестезия.

Эта госпожа Шуа, о которой мы ведем речь, как-то плохо соотносится с Тельмой, урожденной ббоггс, и тут мы прямо должны заявить, что Тельма госпожой Шуа уже не является. Да-с, такой вот печальный факт. Тельма Шуа, урожденная ббоггс, трагически погибла на закате во время медового месяца, проводимого в Коннемаре. Как-то так странно получилось, что на протяжении весьма непродолжительного промежутка времени все, кто входил в круг людей, наиболее близких Белаквe, взяли и поумирали: Люси, ушедшая, правда, в мир иной уже довольно давно; за ней исправно последовала Руби; Винни почила прилично; Альба Пердью совершенно неожиданно рассталась с жизнью как раз тогда, когда ее провожали домой. Белаква стал в растерянности озираться, но воды океана жизни вокруг него были пустынны, и лишь вдалеке он заприметил одинокий белый

парус Смеральдины. Решение сочетаться с ней браком пришло к Белакве весьма быстро, и на это решение повлияла не только ее любовь к нему, но и та бурная страстность, с которой она домогалась его объятий, засыпая Белакву письмами, полными нетерпеливого вожделения, одно из которых мы привели полностью, даже не правя ни орфографии, ни пунктуации. У Белаквы все это каким-то странным и непонятным образом почему-то ассоциировалось с Медузой Горгоной.

Смеральдина — именно она и является теперь госпожой Шуа, той самой, которая, как мы сообщили в начале главы, прочитала некролог, помещенный ею же в газете, и только сейчас до конца и полностью осознала, что пережила своего мужа, сочетавшего в себе черты эфеба[265] и старой бабы, не прожив с ним и полного года.

Хотя главное в человеке его дух, а не тело, о Смеральдиновом теле можно было бы сказать вот что: большая, необъятная грудь; широкий

---

[265] Примечания: 265

Эфеб — в древней Греции юноша восемнадцати лет, который уже внесен в гражданские списки, обязан отслужить два года в армии и затем принести клятву тому городу-государству, где он живет; таково строгое определение слова "эфеб", однако Беккет употребляет его, конечно, в смысле просто "юнца".

зад; Боттичеллиевы[266] ноги от бедер и ниже; вывернутые вовнутрь колени, стукающиеся друг о друга при ходьбе; толстые лодыжки; походка шатающаяся; общий вид неряшливый и небрежный, соответствующий сентиментальной натуре; все формы сочные и зрелые, пуговицы отлетают и швы лопаются; аппетитная Weib[267], в общем, так и хочется потискать, шлепнуть по вкусным булочкам, эх, шлеп по попке, а там ухватиться, а там помять, ух... хвать... плюх... ооопля! И завершает всю эту дельфинообразную пирамиду голова, невидимая, как вершина горы, скрывающаяся за облаками, но могу вас уверить, что личико было пре-миленькое, бледненькое, совершенно в духе Пизанелло[268], хотя кое-кто, может быть, увидел бы в нем что-то птичье — правда, очень хорошенькой птички. А кое-кто другой,

---

[266] Примечания: 266

Сандро Боттичелли (1444—1510)— художник итальянского Возрождения, изображал очень стройных, воздушных, длинноногих, меланхолических дев ("Рождение Венеры", "Весна" и др.), его женские образы никак не соответствуют предлагаемому Беккетом словесному портрету.

[267] Примечания: 267

Женщина (нем.).

[268] Примечания: 268

Пизанелло (1395—1455)— итальянский художник раннего Возрождения; готическую условность, лиричность, изысканность рисунка и цвета сочетал с тонким наблюдением человека и природы.

может быть, сравнил бы ее с красавицей Лукрецией дель Феде[269] с мраморным, словно бы без кровинки, лицом; такая себе Braut[270], бледная красавица с зимней кожей, скажет один, нет, с кожей цвета старого паруса, отбеленного всеми дождями и ветрами, скажет другой... Корень и источник атлетического или эстетического прыщика, который можно называть и носиком, похожим на птичий клювик, никогда не засыхал и не иссякал...

А когда у самого Белаквы случался запорный насморк, на кончике его указательного пальца и на ногте этого пальца, с помощью которого он проникал в одно укромное местечко и затыкал его на протяжении многих лет с той же частотностью, с которой он протирал свои очки (о экстаз трения!), обнаруживалось нечто такое... а как часто ему приходилось переносить потряхивания и мелизмы[271] удавливания и удушения шопеновской "Winkelmusik", или Пичона, или

---

[269] Примечания: 269

Лукреция дель Феде — жена итальянского художника Андреа дель Сарто (1486—1530), которая была его натурщицей.

[270] Примечания: 270

Нареченная (нем).

[271] Примечания: 271

Мелизмы — мелодичные музыкальные украшения (муз. термин); апподжиатура; неаккордовые звуки.

Шопинека, или Чопинетто, или что там еще трогало ее сердечко, с такой же неизбежностью, с какой приходится признать, что его звали Фред и что он умирает всю жизнь (спасибо за поддержку, господин Обер)... у него действительно был особой талант создавать в доме обстановку больничной палаты (и вам спасибо, господин Полле) и Leidenschaftsucherei Kleinmeister'a (ну и вам, конечно, спасибо, господин Беккет, за всю эту галиматью), и поднимаясь по Фульде, или Тульде, или Тольке, или Подле, или Волге, или по какой другой речке, он никогда не думал о том, что каждый раз и во всех этих случаях он потворствовал самым чудовищным излишествам сублимации...

О эта верхняя губа, похожая на жалкую влажную тряпочку, дергающаяся вверх и загибающаяся назад, отчего все, вместе с раздувающимися ноздрями становилось похожим на утиную или коброву ухмылочку; однако это, к счастью, можно было в некоторой степени исправить выставлением вперед нижней подруги верхней губы с сообщением ей некого развратно-неприличного склада и одновременным выдвижением нижней челюсти — можно даже сказать, что результат получался блестящим... А черепушка этой рослой, дебелой и пышной девицы имела форму клина.

Ушки, как и положено, следовало бы сравнить с завитыми раковинами, а глазки — с резедой (между прочим, бледно-зеленый был его любимый цвет), чьи корешочки уходили вглубь, туда, где гнездился рассудок, начисто лишенный какой-либо ценности, нераскрытых возможностей и величия. Волосы ее были черны, как донышко закопченной кастрюльки, и росли столь густо и опускались столь низко, особенно на висках, что брови оставались лишь намеком (а именно такими бровями он восхищался больше всего). Но разве имеет значение внешний вид человека? Разве телесность важна?

Смеральдина выбралась из узкой кровати и начала вылезать, как обычно, не на ту сторону, словно бы хотела войти в стену. Не сразу ведь и сообразишь, на какую сторону слазить, особенно по утрам. Отправилась в комнату, где лежал убранный упокоившийся Белаква. Под самым подбородком, на груди, все еще лежала Библия, завернутая в салфетку. Она стояла рядом в своей ситцевой пижаме с лотосами и, затаив зачем-то дыхание, смотрела на покойника, глаза которого, если бы поднять ему веки, выглядели бы столь же тусклыми, как и материал ее пижамы. Смеральдина после некоторого борения с собой

отважилась положить руку тыльной стороной на лоб Белаквы, который оказался значительно менее холодным, чем она предполагала, что, по всей вероятности, можно было объяснить особенностями ее периферийного кровообращения, между прочим, отвратительного и не обеспечивающего достаточный приток крови к конечностям. Смеральдина быстрым движением взяла руки Белаквы в свои и сложила их не на груди, как поначалу ей хотелось сделать, а несколько ниже, а потом переместила их в положение, которое ей показалось более подходящим. Сделав это, она опустилась на колени, совершая это медленно и поэтапно, но тут же беспокойная мысль о том, не произошло ли что-нибудь нежелательное с телом после того, как миновала стадия трупного окоченения — а на то, что она миновала, со всей ясностью указывала открывшаяся возможность поменять положение рук покойника,— подняла ее снова на ноги. Осмотрев Белакву, Смеральдина пришла к заключению, что все вроде бы было в порядке. Отказавшись от молитвы, отказавшись от длительного прощального вглядывания в лицо Белаквы, в недовольном, презрительном выражении которого присутствовал также оттенок неподкупной честности — а лицо и выражение

на нем, знаете ли, скоро развалятся, распадутся,— Смеральдина отправилась готовить свое траурное облачение, ведь не пристало же ей, в самом деле, показаться на людях в ситцевой пижаме! Кстати, черный цвет ей очень шел, она всегда предпочитала черный и еще зеленый. Порывшись у себя в комнате, она нашла то, что искала: черное цельное платье с изумрудно-зелеными вставками и с разрезами. Разложив это платье на своем рабочем столе, стоявшем в пенаннулярном[272] эркере, она принялась, борясь с нервной дрожью, приводить платье в порядок — кой-где подшить, кой-где распустить. Солнечный свет обильно вливался вовнутрь сквозь окна, занавешенные ныне раздвинутыми голубыми шторами, и от этого Смеральдине казалось, что она сидит в каком-то световоздушном пузыре голубоватого оттенка. Вскоре весь пол вокруг нее оказался забросанным удаленными яркими изумрудно-зелеными вставками, которые, скрипя сердцем — скрипение это было столь сильным, что чуть-чуть, и его можно было бы услышать,—

---

[272] Примечания: 272

Пенаннулярный — имеющий форму почти сомкнутого кольца; такого слов нет даже в самых больших словарях русского языка, но поскольку Беккет использовал слово редкое, книжное, то переводчик счел возможным воссоздать его по-русски с латинской основой, присутствующей в редком английском слове.

пришлось удалить. Как жаль их выпарывать, они такие красивые! Хотя и не цветочки, не пахнут сладко цветами...

Одна заметочка в утренней газете —
И нет чернее платья на всем белом свете...

Смеральдина была столь печальна, столь погружена в свою работу, которая так увлекала ее, столь наполнена ожиданием рыданий, которые все вызревали в ней и все более занимали ее мысли, что она не заметила толстого невзрачного беса, приближающегося к дому, не слышала даже того громкого шума, который он производил, стараясь ступать по гравию как можно тише. Мэри Энн принесла его визитную карточку. Господин Мэлэкода пришел засвидетельствовать свое почтение, и почтительно интересуется, не мог бы он с полным почтением произвести необходимые замеры. Первый всхлип рыданий вместо того, чтобы вырваться наконец наружу, совсем увял и сник. Смеральдина прохныкала, что ей очень жаль, но она никак не может принять сейчас господина... господина Мэлэкоду, она никак не может позволить сейчас производить замеры господина Шуа. Все черты шелушащегося, словно

бы лепрозного[273], лица Мэри Энн свидетельствовали о том, что она предавалась своим обычным излишествам, известно каким, но в критические моменты, подобные тому, который имел место в тот день, она стоила десяти, а то и пятнадцати таких, как ее хозяйка.

— А он, знаете ли, ну этот, что пришел, будет почти того ж размеру, что и господин Шуа,— заявила служанка.

Подумать только, как это она успела заметить!?

— Ну, в таком случае, пойди, пойди и сама скажи ему об этом! Пускай себя и меряет! — простонала Смеральдина.— Пускай делает все по своим размерам и не ходит больше сюда, чтобы меня мучить!

Ну, какое, спрашивается, в таких делах может иметь значение, больше ли на пару сантиметров здесь или меньше там? Даже если гроб окажется немного узковат, теснота уже не вызовет у *него* никаких неудобств, ну а если получится слишком широк, то на излишний простор *он* тоже жаловаться уже не будет. А от того, что будет происходить с *ним* потом, все равно не убере-

---

[273] Примечания: 273
Лепрозный — как у прокаженного.

жешься...

Мэри Энн ушла, но вскоре вернулась и продолжила мучить Смеральдину — она объявила, что в данный момент этот господин Мэлэкода двуногим козлом скачет по лестнице наверх, а в черных когтях у него мерная лента. Смеральдина вскочила со стула и, сжимая ножницы в руках, бросилась к двери, нанося еще невидимому противнику страшные удары этим портновским инструментом. Но мысль о том, что она облачена в ситцевую пижаму, остановила ее. Ну вот, опять все не так, как ей хочется!

— Принесла бы мне хоть чашку чая,— обратилась она совершенно спокойным, хоть и немного капризным голосом к служанке.

Мэри Энн вышла из комнаты.

— И яйцо всмятку! — крикнула Смеральдина ей вслед.

Несколько времени спустя принесли коробку с небольшим венком из белых лилий. Надо ли говорить, что приславший пожелал остаться неизвестным? Это Смеральдину сразило окончательно. Она отправилась на поиски садовника и нашла этого медлительного, застенчивого, нерадивого, несуразного, скудоумного человека с обвисшими усами в саду. Тот с совершенно

потерянным видом полной безысходности поливал клумбу турецкой гвоздики, пораженной каким-то паразитом или цветковой болезнью. Незадолго до этого он обнаружил, что с его цветника украли розу, и теперь он, все переживая потерю, безжалостно поливал цветы мощной струей воды из шланга, прибивающей их к земле. Смеральдина отправила его "подальше в холмы" на сбор папоротника. И наказала пошевеливаться и вернуться побыстрее. А потом он может быть свободен и возвращаться домой. Когда садовник ушел, Смеральдина принялась нервно обрывать с эвкалипта ветви.

Вскоре прикатил пастор на своем неуклюжем велосипеде, глянул на окна, одного взгляда оказалось достаточно, чтобы все его опасения подтвердились. Ставя свой тяжелый, из нержавеющей стали, велосипед у двери, он его уронил, сердито и скорбно поднял его с гравия, аккуратно прислонил к стене и решительно вошел в дом.

— Должен признать,— прочувствованно объявил священник,— что мне еще не встречались люди столь, так сказать, всем оснащенные, а я, знаете ли, повидал на своем веку немало людей.

— Да, да,— бормотала Смеральдина, не делая никакой попытки вникнуть в смысл того, что

говорит священник.

— Он получит, так сказать, автоматическое отпущение грехов! — воскликнул пастор.— Мгновенно, вот так.— Он щелкнул большим и указательным пальцами.— Раз — и готово. По Божьему произволению. И отправится он прямо в Рай. Где вы и встретитесь.

— Да, да,— тусклым голосом повторяла Смеральдина.

— Прибудет он туда,— пастор даже ручками всплеснул и взглянул вверх, на потолок (а почему, собственно, при упоминании о Рае, нужно глядеть вверх?),— оглядится, осмотрится, а тут и вы подоспеете. Для вас тут годы и годы пройдут, а там времени-то нет, для него — мгновение. Глядит, а вы уж рядом с ним.

— Да, я знаю,— согласилась Смеральдина,— с ним все будет в порядке.

— А посему не унывайте, а возрадуйтесь! — вскричал священник.

Священник укатил, быстро крутя педали (добившись перед уходом от Смеральдины обещания "пребывать в радости"), отправлять обряд причастия (все, что необходимо было для этого, он возил в саквояже, уложенном на багажную рамку велосипеда); а ехал он к одному толсто-

суму-кастрату, чьи денечки уже были сочтены. Жил он недалеко от дома Смеральдины, по той же дороге.

Затем явился Кэппер Квин на своей собственной машине, прикатил, словно бы на цыпочках. И первым делом бросился обнимать, если не сказать тискать, вдовушку. Он просто не мог устоять перед таким искушением. В определенном смысле она была вполне благоразумной девочкой, многое понимала и не испытывала ни чувства стыда, ни угрызений совести, когда оказалась в объятиях — пожалуй, излишне плотных — мужчины ее роста и веса. Наконец-то! Через некоторое — кое-кто сказал бы весьма продолжительное — время они разъединились, хотя и не без обоюдного сожаления (словно был выхвачен преждевременно пирог из духовки, оказавшийся из-за этого совсем недопеченным), и Волосатик смиренно и почтительно замер перед нею, покорно ожидая ее приказаний. С тех пор как мы с ним встречались, в нем произошли изменения к лучшему — судя по всему, общение с вещами темпоральными, а не сугубо духовными, оказывало на него благотворное воздействие. И теперь он мог изъясняться вполне свободно, не вырывая из себя с великими муками, как то было раньше,

слова и не бросая, отчаявшись высказать нечто связное, предложения недоговоренными.

Смеральдина стояла рядом, пока он нагружал свою машину. И что же он туда помещал? Пухлые мешки, набитые папоротником; ветки эвкалипта, завернутые в старую драную куртку конюха; целый восхитительный кустик вербены, тоже завернутый в какую-то рвань; небольшую кадку, набитую мхом; сумку, полную всяких крючков и скоб. После того как все это было уложено в машину и машина развернута в нужном направлении, Квин проследовал за Смеральдиной в дом и занял позицию, которая позволяла получше его рассмотреть и оценить по достоинству: ноги широко расставлены, огромные ступни вывернуты в стороны, руки болтаются вдоль тела, кисти припухших рук (которые следовало бы назвать лапами) appaumee[274], как балласт из плоти и крови, несостоявшиеся молочные железы мужской груди выставлены вперед. Даже в Ирландии водятся некоторые животные, которые теперь считаются разновидностями, а когда-то зоологи

[274] Примечания: 274

С кистями рук, раскрытыми и развернутыми так, что видны ладони (фр.).

рассматривали их как отдельные виды.[275] Квин чувствовал, что по мере того, как скорбь лепит по-иному черты его лица, оно приобретает все более благообразный вид.

— А не мог бы я взглянуть на него? — прошептал Квин таким шепотом, каким англиканский священник просит в библиотеке какую-нибудь книгу католического издательства.

Смеральдина, позволив, чтобы ее поддерживали при подъеме по лестнице, отправилась наверх. Провела Квина в комнату, которую она про себя уже окрестила покойницкой, но чувствовала она себя там так, словно то была ее спальня. Они разошлись по обеим сторонам тела, которое располагалось между ними, как ключи между народами на Веласкесовых "Копьях"[276], как вода между Будой и Пештом, и так далее — ряд этот можно легко продолжить. Белаква превратился в мертвый дефис между двумя живыми реальностями.

---

[275] Примечания: 275

Можно предположить, что эта фраза имеет какое-то отношение к внешности Квина.

[276] Примечания: 276

...на Веласкесовых "Копьях" — имеется в виду картина Веласкеса "Сдача Бреды" (1634); на ней изображен момент передачи ключей от сильнейшей голландской крепости Бреды, сдавшейся испанцам после долгой осады.

— Очень красив,— с гордостью сказала Смеральдина.

— Они все красивые,— уточнил Квин.

Пролей хоть слезинку, чертова дура, кляла себя Смеральдина. Не получается! А вот Квин сражался с собой по совсем другому поводу — ему с величайшим трудом удалось подавить в себе рыдания, которыми он готов был разразиться. А вылилось бы из него не меньше ведра.

Постояв так некоторое время, они снова сошлись, как параллельные линии, которых только ради спора заставляют сходиться, и, склонив друг к другу головы, заняли позицию в ногах покойника. Наглядевшись на покойника с этой новой точки, Смеральдина вдруг почувствовала вопиющую нелепость разглядывания Белаквы под таким углом и, отъединившись от Квина, покинула комнату. За дверью, которую она плотно за собой закрыла, остались двое — мертвец и еще живой, но, как и все мы, уже умирающий.

Квин решил, что вот теперь-то он может позволить себе расчувствоваться.

— Даже гумус, и тот живее тебя,— сказал Волосатик, но не вслух, а тем голосом, который звучит у нас в голове.— Ты там, в лоне земли, потихоньку да потихоньку, такое учудишь...

Ничего более толкового ему в голову не приходило. Да и "лоно" тут как-то не вяжется. Лоно — это хорошо, но у живых, да и в лоне случаются всякие неприятности...

А вот руки выложены на sternum'e[277], как-то нехорошо, неподобающе, вроде как почивший крестоносец, которому взяли и выдали отпущение и позволение не участвовать в этой затее...

Квин, даже не склонившись, сумел дотянуться своей длиннющей рукой до этих Белаквовых верхних конечностей, ставших вдруг почти мраморными. Уже не Белаква, а статуя. Не шелохнется. Так глупо...

"Вот и все, конец",— подумал Квин.

Белаква когда-то все мечтал встретить тех девочек, которые прочнее других входили в его жизнь, особенно Люси, там, за гробом; думал, что они все будут такие преображенные, просветленные, с печатью святости на челе. Какие несуразные мечтания! А вот теперь смерть вылечила его и от наивности.

Квин, как ни хотелось ему побыстрее вернуться к Смеральдине — пока на лице его сохраняется подобающее выражение и пока оно не верну-

---

[277] Примечания: 277
Грудина (лат.).

лось н то обычное свое состояние, в котором оно напоминало переваренный пельмень или раскисший пирожок с ливером,— медлил, словно чего-то ожидая. Ему никак не удавалось избавиться от впечатления, что он упускает какую-то редчайшую возможность почувствовать нечто совершенно особенное, изумительное, нечто огромной важности, нечто такое, чего никто никогда раньше не ощущал. Но пора уже, пора уходить, время поджимает. И Смеральдина, наверное, уже в нетерпении бьет копытом землю, и физиономия его собственная теряет нужное выражение, или наоборот, приобретает многое, совершенно для нее лишнее. В конце концов он сумел вырваться из той комнаты, но ушел, не помолившись, не постояв на коленях, а в мыслях он лежал распростертый перед тем, что когда-то было живым, просящий, молящий неизвестно о чем. Ну, хотя бы так. Это уже хоть что-то... А еще бы он не отказался чего-нибудь выпить и желательно покрепче.

Когда приехали на кладбище, начало уже смеркаться. Освещение казалось подводным — лунный камень сделался жидкостью, заливающей бесчисленные надгробные плиты, торчащие из земли, как пальцы ног. Темным фоном стояли

холмы, как будто написанные Учелло[278]. Изумительное по красоте местечко. Квин сдвинул в сторону доски, прикрывавшие сверху свежевыкопанную могилу, и полез в нее, спускаясь по короткой приставной лестнице, предусмотрительно оставленной гробокопателем у одной из стенок. Могила оказалась столь глубокой, что когда Квин опустился на самое дно, макушка его головы оказалась ниже поверхности земли. А ведь смелый парень, этот Квин, правда? Однако Смеральдина не оценила этой отваги. Она просто сидела на корточках у самого края могилы.

Ну, в общем, короче, они вдвоем, Квин и Смеральдина, убрали могилу следующим образом: глинистый пол могилы был выстлан мхом и папоротником, а стены прикрыты вертикально поставленными зелеными ветками эвкалипта. Квип работал, а Смеральдина подавала ему сверху все, что требовалось. Глина оказалась весьма плотной, и ямки для установки скоб и веток пришлось Квину ковырять носком или каблуком своих туфель. Так или иначе, они все сделали отменно, ни на стенках, ни на полу не было вид-

[278] Примечания: 278

Паоло Учелло (1397—1475)— художник Раннего итальянского Возрождения; настоящее имя Паоло ди Доно; пейзаж Учелло фантастичен и сказочен.

но ни пятнышка обнаженной глины — только зелень, толстый слой растений, все замечательно пахло зеленой свежестью.

Но скоро придет ночь, и все сделается черным...

Поднялся колючий, холодный ветер. У подножия холмов вскриками света вспыхнули огоньки, а жидкий лунный камень обратился в пепел. Смеральдина поначалу зябко ежилась, а потом стала просто дрожать от холода. А вот Квин чувствовал себя на кладбище так же уютно, как чувствует себя за толстым ковром клопик или на печи попик. Есть, знаете ли, такая дурацкая присказка, а если нет, то считайте, что я ее выдумал. А Белаква по-прежнему лежал себе, мертвенький, и на лице его застыло презрительно-насмешливое выражение. Квин вылез из могильной ямы, вытащил за собой лестничку, снова прикрыл зияющую могилу досками; вздохнул, отряхнулся, потер руки — труды закончены, бескорыстные труды, печальные труды, труды любви, труды скорби.

И тут откуда ни возьмись появился землекоп, отличная личность, пусть и весьма мало сохранившая от своего былого великолепия, и конечно же, пьяный, а пьяным он умел быть так, как никто другой. Появление могильщика придало

дополнительную остроту ощущениям Квина и Смеральдины, порождаемым пребыванием на кладбище, месте особой святости и... ну и всего прочего. Могильщика очень тронуло то, как они убрали могилу — такого внимания к усопшим наблюдать ему еще не приходилось. Сам он, конечно же, ради этого покойника, которого он знавал еще мальчиком (в те времена, как сами понимаете, когда усопший был еще жив), готов был бы работать до седьмого пота, мог бы, если бы потребовалось, на ладонях кожу стесать до кости! И Смеральдина мгновенно представила себе Белакву мальчиком, взбирающимся на дерево и с высоты, подставляя лицо и грудь солнцу, взирающим на мир...

Квин, чувствуя себя в роли отца, брата, мужа, исповедника, друга семьи (хм, семьи? А что, собственно, осталось от семьи Шуа?) и, как это в подобных ситуациях бывает, кого-то еще, принялся изображать из себя перед нетвердо стоящим на ногах гробокопателем весьма важную персону, а Смеральдина ему подыгрывала. А Белаква, которого невероятно, до тошноты, теперь превозносили и идеализировали, даже и не подозревал, что из-за него женщина, ставшая по его милости вдовой, и очень высокий мужчина, который ко-

гда-то был шафером у него на свадьбе, пришли на кладбище. Четыре уха слушающих и ничего не слышащих, головы слегка приподняты, лица обращены к звездному небу. А третий просто пьян.

— Кэппер, пора домой,— стуча зубами, окликнула Смеральдина Волосатика, отошедшего куда-то в сторону.

Квин тут же услужливо объявился, участливо, чтобы согреть, обнял Смеральдину.

Она шла, спотыкаясь, а Квин поддерживал ее.

— Хоть бы луна выглянула,— пробормотала Смеральдина.

И спутница Земли уважила Смеральдиново пожелание и тут же, как чертик из-под открываемой крышки дурацкой игрушки, выскочила из-за тучки, разбросав по холмам пучки серебристого сияния. Опустив на землю эти лестницы в небо, луна продолжила свое одинокое восхождение...

Гробокопатель, тронутый до глубины души, но тем не менее не забывающий о своем надоедливом люмбаго[279], осторожно уселся на доски, прикрывающие могилу, и приложился к своей бутылке. Виски, что киски — согревает, умиляет и урчит. Он уже давно потерял какой бы то ни

---

[279] Примечания: 279
Люмбаго — прострел, боль в пояснице.

было интерес ко всяким там "страшным тайнам" бытия, вечным вопросам жизни и смерти, да, господа, ему уже на все эти придуманные страсти наплевать. А вот к будущему он пытался прислушиваться. И что же оттуда доносилось до его слуха? Ничего нового, все те же изъезженные темы, все так же фальшиво звучащие... Ну и ладно, будет он по-прежнему оставаться в том состоянии души, в котором постоянно пребывал, в алкогольной эйфории, в алкогольных внутренних мелодиях, дающих радость, принимаемую с благодарностью, ибо наиболее полно воплощалась в ней его беззаботность... Могильщик поднялся на ноги и, подойдя к ближайшему кипарису, "побрызгал" на пего.

Той ночью Квин долго не мог заснуть, и тому было несколько причин. Он ворочался, метался в постели и наконец погрузился в беспокойный сон. Проснулся же, сном совсем не освеженный и не выспавшийся. Ночью погода переменилась, и день поприветствовал пробудившегося Квина дождем и ветром.

Вернемся к Смеральдине. В полдень она еще в постели, предается размышлениям о самом сокровенном; при воспоминании о яйце всмятку, которое она съела утром, но уже предыдущего

дня, у нее текут слюнки, хотя и не очень обильно. Появилась Мэри Энн и сообщила, что опять заявился этот зануда Мэлэкода. Страсть как хочет уложить господина Шуа в гроб. На что Смеральдина с горечью в голосе ответствовала, что если уж этому Мэлэкоде так хочется кого-то уложить в гроб, то пусть себе и укладывает, а она, Смеральдина, не видит никакой необходимости в том, чтобы она, Мэри Энн, являлась и с такой садистской жестокостью постоянно докучала ей, Смеральдине, или точнее, просто изводила ее, Смеральдину, сообщениями о том, что и как будет сделано, причем сделано так или иначе, безо всякого ее, Смеральдины, вмешательства!

Всего лишь одна стена, хоть и прочная, однако весьма тонкая отделяла Смеральдину от господи на Мэлэкоды и его помощника, удивительно похожего на какого-то представителя копытных, которые производили очень много шуму от чрезмерного усердия и желания все сделать побыстрее. Погребальные одеяния не шли усопшему — все эти складки, кружева, все это преизобилие оборок и рюша превращали его в какой-то женский персонаж пантомимы.

Квин прибыл в тот особый, магический час, который можно было бы назвать Гомерическими

сумерками, когда крысы подсознания выходят на поиски добычи. Он полностью согласился с мнением, что погребальные одеяния совсем не идут покойнику; по его же личному мнению, они, эти одеяния, были не только ему не к липу, но еще и придавали ему вид человека, с которым сыграли какую-то дурацкую шутку; он выглядит, говорил Квин, каким-то совсем беспомощным, ну вроде как он даже еще и не умер, а только умирает. В итоге Квин остался на ужин.

Здесь следует принять во внимание одно немаловажное обстоятельство, которое заключается в том, что Смеральдина по натуре своей была столь беспечна и беззаботна, что переживать глубоко или, если выразиться несколько точнее, впадать в глубоко сентиментальное настроение она просто не смогла бы. Любой муж, каким бы он ни был на первых порах, в конце концов становится тряпкой, годной разве что на обтирание і юг, использованным презервативом, клеткой для птички... Мы уже описали в главе "Какое несчастье", как Белаква получил знамение о том, что в очередной раз влип — знамение явилось ему в виде цветка, засунутого им в неверную петлицу, а потом и вовсе утерянного. Все теряют и находят, а вот неудачники теряют, ищут и не

находят. Возможно, такие жесткие определения — упрощенчество, и во всем все же присутствовал сентиментальный фактор — даже для Смеральдины,— окрасивший ситуацию в некие определенные тона (а может быть, даже сообщавший ей явно черноватый оттенок), тем самым все усложняя, но в целом, нам кажется, что мы дали более или менее верное описание ее состояния.

Той ночью погода исправилась настолько, что милостиво сделалась вполне подходящей для похоронной церемонии. Мэлэкода со своими подручными и с огромным катафалком, черным, как корабль Улисса, заявился с утра пораньше. Бес (а иначе как бесом Мэлэкоду за его внешний вид и нельзя назвать), пребывая в своей обычной, крайней спешке, которую он и не думал от кого бы то пи было скрывать, тем не менее нашел время на ферлакурство[280], хотя и мимолетное, с Мэри Энн. Смеральдина, эмоционально покончив с покойницкой, попыталась совсем отрешиться от нее, и не потому, что была черства душою, а как раз потому, что для ее трепетной души постоянное пребывание со смертью, особенно со смертью, обряженной в оборки и рюши,

[280] Примечания: 280
Ферлакурство — ухаживание за женщиной, флирт.

оказалось слишком сильным, непереносимым испытанием. Квин, который стремительно становился особой, наиболее приближенной к госпоже Смеральдине Шуа, немедленно соглашался с любым мнением, которое госпожа Шуа изволила высказать. Собственно, для этого он и был нужен, за это ему и платили. Так что давайте поскорее завершим это кошмарное действо.

И вот Квин, оскалясь, уже глядит на крышку гроба.

— Никаких цветов,— говорит он.

Боже упаси!

— И никаких друзей,— добавляет тут же.

И говорить об этом не стоит.

Священник прибыл точно в назначенное время. Все утро он занимался тем, что изгонял бесов, и теперь был весь в липком, грязном и вонючем поту.

Квин веселым скоком выскочил на улицу и окунулся в солнечный свет и в ласковый ветерок — вырвался наконец из дома, превратившегося во временный, на тяп-ляп сработанный мавзолей, и направился с устным посланием от его сладчайшей подопечной к водителю катафалка по фамилии Шрамилльоне; велено было Квину передать водителю самые ясные, четкие и

строгие выражения, смысл которых сводился к тому, чтобы потребовать от водителя проявлять должную осторожность и не гнать на бешеной скорости. Квин выразился на своем претенциозном языке: "Веди ее (машину то есть, имея в виду катафалк) на умеренной скорости, ни на йоту не превышая тот коэффициент риска, который обеспечивает должную безопасность". Шрамилльоне выслушал эту просьбу с каменным, хотя и вежливым выражением на лице. Всякий раз, когда ему приходилось садиться за руль в таких похоронных случаях, он целиком и полностью полагался на отделы своего мозга, хранящие информацию, необходимую для управления машиной и контролирования скорости движения, и на свою совесть, вот и все, никаких внешних воздействий, просьб и советов. Тут он был непреклонен. И Квин слинял, удалился, оставил в покое этого любезного водителя, из ротового отверстия которого выпадали такие словеса.

Все на борт! Все души приспустить! Аой-Аой!

Мэри Энн обнаружила садовника в кладовке, в которой хранились всяческие инструменты. Он, сгорбившись, сидел на ящике, поставленном стоймя на один бок, и вязал узлы на старой веревке. Нет, нет, он закрылся здесь не для того,

чтобы бездельничать, он не пренебрегает своей работой, нет, он просто предается скорби.

— Да, единственный,— сочувственно проговорила Мэри Энн, имея в виду покойного хозяина,— только об ём и больше ни об ком.

Мэри Энн сообщила об этом таким тоном, словно садовника ее сообщение могло бы заинтересовать. А что, отдавая последнюю дань покойному, могла эта женщина сказать более похвального о нем? Садовник обеспечил себе безопасное местечко в уголке, откуда Мэри Энн никак не могла бы его вытянуть, да она и не попыталась бы это сделать; она просто стояла у окошка с выбитым стеклом и, повернув свое плоское лицо, похожее на огромную монету, хоть и не совсем монетного багрового оттенка, невероятно бубнила и бубнила, высказывая свои, никому, кроме нее самой, не интересные мнения и столь же обильно сообщая о своих столь же скучных впечатлениях.

Она не ожидала какого-либо ответа, она тарахтела без умолку, а ей и не собирались давать ответов, с ней не намеревались вступать в беседу. Садовник слышал ее докучливый голос, но он долетал до него словно бы из далекого далека, и слов он не разбирал. Он превратился, по крайней

мере на некоторое время, в сгусток хандры, и его собственное состояние, как телесное, так и душевное, заботило его, и притом весьма сильно, в чем он до конца не захотел признаться даже самому себе. А может быть, он просто перенапрягается? Слишком много возится в этом саду? Трудно сказать... Он слышал, как Мэри Энн выбежала из кладовки, слышал ее яростный, неистовый вопль, с которым она откручивала пойманной курице голову... Курицу эту скоро подадут на стол, а вот куда подевалась его мерная лента? На месте ее нет. А ведь она всегда была тут. Кто-то спер! Кто-то без спросу взял его мерную ленту? И что теперь? Как он будет сажать брокколи? Садовник поднялся с ящика, вышел из кладовки, совсем в расстроенных чувствах выбрался из затхлой комнаты на яркий свет и, найдя хорошее местечко на солнце, уселся, став похожим на колоссальную муху, прикидывающую, куда бы ей доставить свой гадкий груз какой-нибудь мерзостной заразы. Мало-помалу настроение его стало улучшаться. Он даже решил, что готов биться об заклад — десять к одному,— что Бог на небеси все ж таки есть....

Несмотря на то что могила была очень глубокой, опускание в нее гроба было выполнено

весьма умело, так что обошлось без каких бы то ни было происшествий, и вообще, все погребение прошло без сучка и задоринки. В надгробном слове, правда, несколько излишне подчеркнуто прозвучала тема греховности, а крепкая и уверенная надежда на попадание души усопшего в Рай была высказана так, что оказалась скомканной и едва ли не полностью погашенной самим фактом Белаквова ухода в мир иной. Та же часть, которая была отдана теме "из праха в прах", прозвучала торжеством страстного и презрительного осуждения всех живых. Как смеют они продолжать жить, имея души и тела свои столь переполненными страданиями и несчастиями?! О гниль человечья!

— А вот по-ирландски так не скажешь,— заметил Квин, когда уже возвращались с кладбища.— Выразить эту мысль столь же смачно не удастся.

— Чего нельзя выразить? — недопонял священник. Он ни за что не успокоился бы, пока бы не узнал, что имелось в виду.

— Ну, выразить должным образом тему "О Смерть, где твое жало?",— пояснил Квин.— В ирландском просто нет подходящих слов для определения таких возвышенных философских понятий.

Стерпеть такое священнику, канонику Ирландской Церкви, было очень трудно, и чтобы не ввязываться в спор, он попытался сменить тему разговора.

— Моя жена была бы очень рада повидать вас,— обратился он к Смеральдине, словно бы хватаясь за соломинку, едва заметную в призрачном свете на колеблемых ветрами черных, бездонных водах...

— О карбункул,— вдруг стал подвывать Квин,— где твоя пустула?

— Ей самой довелось много испытать,— говорил пастор, стараясь не обращать внимание на Квинов вой,— она все понимает, сострадает чужому горю. А сколько испытаний выпало на долю моей тещи! Бедняжка!

— О Ирландия,— гнусным голосом гнусавил Квин,— где твои крысы?

С Божьей помощью доброму пастору удавалось сдерживать свой гнев.

— И так далее и тому подобное,— продолжал нести ахинею Квин,— всего сразу не выразишь, и вообще, знаете ли, все это глупая, бездельная болтовня.

Со смертью Белаквы и его уходом в могилу, Квин, казалось, обрел новые жизненные силы,

воспрянул духом. Он теперь изъяснялся с похвальной уверенностью, выглядел много лучше и уже много меньше смахивал на безобразно тучного кретина и скопца. И чувствовал он себя в физическом смысле— а это уже само по себе большое дело — преотлично. Происшедшие в Квине перемены можно было бы, вероятно, объяснить тем, что пока Белаква был жив, Квину никак не удавалось сделаться самим собою или, если хотите, он просто не мог стать каким-то иным, чем он был. А теперь усопшего можно было, так сказать, использовать, употребляя его выражения, мысли, и при этом не подвергаться риску быть в этом уличенным. И таким вот образом Белаква, в некотором смысле, стал возвращаться к жизни, хотя и в несколько видоизмененном обличье. Смеральдина, сама того не подозревая, оценила это по достоинству.

А что же касается самой Смеральдины, то складывалось впечатление, будто изменения, в ней происшедшие, имели совершенно обратное свойство. Она оказалась вытолкнутой из той жизненной ниши, которую Белаква с таким натужным тщанием пытался вырубить в скале бытия. Общение с другими людьми, от которых можно было прятаться в этой нише, вдруг сдела-

лось суровой необходимостью, а ниша съежилась и превратилась в частную, сугубо приватную нишку, пребывать в которой уже было неудобно и тесно. Сохранявшийся в ней последний, скрытый от других аспект ее личности, потерял жизнеспособность и превратился в некое подобие рентгеновского снимка к некой схеме и мог использоваться лишь как приправа для придания остроты некоторым частным, скрываемым от других моментам личной жизни. Стараниями Ника Мэлэкоды ее дух оказался, если позволено будет так выразиться, измеренным, уложенным в гроб и прикрытым крышкой. Если развить эту метафору, то можно было бы сказать, что за него, за ее погребенный дух, уже и черви принялись.

Ну а что же от нее осталось? Осталась лишь отменная оболочка рослой, дебелой девицы — хотя, собственно говоря, ее уже давно следовало бы называть женщиной,— некогда операционной сестры, упомянутой в главе девятой, чуть ли не лопающейся и страстно жаждущей, чтобы ее воспринимали и оценивали по внешнему виду — внешнему в совершенно буквальном смысле,— достаточно, надо сказать, притягательному.

И так уж случилось, что эти глубинные процессы, протекающие в душах Квина и Смеральдины

независимо друг ото друга, но имеющие некое общее происхождение (используя слова из научного лексикона, это можно было бы назвать маргинальным метаболизмом, конструктивным у мужчины, то есть у Квина, и деструктивным и очаровательно экскрементационным у женщины, то есть у Смеральдины), достигли своей кульминационной точки как раз тогда, когда они возвращались с кладбища.

Квин неожиданно остановил машину.

— Вылазьте! — гаркнул он, страшным глазом сверля священника,— Меня от вас воротит!

Пастор обратился к Смеральдине с немым призывом заступиться, но та отказалась это сделать. Никогда, никогда, решила она для себя, не будет она в этой жизни занимать чью-либо сторону, даже в том случае, если яблоко раздора будет выглядеть очень аппетитно.

— Давайте, оплатите кому чего следует,— рычал Квин,— и спрыгивайте!

Пастор поступил так, как того требовал Квин, чувствуя себя при этом очень несчастным. Ему даже не дали возможности подставить другую щеку! Он стоял и, как говорится, "ломал себе мозги", пытаясь решить, как же ему быть дальше, и надеясь, что обломки возгорятся. И в тот момент,

когда машина тронулась с места, он с удивительным проворством вскочил на подножку и, частично прикрыв собою ветровое стекло, начал скороговоркой, жалобным голосом подвывать:

— ...не будет, не будет больше смерти, не будет больше горя, верьте мне, о, верьте мне, люди, верьте, не будет больше...

Машину стало опасно заносить в сторону, и ради спасения своей же собственной жизни пастору пришлось соскочить на дорогу. Он, стоя и глядя вслед удаляющейся машине, надеялся, что "Бог им простит", облекая надежду в форму молитвы.

— Прямо тошнит от него! — продолжал горячиться Квин.— От него и от его штучек!

Нам остается рассказать совсем немного. Вернувшись с кладбища, Смеральдина и Квин обнаружили, что Смеральдинов дом в огне. Пылало обиталище, в которое Белаква приводил трех своих невест, ставших его женами. Как выяснилось, в голове садовника что-то сдвинулось, а то и вовсе сломалось, и он сначала совершил насилие над служанкой, а потом взял да и поджег дом. Он не пытался бежать, не заявил о себе в полицию — он просто заперся в кладовой с инструментами и терпеливо ожидал ареста.

— Изнасиловал Мэри Энн! — возопила Сме-

ральдина.

— Ну, по крайней мере, он так утверждает,— заявил старший полицейский чин.— Кстати, тревогу подняла именно она.

Квин подозрительным взглядом окинул полицейского с головы до ног.

— А у вас есть ордер на арест? — поинтересовался Квин.

— А где же Мэри Энн сейчас? — одновременно с Квином спросила Смеральдина.

— Она отправилась к себе домой, к матери,— пояснил полицейский чин.

— Ну а садовник где? — продолжала допытываться Смеральдина.

Чина этот вопрос не застал врасплох — он успел к нему хорошо подготовится.

— При аресте он оказал сопротивление, ну и его отправили в больницу.

— Ну а где же тогда наши героические пожарники? — включился в игру вопросов и ответов Квин.— Где эти бравые ребята из нашей старой доброй пожарной команды, эти доблестные казаки с улицы Тара? Есть надежда, что они прибудут уже сегодня? Они, знаете ли, могли бы сыграть в

некотором роде антифлогистонную[281] роль.

Волосатик преображался прямо на глазах, и Смеральдина взирала на него с изумлением, словно бы он и в самом деле покрылся с головы до ног плотным волосяным покровом.

— Боюсь, они несколько задерживаются,— невнятно промямлил полицейский чин.— Задержка вызвана некоторыми чрезвычайными обстоятельствами.

— Ладно, увезите меня отсюда,— твердым голосом объявила Смеральдина.— Дом застрахован.

Полицейский чин тут же взял на заметку это подозрительное обстоятельство.

Ах, Смеральдина! Похоже, она, бедняжка, совсем растерялась.

— А почему бы вам не поехать со мной,— прошептал ей прямо в ушко Волосатик,— поедем ко мне, тут уже все закончилось, бесповоротно и окончательно... поедем, будешь моей любовью...

— Я не понимаю, о чем вы...— потупя глазки, пробормотала Смеральдина.

И Квин принялся очень доходчиво объяснять ей, что именно он имеет в виду. Посреди фиолето-

---

[281] Примечания: 281

Флогистон — по господствовавшим в химии XVIII в. представлениям "огненная материя", содержащаяся во всех горючих веществах и выделяющаяся из них при горении.

вых холмов машина вдруг остановилась. Не из-за поломки, а из-за того, что кончился запас бензина. Квина это ничуть не смутило, и он продолжал вести дальше свои разъяснения. Он все говорил и говорил, и все об одном и том же. Однако наконец запас и его энергии исчерпался.

— В конце концов, может быть...— задумчиво проговорила Смеральдина,— может быть, это как раз то, чего хотелось бы и дорогуше Белакве...

— Чего именно? — буркнул Квин, пораженный ее словами.

И Смеральдина принялась пояснять ему то же самое, что пояснял ей он, но ей удалось все растолковать ему намного быстрее.

— Моя радость! — вскричал Квин.— Ну конечно же, конечно!

Замолчали. Квин глядел прямо перед собой, и склоны холмов, видимые сквозь ветровое стекло, тонированное таким образом, чтобы не допустить ослепления водителя светом фар, идущего навстречу транспорта, или прямыми лучами солнца, казались окрашенными в странные цвета, чем-то напоминающие картины Пола Генри. Молчание затянулось и Квин стал подумывать о том, что пора бы предпринять какие-нибудь действия. Однако те действия, которые хотелось

бы предпринять Квину, в тот момент начисто исключались. Мысли же Смеральдины постоянно убегали к далекому хладному телу, покоящемуся на той свалке трупов, которую называют кладбищем... а кладбище-то, между прочим, расположено неподалеку от моря... Думалось ей о и своем собственном погребенном духе... Надо бы уважить как-то то далекое хладное тело, может быть, поставить какой-нибудь надгробный памятник, но не сейчас, а несколько попозже, а то ведь с телом пока будет всякое там происходить, могила просядет, ну и все такое прочее, ну а потом можно будет и заняться... Отчего-то вспомнилась Смеральдине Люси, о которой ей рассказывал Белаква, однако Смеральдина тут же постаралась изгнать ее из своих мыслей.

— Надо подумать, что написать на могильной плите,— наконец нарушила она молчание.

— Я вспомнил, он мне когда-то говорил, какую эпитафию ему хотелось бы иметь на своем могильном камне,— воскликнул Квин,— но вот беда, не могу точно припомнить, что же именно... А было бы здорово написать нечто такое, что он сам бы одобрил...

Гробокопатель стоял, погруженный в раздумья: его окружают могильные камни, вздыхающие,

мерцающие тусклым светом, как обглоданные ветрами и дождями кости; вон там, вверху, луна, уже отправившаяся на свою работу в небе, а вон там море, ворочающееся и урчащее во сне, а вон там, с другой стороны, холмы, бдительно застывшие на страже холмы благородных, древнегреческих, классических силуэтов — все замечательно, только вот никак не поймешь, можно ли назвать все это "романтическим пейзажем" или тут более уместно определение "классический"? Однако, поскольку явно просматриваются черты одного и другого, то, пожалуй, вернее всего можно было бы назвать открывающиеся с кладбища виды "классическо-романтическим" пейзажем. Итак — созерцаем "классическо-романтический" пейзаж.

А в душе могильщика было покойно и мечтательно. Ну что ж, имеем перед собой классическо-романтического работягу. В голове у него из неведомых глубин всплыли слова розы, обращенные к другой розе: "Живут садовники вечно, запятая, В душе алых роз беспечных..." Могильщик стал напевать незатейливую песенку и попивать виски прямо из бутылки, и скоро из глаз его выдавились умильные слезинки — ах, как ему был хорошо!

Да, господа, вот как бывает в этом мире.

КОНЕЦ